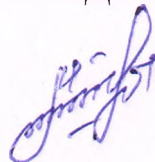

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ
АБУАБДУЛЛО РУДАКИ**

На правах рукописи

ЭШОНОВА МУТРИБАХОН АСАДХОНОВНА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА
МИРЗО ТУРСУНЗАДЕ**

Специальность: 10.01.08 - Теория литературы. Текстология

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор, заведующий отделом
истории литературы имени Абуабдулло
Рудаки Академии наук Республики
Таджикистан

Абдунаби Сатторов

Душанбе - 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МИРЗО ТУРСУНЗАДЕ КАК НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЭТА.....	14
1.1. Формирование своеобразия национальных чаяний и художественных замыслов в творчестве поэта	15
1.2. Национальная и общечеловеческая тематика и проблематика в творчестве Мирзо Турсунзаде.....	49
1.3. Национальные особенности произведений поэта.....	61
ГЛАВА II. ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И ХАРАКТЕРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ МИРЗО ТУРСУНЗАДЕ.....	80
ГЛАВА III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВИДЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА.....	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	180

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вопрос о национальном аспекте литературных произведений в последнее время больше, чем когда-либо вызывает интерес литераторов, социологов, философов, деятелей литературы и искусства. Эта тенденция имеет реальную основу, предпосылками которой являются реалии современного мира и богатая событиями судьба малых и крупных наций и народностей на пути эволюции их национального самопознания.

В наше время отдельные нации и народности больше и активнее втягиваются в процесс политической, общественной, экономической и культурной эволюции, усиливается их противостояние процессу глобализации, на этой почве претерпевает значительную эволюцию также процесс национального самосознания. В этом процессе особое значение обретает проблема национальной самобытности литературы и культуры, которой присущи теоретические и практические аспекты. Этот процесс, связан с естественным стремлением человека к собственному восприятию и познанию в контексте традиций, обычаев и культуры, что подтверждает человеческую, культурную и национальную самобытность.

С другой стороны, национальное самосознание охватывает новый духовный уровень, рассматривающий человека в контексте мировой культуры и общечеловеческих ценностей. На этой почве, происходит особый диалог литератур, культур, национального и общечеловеческого в них, важные философские, эстетические и поэтические особенности которых становятся злободневными, и создают гармоничный синтез такого процесса, который способствует сохранению национальных свойств в контексте мировой цивилизации.

В связи с этим, в современном мире особое значение обретают национальные аспекты духовной жизни человечества. Даже малочисленные народности борются за свою самобытность и независимость, и такой процесс

следует оценивать, как попытку внести вклад в общечеловеческую историю и культуру.

Следовательно, одной из важных задач литературоведения является исследование национальных аспектов творчества великих литераторов, идейно-художественную связь их наследия с историей собственного народа и реалиями современного мира.

В творчестве Мирзо Турсунзаде национальные и общечеловеческие аспекты идеально соотносятся и являются неразделимыми. Наследие этого «величественного и искуснейшего современного таджикского поэта» [116, 55] отражает актуальную литературную, культурную, философскую и политическую художественную истину, что способствует познанию национального своеобразия таджиков. На этой почве его заслуги не могут исследоваться, интерпретироваться и оцениваться односторонне и отдельно от контекста социально-политических реалий. Несмотря на политическую и социальную загруженность, Мирзо Турсунзаде смог защитить свое человеческую и художественную уникальность в сложный период истории таджиков. Как представитель своеобразной нации и прославившейся литературы, посредством своего творчества он оживлял интерес к ценным и истинным традициям поэзии прошлого, подвергая их эволюции. Путём сохранения национального менталитета и применения его важных аспектов в общественной деятельности, особенно в своих творениях, следуя по стопам устода Айни, он, проделал огромную и незыблемую работу. Признание и рассмотрение такого подхода к его творческой концепции очень важно для настоящего и будущего таджикской литературы. Как подчеркнул профессор Абдунаби Сатторзода, у Мирзо Турсунзаде «есть качество, свойственное именно ему и которое отличает его от своих современников». Это качество - очень сильная его привязанность и чрезмерная любовь к своей земле и ее народу.

По произведениям Мирзо Турсунзаде можно не только воссоздать его биографию и воззрение, но и подробно составить историю таджиков и их

края. Кроме того, произведения Мирзо Турсунзаде являются выразителями нрава, характера, обычаев, быта, языка, традиций, истории и культуры нации, и всё это показывает характерную особенность национального аспекта его поэтического мастерства.

Решение вопроса национального аспекта стихов Мирзо Турсунзаде в контексте всего наследия поэта, в первую очередь, являясь необходимостью нового подхода к изучению современной таджикской литературы, будет способствовать раскрытию характерных художественных особенностей национальных и интернациональных аспектов его литературного наследия. Другими словами, наряду с тем, что поэзия Мирзо Турсунзаде является особым и новым для своего времени литературным миром, её всестороннее исследование способствует постижению процесса художественного восприятия целого периода таджикской литературы, в том числе процесса формирования и эволюции поэзии.

Поэзия Мирзо Турсунзаде с самого начала имела особый национальный характер и была выразителем чаяний таджиков. Лучшие образцы его поэзии, выражая национальную самобытность таджиков, играли важную роль в воспитании в них чувства самопознания и самоутверждения. С этой точки зрения, комплексное изучение проблемы национальных и общечеловеческих аспектов творчества поэта имеет решающее значение для определения характерных идейно-содержательных и художественных особенностей его поэзии.

С самого начала творческой деятельности отражение национальных и общечеловеческих интересов, национального мышления находилось в центре внимания Мирзо Турсунзаде. Таким образом, начиная с его первых творений национальный и общечеловеческий аспекты выражались в его поэзии как на уровне содержания, так и формы. Кроме того, поэзия Мирзо Турсунзаде, наряду с литературным наследием устода Айни, Пайрава Сулаймони, Абдулькасима Лахути, Мухаммаджона Рахими, Мирсаида Миршакара и других, не только способствовала социально-историческому пробуждению

таджиков, но и стала выразителем «высочайшего уровня самосознания народа» [131 - 422].

Степень изученности темы. Наследие Мирзо Турсунзаде в силу его нравственных и художественных достоинств, с самого начала его творчества представляло интерес для исследователей и поклонников литературы, этот интерес не уменьшился и до настоящего времени. Исследования, проведенные относительно поэтической личности и мастерства Мирзо Турсунзаде, с учётом подходов исследователей, выглядели следующим образом:

- статьи и монографии, написанные непосредственно о жизни и произведениях поэта;
- статьи, авторы которых в ходе дискуссий касались Мирзо Турсунзаде и его поэзии;
- введения к сборникам и собранию сочинений поэта;
- воспоминания и мемуары;
- книги по истории литературы.

Научную литературу о Мирзо Турсунзаде составляют сотни статей, брошюр, сборников, монографий и т. д. Среди них имеются работы, хотя и косвенно, но в какой-то степени, затрагивающие вопрос о национальных и общечеловеческих аспектах произведений поэта. В частности, национальные и общечеловеческие особенности произведений поэта исследованы в статьях М. Шукурова «Народность и мастерство» [145], Н. Маъсуми «Сказание о преобразовании жизни» [80, 58-72], «Певец идей коммунизма» [81, 73-83], А. Сайфуллаева «Творческий путь поэта-борца» [86, 3-55], Р. Хадизаде «Творческое отношение Мирзо Турсунзаде к классической поэзии» [158, 253-265], Х. Мирзоаде «О поэме «Вечный свет» [102, 257-271], Х. Шадикулова «Национальные и общечеловеческие особенности поэзии Турсунзаде» [169, 71-91], Ш. Шуджо «Отображение традиции в творчестве Мирзо Турсунзаде» [171], монографии Ю. Бабаева «Флагман поэзии» [50], Р. Ваххоба «Идеи национальной независимости таджиков в произведениях устода Мирзо

Турсунзаде» [56], «Художественная ценность произведений Мирзо Турсунзаде» [57, 139-147], и т.д., во многих из них также было оценено соотношение национального и общечеловеческого в произведениях поэта.

Для второй половины восьмидесятых годов XX века становится характерным новый взгляд на литературу и критический подход к оценке новейшей таджикской литературы, в том числе творчества её отдельных представителей. Мирзо Турсунзаде также не остался вне этого процесса. М. Шакури в своей статье «К новому пониманию» [160, 11-32], наряду с другими вопросами, высказался также относительно сущности «таких высоких понятий, как патриотизм и национальная гордость, интернационализм, дружба и братство народов» [160, 28], отметив «снижение социальной рассудительности и интеллекта» [160, 28], поднимает тему литературной и социальной интерпретации данных понятий, и в качестве примера называет газель Мирзо Турсунзаде «Чӣ ғам дорам, диёри хубтар аз бўстон дорам» («Какая печаль может быть у меня, когда имею край лучше цветника»).

Рахим Мусулмониён, впервые подняв «проблему пересмотра творчества Мирзо Турсунзаде», главным критерием истинного познания и оценки поэзии Мирзо Турсунзаде считает «пересмотр», «взгляд на предшествующий период истории литературы», «переоценку литературы предшествующих годов» [108, 6]. Позже профессор А. Сатторзода, поддерживая позицию данного автора, считает «совершенно уместным и логичным на основе поэзии Турсунзаде акцентировать внимание на решение проблемы необходимости переосмысления современной таджикской литературы» [140, 55]. Оба автора признают значимость национального и общечеловеческого аспектов поэзии Турсунзаде и продолжения им литературных традиций прошлого, как показатель его поэтического мастерства.

Позже Алиреза Казва упоминает «сохранение яркости сияния персидской литературы и поэзии» как показатель заслуги и национального начала мастерства поэта [85, 3].

Мухаммаджон Шакури в статье «Общий взгляд на таджикскую литературу двадцатого века», впервые указывая на национальные аспекты поэзии Турсунзаде, признает национальную специфику его поэзии лишь в некоторых случаях, когда поэту удастся отобразить реальные картины жизни современных таджиков. Кроме того, этот исследователь считает художественную связь поэта с поэзией предшественников – со стихами Саади и Хафиза характерной чертой национального самосознания поэта. [159, 421]. Другой исследователь А. Кучаров в своей работе «Турсунзаде - мастерство и преданность» также кратко высказывается относительно национальных и интернациональных особенностей поэзии М. Турсунзаде, его позиция более устойчива относительно общечеловеческих проблем в творчестве поэта. [84].

Профессор Атахон Сайфуллаев в монографии «Мирзо Турсунзаде. Изучение жизни и творчества поэта», упоминая о «важности национальной и интернациональной тематики и проблематики» в поэзии Турсунзаде, больше обращается к интерпретации общечеловеческих аспектов творчества поэта. Также при анализе некоторых произведений поэта местами он упоминает о национальных предпосылках характеров и нравов героев поэта, что является попыткой раскрытия национальных аспектов поэзии Мирзо Турсунзаде [133].

Другим исследованием, связанным с нашей темой, является диссертация Шахобуддина Шуджо «Традиции классической литературы в творчестве Мирзо Турсунзаде». Приблизившись к решению проблемы с исторической позиции автор при определении роли традиций литературы прошлого в формировании и эволюции мастерства поэта, также останавливается на национальной и художественной форме произведений Турсунзаде и их роле в развитии национального самосознания [171]. В этом

контексте можно назвать также весьма значимыми статьи Рустама Ваххоба «Идея национальной независимости таджиков в произведениях устода Мирзо Турсунзаде» [56] и «Художественная ценность произведений Мирзо Турсунзаде» [57].

О жизни и творчестве Мирзо Турсунзаде авторами статей и монографии, воспоминаний, мемуаров, учебников, посвященных сегодняшней литературе и особенно современной поэзии, высказаны примечательные мнения. Но исследуемая нами проблема до настоящего времени не была подвергнута отдельному исследованию. В то время как наследие Мирзо Турсунзаде является ярким примером сосуществования и взаимовлияния важных нравственных, духовных, социальных, литературных и философских факторов, оно было отображением особых национальных, общечеловеческих и литературно-эстетических видений на определённом этапе развития истории и культуры. Всестороннее изучение наследия поэта способствует пропаганде и популяризации незыблемых национальных и общечеловеческих художественных ценностей.

Цель и задачи исследования. Обзор истории изучения темы исследования свидетельствует о том, что проблема национальных аспектов наследия поэта, имеющих теоретическую и практическую значимость, до настоящего времени не были подвергнуты специальному исследованию. Следовательно, основной целью данной диссертационной работы является определение характерных особенностей художественного мышления поэта в познании и воплощении национальной самобытности таджиков, анализ и оценка идейно-содержательных и художественных особенностей его наследия в этом контексте также определяют цель и задачи наших научных изысканий.

Для достижения цели диссертант уделяет особое внимание нижеследующим задачам:

- Изучение формирования и эволюции художественного мышления, национальных и общечеловеческих устремлений поэта.
- Выявление национальной тематики и проблематики в творчестве Мирзо Турсунзаде.
- Исследование художественных своеобразий отображения национальных и общечеловеческих чаяний в творчестве Мирзо Турсунзаде в контексте литературного процесса эпохи.
- Выявление основных критериев национального сознания и национальной выразительности изображения в творчестве поэта.
- Изучение и рассмотрение формальных особенностей и элементов творчества поэта и национального своеобразия его поэтического мастерства.

Теоретические и методологические основы исследования. В целях достижения намеченной цели и задач мы придерживались научно-исторического, историко-литературного аналитических методов, опирающихся на теоритические положения работ таких исследователей истории и теории литературы, как Г.П. Куницын, Г.И. Ломидзе, М.Н. Пархоменко, М.Б Храпченко, М. Шакури, А. Сайфуллоев, С. Табаров А. Сатторзода, Х. Шарифов и др.

Научная новизна исследования состоит в том, что вопрос национальных аспектов наследия Мирзо Турсунзаде впервые подвергается всестороннему исследованию и оценке в контексте литературных и культурных реалий эпохи с новой точки зрения.

Степень и уровень сегодняшнего понимания проблемы национальных аспектов в художественной литературе позволяют оценить в новом свете некоторые аспекты художественного воззрения Мирзо Турсунзаде. Художественное предназначение и творческая природа поэта благоприятствуют выявлению закономерности восприятия и воплощения национальных чаяний и их соотношения с общечеловеческими целями.

Усилия в исследовании данной темы очевидны. Вместе с тем, не лишены особой значимости изучение художественного метода, познание национального чаяния и менталитета, отражённых посредством особой поэтики в контексте литературного процесса эпохи автора. Творчество и идейные общечеловеческие цели Мирзо Турсунзаде, сочетаясь с применением и сохранением важных показателей национальной принадлежности, гарантируют незыблемость идейной ценности его наследия.

Особенно в период быстрого роста национального самосознания особую ценность обретают этические и моральные традиции человечества.

В связи с этим, исследование и новое понимание данной проблемы на основе произведений Мирзо Турсунзаде мы считаем осуществимым, конструктивным и беспрецедентным.

Теоретическая значимость исследования проявляется в необходимости научного анализа и понимания художественных особенностей национального аспекта произведений Мирзо Турсунзаде. На этой почве анализируются произведения, созданные поэтом в разные периоды, определяются теоретические и практические закономерности художественного воплощения проблемы. Следовательно, проделанная работа пополняет теоретические знания об отображении национального самосознания в художественной литературе.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что материалы и результаты исследования можно использовать при написании истории новейшей таджикской литературы, истории литературной критики и литературоведения, составлении учебников и учебных пособий по истории таджикской литературы, при преподавании истории литературы в средних и высших учебных заведениях. Кроме того, ее можно применить также как теоретическую основу при подготовке всеобщей истории современной таджикской литературы, поскольку в новейшей истории Таджикистана Мирзо Турсунзаде, несомненно, является выдающейся и незыблемой литературной фигурой.

Источники и материалы исследования. Основным источником исследования были разные издания произведений поэта, научные работы, связанные с исследуемой проблемой, образцы произведений современников поэта, воспоминания и отраслевые справочники. Кроме того, в ходе исследования были использованы различные теоретические литературные, исторические, философские и социологические источники.

Основные положения, выносимые на защиту:

- особенности творчества Мирзо Турсунзаде определяются исходя из социально-политической и литературной атмосферы советского периода. Отображение вопросов, связанных с национальными аспектами творчества поэта, рассмотрено на основе социально-политических, литературных и культурных событий той эпохи, а также документов, касающихся жизнедеятельности М. Турсунзаде. По такому же принципу определены и конкретизированы этапы формирования и эволюции национальных и общечеловеческих идей в творчестве поэта;

- проблема отображения национальной и общечеловеческой тематики исследована в связи с периодами творчества поэта, учтены этапы её становления и эволюции;

- тридцатые годы являются первым периодом формирования и блеска национально-художественной индивидуальности Мирзо Турсунзаде. Этот период творчества поэта имеет специфические особенности и оригинальную поэтику, его произведения этого периода охватывают национальные и общечеловеческие вопросы. Хотя общечеловеческий аспект превалирует в его творчестве данного периода, тем не менее выражение политических, сверхдержавных и интернациональных целей не препятствовало формированию национальной идеи в творчестве поэта. Соотношение этих двух аспектов с самого начала было творческим мерилom для Мирзо Турсунзаде;

- социально-политические, исторические и культурные вопросы в последующие периоды творчества поэта отображались пропорционально с

национальными целями и чаяниями, определяли направления его творческих поисков. Несмотря на приоритет «тематики и социологизма» [164, 328], национальный аспект преобладает в произведениях поэта и в данном периоде;

- отображение национальных и общечеловеческих тем выдвигает вопрос о национальности и её масштабах в творчестве поэта, который обретает художественную форму на основе философского восприятия социально-политических реалий современного мира и его соразмерности с судьбой нации и человечества. С этой точки зрения опыт Мирзо Турсунзаде в поэтическом отображении исторической реальности, нравственного облика людей и его соотношения с судьбой нации представляется весьма ценным. Другими словами, общечеловеческая основа произведений поэта, опираясь на традиции, национальный исторический и культурный опыт, определяет своеобразную особенность национального аспекта его художественного восприятия;

- поэт, придавая еерьёзное значение художественному изображению личностей, характеров, обычаев и обрядов, культуры, национальных особенностей и т. д., целеустремлённо пользовался элементами национальной культуры для яркого и реалистичного изображения национального менталитета;

- использование богатства языка, средств художественного изображения, жанров и национальных стилевых возможностей в творчестве поэта является особым вопросом национальных аспектов его произведений и показывает весь комплекс его мастерства в качестве национального поэта.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована и защите на заседании отдела истории литературы Институт язык и литературы Академии наук имени Абуабдулло Рудаки от «10» мая 2019г., протокол №7.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА I. ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МИРЗО ТУРСУНЗАДЕ КАК НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЭТА

Человеческая и поэтическая судьба Мирзо Турсунзаде со всеми ее радостями и невзгодами схожа с исполненной удачами и потерями современной истории таджикской нации. Нации, что подобна той сказочной, сгоревшей в огне и ожившей из пепла птице феникс. Октябрьская революция с ее социально-политической и культурной системой, произошедшая в начале двадцатого века и предначертывавшая дальнейшую судьбу таджиков, их литературы и культуры, была последним испытанием для таджиков.

После полной победы советское государство приступило к созданию совершенно новой культуры и литературы, которая была «социалистической по содержанию, но национальной по форме» [93, 31]. Советская политика не была объективной по отношению к нациям, их культуре и литературе. Эта политика, как в создании национального государства, так и в развитии его литературы и культуры имела свои критерии, которые на протяжении нескольких лет привели к игнорированию своеобразия национальной литературы и культуры. Этот процесс, приведший к воспрепятствованию развитию национальной литературы, создал «мутантов, выросших на национальной почве или завезенных извне», которые «имитируя историческую закономерность развития литературного процесса, по сути, разрушали ее традиционный остов» [97, 4].

Но в этих сложных условиях, были такие верные сыны таджикской нации, как Садриддин Айни, Мирзо Турсунзаде и Бабаджан Гафуров, которые мыслили о концепции и подходе к развитию национальной литературы и культуры шире рамок «политической автономии культуры» [93, 20]. Мирзо Турсунзаде вступил на арену литературы в то время, когда на различных уровнях распространялась подвластность единому стандарту «преобразования буржуазной нации в социалистическую нацию» [93, 20]. В этой ситуации он и другие не могли заступать за начерченную партией и советским государством линию. Несмотря на это, он и такие литераторы, как

Айни в сложный исторический период посредством художественных идей и национальной формы своих произведений смогли сохранять и развивать основные критерии национальной литературы и культуры.

Мирзо Турсунзаде достойно и своеобразно представил таджикскую нацию, ее историческую и культурную судьбу в контексте характерных политических, социальных и культурных событий, выпавших на ее долю, став пламенным певцом её взлетов и падений. Мирзо Турсунзаде значим не только заслугами в художественном воплощении исторической и культурной судьбы нации, ее чаяний и таджикской самобытности в определенный период истории, истинная значимость его дела заключается в поиске, открытии и сохранении духовных и художественных ценностей, в полной мере способствовавших последующему формированию и эволюции новой таджикской литературы, культуры и цивилизации. Безусловно, профессор А. Сатторзода справедливо заключил, что «среди его (М. Турсунзаде – М.Э...) сверстников, т.е. потомков комсомола, нельзя было найти другого поэта, который мог бы сравниться с ним в этом плане» [140, 55].

1.1. Формирование своеобразия национальных чаяний и художественных замыслов в творчестве поэта

Когда размышляем о национальных аспектах произведений Мирзо Турсунзаде, прежде всего, задумываемся об этапах формирования и эволюции характерных особенностей художественных замыслов и национальных чаяний в творчестве поэта. Исследователи, занимавшиеся периодизацией творчества поэта, акцентировали внимание на этом вопросе только с точки зрения тематики. В частности, периодизация творчества поэта, представленная А. Сайфуллоевым, ограничивается лишь тематическими и социально-политическими рамками и не полностью отражает этапы и предпосылки эволюции художественных и духовных особенностей творчества поэта [132, 59-98]. Следовательно, исходя из исторических и культурных реалий времен жизни поэта и процесса его творческого развития, мы выделили три этапа формирования и эволюции

особенностей художественного мышления поэта и его мировоззрения: первый этап - тридцатые годы, второй - сороковые и пятидесятые, и, наконец, третий - шестидесятые и последующие годы.

Каждый этап отражает характерные особенности формирования и эволюции национального аспекта художественного сознания и мировосприятия поэта.

Тридцатые годы, на которые приходится первый этап формирования творчества поэта, были достаточно результативными. Как утверждает А. Сайфуллоев, поэт в течение этого периода «не только участвовал в крупнейших строительствах страны - большие Ферганский и Гиссарский каналы, дорога Душанбе - Хорог, сочинял стихи и поэмы на темы созидательного труда народа и процветания родного края, но и расширял свое мировоззрение, благодаря творческим изысканиям совершенствовал свое литературное мастерство. В конце тридцатых годов он становится одним из передовых поэтов и талантливых драматургов» [132, 76]. По наблюдениям М. Шукурова (М. Шакурӣ) его тогдашние стихи – «Золотая страна», «Магнит», «Мужественный народ» и «Цветущая страна» свидетельствовали о формировании нового стиля в таджикской поэзии» [170, 97]. Тридцатые годы можно считать вехой формирования и проявления кристаллизации национально-художественной индивидуальности поэта. Этому этапу его творчества присущи характерная специфика и поэтика, берущие свое начало из сердцевины литературы, культуры, национальной цивилизации и, несмотря на наличие «тематической и социальной особенности» [164, 328], нельзя отрицать его своеобразные национальные аспекты.

Худои Шарифов, говоря об условиях жизни, воспитании и источниках художественного восприятия Мирзо Турсунзаде, считает «культурную среду и древний мир нации» [164, 325] одним из факторов совершенствования таланта и мастерства поэта. Действительно, Мирзо Турсунзаде был воспитанником подобной среды и «истинных традиционных культурных,

литературных и народных устоев», которые с самого начала его творческой деятельности являлись средством обеспечения национальных особенностей его поэтического мастерства и творческих замыслов. Многовековой опыт литературы, традиционное, историческое и национальное воспитание в этом контексте также имели на него воздействия. По мнению украинского писателя Олеся Гончара, «истинного поэта питает мудрость и рассудительность его народа. Насколько больше он извлекает пользу из сокровищницы народной мысли, эстетического воображения, древних традиций народной культуры, настолько перед нами проявляется его индивидуальность, способность и творческая личность. Для нас достойный сын таджикского народа, вдохновленный художник солнечного края труда, красоты и поэзии - Мирзо Турсунзаде является именно таким человеком» [36, 17].

«Если национальная литература является воплощением национальных интересов и национального сознания» [139, 310], то этот вопрос с самого начала был человеческой и творческой целью Мирзо Турсунзаде. Следовательно, начиная с первых его работ, национальный аспект проявлялся как в содержании так, и в форме его произведений.

Более того, поэзия Мирзо Турсунзаде, наряду с произведениями утока Айни, Пайрав Сулаймони, Абдулькасима Лохути, Мухаммаджона Рахими, Мирсаида Миршакара и др., не только способствовала социальному и историческому пробуждению таджикского народа, но в дальнейшем также стала и выразительницей «национального самосознания более высокого уровня» [159, 422].

Плоды творчества тридцатых годов Мирзо Турсунзаде позволяют нам наблюдать, как характерные особенности художественных, национальных и интернациональных идей, а также образно-эстетическая концепция, формируясь в сознании писателя, постепенно обретают специфически отблески. Несмотря на то, что политика того времени особенно в тридцатые годы пыталась лишить таджикскую нацию менталитета, деятели литературы,

в том числе Мирзо Турсунзаде, в этот сложный период по возможности выполнили свою человеческую и художественную миссию. Политика времени в соответствии с концепцией «национальной формы и социалистического содержания» предписывала мастерам словесности акцентировать внимание на художественный вкус «социалистической нации» [89, 32]. Политические, великодержавные и интернациональные цели были средством, направленным на убавление и постепенное устранение национальной и исторической памяти. Прежде всего, это осуществлялось для первоначальной обработки духа нации для последующей выработки в ней чувства благодарности чужим, а затем для постепенного стирания любого индивидуального проявления характера и устремлений нации.

Но, к счастью, нравственность, духовность и интеллектуальное богатство нации на всех этапах нападок чужих находились в руках бдительных лиц. Наша литература и культура старанием и умением своих поэтов и писателей смогла сохранить свой национальный характер. Айни, Турсунзаде и их последователи творили для нации, т.е. воплощали судьбу нации, пробуждая и вдохновляя ее к жизни.

Произведения Мирзо Турсунзаде в тридцатые годы выполняли именно такую миссию. Произведения поэта этого периода выражают характерные особенности формирования художественного сознания, национального и интернационального аспектов его творчества.

Мирзо Турсунзаде начал свою литературную деятельность в начале тридцатых. Продуктом его творчества в этом периоде был сборник «Знамя победы» (1932). По наблюдению Ю. Бабаева, «в этом сборнике были приведены рассказы, очерки и стихи начала его творческого пути, где ключевую позицию занимает тематика периода борьбы, процесса самопознания и пробуждения классового сознания простых трудовых людей» [50, 58]. Эти сочинения поэта, которые, к сожалению, были опущены в последующих изданиях его собрания сочинений, хотя и были ученическими, излагали характерную концепцию его художественного

восприятия, имевшего также национальный аспект. Как справедливо отметил А. Сатторов (А. Сатторзода), «Стихам и рассказам Мирзо Турсунзаде, как первым образцам продукта творца художественного слова, обратившегося к изъяснению определенной социалистической идеи, был присущ характер обращения и воззвания, естественно, они были еще далеки от глубоких жизненных изображений» [141, 20]. Когда мы размышляем о произведениях поэта через призму истории и культуры того периода, самым главным, что здесь вспоминается, является их нераздельность с судьбой нации. Поэт представляет через эти произведения отображение сложного периода, бурной истории нации, социальных, культурных проблем, особенностей национального характера, образа жизни своих соотечественников и таджикских реалий, где, хотя и не глубоко, отражается национальная сущность произведений, созданных им в тот период его жизни.

Наиболее важным элементом «особого национального характера» (И. Брагинский) прозаических и поэтических работ Мирзо Турсунзаде этого этапа является тема перемены в истории таджикской нации, которая составляет содержание его произведений. Углубление в социальные вопросы истории нации, сплочённость советских народов особенно в тридцатых годах, были из числа фундаментов самосознания и объемлещих созидательных национальных и интернациональных чаяний, которых не лишены стихотворения Мирзо Турсунзаде, написанные в данном периоде. Поэт на основе исторических, социальных и культурных реалий тридцатых годов, а также сравнения прошлого и настоящего соединил между собой социальный, национальный и интернациональный аспекты. Выражаясь точнее, Мирзо Турсунзаде в тридцатые годы был из числа тех мастеров слова, которые разрушив преграду времени, на основе материалов истории, социологии и культуры, исходя из судьбоносных событий других народов, определяли отличительные черты и атрибуты людей одной с ними нации. В последующие периоды своего творчества он достиг в данном направлении значимых художественно-эстетических результатов.

В связи с вопросом о национальном аспекте произведений поэта данного периода можно сказать, что когда Мирзо Турсунзаде заводил речь о прошлых трагедиях нации в сравнении с будущим, не мог не очаровываться и оставаться равнодушным. В этом контексте его слова в первую очередь были о социально-политических и культурных интересах народа и нации, выражали его своеобразное национальное, социальное и художественное видение. В этой связи справедливо следующее мнение Н. Салимова: «Литература по своей сути имеет некую закономерность, что, несмотря на ограничения или сдерживание социальной позиции и мировоззрения, через художественные формы и свойство эстетического познания, литературные произведения обретают идейно-социальную ценность. Данное обстоятельство прекрасно подтверждают выдающиеся произведения таджикских советских писателей, в том числе Мирзо Турсунзаде, никогда не имевших полную творческую свободу» [137, 20]. Воистину, не все произведения Мирзо Турсунзаде тридцатых годов «полны поддельных чувств» [144, 29]. Безусловно, советская национальная политика не давала возможности говорить чистую правду. Тем не менее, хотя поэту Мирзо Турсунзаде удавалось «отобразить реальные сцены современной жизни таджиков, выразить их боли, грёзы и чаяния лишь в некоторых случаях» [145, 419], истина заключалась в том, что содержание и суть его произведений, неразрывно связываясь в конкретный период с исторической и культурной судьбой нации, определяли национальный аспект его наследия. В тридцатые годы и позже суть концепции художественного восприятия и особенностей национального аспекта его произведений, определяли следующие слова поэта: «У меня всегда перед глазами судьба моего народа» [191, 121].

Мирзо Турсунзаде активно участвовал в событиях своего времени и с этой высоты ему открывались окна к новым горизонтам творчества. Точнее выражаясь, если критически разобрать и оценить личность и поэтическое мастерство Мирзо Турсунзаде в едином и реальном историческом и

культурном контексте, не будет преувеличением, если скажем, что и на данном этапе он обладает «литературной талантливостью» и всеми качествами совершенной художественной личности, которые он сохранил в своей жизни и творчестве до конца своих дней. В этой связи считаем уместным, процитировать здесь следующие слова великого поэта Ирана - Нодира Нодирпура, который в частности отмечал: «Его лицо было словно багряное солнце на восходе, но удивляло присутствие следов снега на солнечной стороне. В его невысоком и полном теле таилось средоточие ликования, это бушующее ликование выплескивалось на его лице, переходило в смех и билось вокруг него волной.

В его стихах плавность преобладала над перманентностью, а чувство управляло течением мыслей. Его человечность превосходила его поэтическую суть, поэтому близкие, находящиеся рядом с ним, испытывали к нему больше сердечности, чем те, кто были на расстоянии.

Он знал, что нынешние несозревшие молодые люди завтра будут опытными мастерами и поэтами поддерживал их.

Я неоднократно бывал у него и даже однажды встретил в пути, он был в том же расположении духа и не расставался со своим упоением и чувством поддержки. Я любил его, поскольку таких, как он, в нашей жизни было не так много и вряд ли будет. Теперь то багряное солнце закатилось и тот снег, который был на нем, растаял и канул в землю. Но, посмотрите вокруг, по-прежнему присутствует его ликование. Да упокоится его душа!» [118, 138].

Это общая характеристика и краткое биографическое описание человеческого облика и художественной личности Мирзо Турсунзаде, который сформировавшись и достигнув совершенства как индивид и поэт нации, сохранил свой человеческий облик и художественную личность через свои произведения, мастерство и национальные идеи. Человеческую добродетель и творческое становление поэта, упомянутые Нодирпуром, мы наблюдаем с начала до конца его творческой деятельности. Его жизнь имеет художественный колорит, а его мастерство - национальное и

общечеловеческое начало. В связи с этим, одно из первых стихотворений, написанное им в начале тридцатых – «Ба эҷодкорон» («Творцам»), имело программную специфику, и поэт не мог не гордиться и не ликовать изменением судьбы своей нации, постепенным улучшением положения края таджиков. В стихотворении «Офтоби мамлакат» («Солнце страны»), также написанном в этот период, отображены особенности социальной жизни эпохи, вдохновлённые порывы молодёжи. Как отметил Ю. Бабаев, «этими своими первыми произведениями Турсунзаде не открыл новую страницу в советской таджикской поэзии, но они, безусловно, были поворотным моментом в творческом развитии поэта» [50, 60].

Выше мы упоминали о характерной поэтике произведений поэта, написанных в тридцатые годы. Действительно, первые стихи поэта были написаны в традиционной форме, в большей степени они опирались на профессиональную литературную национальную культуру. Несмотря на обретение таджикской поэзией в тридцатых и сороковых годах тематической и социальной направленности, усиление воспевания классового и идеологического превосходства в ней, поэзия Мирзо Турсунзаде, относящаяся к данной эпохе, наряду с обладанием духом интернационализма времени, сохраняла национальную основу и колорит. Традиционные темы, такие как любовь, славословие, сатира, элегия, афоризмы и т.п., исходили из «душевного настроения и эмоциональных переживаний, были связаны с индивидуальными притязаниями и стремлениями» [164, 328], неразрывными от исторического процесса развития художественного сознания нации. Другими словами, темы нового времени вкупе с новой судьбой нации, отображаясь в контексте истории и культуры эпохи, выразили суть времени, правящей системы, положение и настроение народных масс.

Если внимательно присмотреться, то, как утверждает Н. Салимов, можно удостовериться в том, что «постановка социальных проблем без акцента на их статус в национальных процессах, в конечном счете, преследует цель обеспечения истинной национальной независимости, что

означает их одобрение в литературном пространстве и народном сознании. Редко встречались мастера словесности, которые рушили барьерные китайские стены эпохи и, как Мирзо Турсунзаде на основе материала исторического прошлого и, особенно, судьбы восточного края, могли различать состояние и характерные черты своей нации» [137, 19]. Следовательно, произведения, созданные Мирзо Турсунзаде в тридцатые годы, отображая судьбы народа, выражали истинные интересы нации в контексте политической и социальной реальности той эпохи. Несмотря на зависимость от шаблонов и формальностей того времени, Мирзо Турсунзаде в тридцатые годы смог сохранить индивидуальный национальный образ, как на практике (во время работы в редакции газеты «Комсомолец Таджикистана»), так и через свои произведения. Одной из особенностей его творческой эволюции в первом периоде творческого пути, т.е. в тридцатые годы, несомненно, остаётся верность преемственности традиции национальной литературы, что также отражает характерную особенность национального аспекта его творчества данного периода. Кроме того, художественная форма и специфика эстетического видения являются также признаками национального аспекта творческой эволюции поэта в тридцатые годы.

В тридцатые годы, изображая в своих поэтических, прозаических и драматических работах своеобразную жизнь таджиков в эпоху социальных и идеологических преобразований, Мирзо Турсунзаде определил принципы своей творческой индивидуальности. Поэт, описывая в своих произведениях положение своей нации в сравнении с историческим прошлым и реалиями новой жизни таджиков, в определенной степени представил свои социально-философские взгляды.

Безусловно, «поэзия Турсунзаде была переполнена политикой Компартии Советского Союза» [159, 418]. Особенно стихи раннего периода его творчества, рассказывающие о жизни таджиков, имели пропагандистский характер и воспевали «ленинско-сталинскую национальную» [159, 418]

политику. Стихи, написанные в тот период на зарубежные темы, также выражали зарубежную политику СССР. Но не все произведения поэта того периода состоят из необоснованного панегирика. В том числе некоторые стихотворения, рассказы и драматические произведения поэта в тридцатые годы, являясь выразителями социально-политических реалий времени, отражают страницы судьбы таджикской нации. А. Сайфуллоев, считая бурную деятельность Мирзо Турсунзаде в прессе, его участие в идеологической борьбе и близкое знакомство с жизнью народа основным источником формирования художественного творчества поэта в тридцатые годы, справедливо отмечает, что «творческое изучение классического наследия, изучение опыта русских писателей, сбор и подготовка к печати фольклора своего народа также являются важными источниками совершенствования его поэтического мастерства. Все эти источники, расширив мировоззрение поэта, способствуют его лучшему знакомству с жизнью и сознанием народа и, ускорив творческое развитие М. Турсунзаде, совершенствуют народность его поэзии» [134, 6]. В этом плане Мирзо Турсунзаде в тот период своего творчества смог художественным способом отразить дух времени и реалии, выпавшие на долю нации и даже преуспеть в этом отношении. Как отметил А. Сатторов (А. Сатторзода), «От первых стихов, рассказов, очерков и статей Мирзо Турсунзаде, написанных в те годы (тридцатые – М.Э), доносится мотив победы, радостной песни, гордости, удовлетворения, самосознания и энтузиазма свободного труда, «победа и триумф» являются из числа излюбленных и популярных слов, украсивших стихотворения, рассказы, очерки и статьи его первого сборника «Знамя победы» [141, 18].

Другими словами, стихи, написанные поэтом в начале творческой деятельности, были художественной летописью таджикской нации и земли таджиков в тридцатые годы, отражавшие грёзы и чаяния, стремление и противоборство поколения того периода. Стихотворения «Моему творцу» (1934), «Солнце страны» (1935), «Песня молодости» (1937), «Золотая страна»

(1938), «Мужественный народ» (1939) и т.д. со всеми своими недостатками являются частью истории таджиков и неотделимы от исторической, социальной и культурной судьбы нации. Идея созидания, гордости за свободу народа и страны, гуманистические чаяния являются главным содержанием художественного замысла поэта, который является также выразителем созидательного, свободолюбивого, радостного и дальновидного характера нации.

Мирзо Турсунзаде в тридцатые годы и своими произведениями, и своей практической деятельностью связывал свою судьбу с судьбой нации. Работая в газете (Комсомоли Тоҷикистон) («Комсомолец Таджикистана»), в разгар кампании «классовой борьбы», «разоблачения буржуазных националистов», «врагов народа» и т.д. за свои «политические ошибки» [143, 212] был исключен из рядов комсомола и уволен с должности ответственного секретаря газеты.

С. Табаров справедливо отмечает, что «в то время все столкновения, борьба и «разоблачения» были связаны с именами «врагов народа» - Нусратулло Махсума, Абдулкодир Мухиддинова и их коллег, а также с именами Комиль, Бектоша», и других представителей таджикской интеллигенции. Мирзо Турсунзаде, также считающийся в те годы одним из активных комсомольцев и известных журналистов, не оставался в стороне от этой борьбы» [143, 212].

Мирзо Турсунзаде и в те «суматошные» годы продолжал журналистскую работу, собирал вокруг газеты «Комсомоли Тоҷикистон» деятелей литературы и, организовав литературный кружок, проводил обсуждение произведений литераторов, затем издавал их на литературной странице газеты. Однако, после публикации клеветнической статьи Насрулло Абдуллаева, Хакима Шарифзода, Туйчи Самади, Абдулгани Мирзоева, Рауфа Тохири «Огонь по остоу агентуры империализма и их пособников», в котором и Турсунзаде был «разоблачен» как «один из самых активных участников группы Бектоша», поэт, не вытерпев непрерывных

клеветнических нападок, приезжает в Худжанд. В те годы поэт жил в городе Худжанд и наряду с деятельностью в театре также серьезно занимаясь творческой работой. Несмотря на многочисленные проблемы, которые в те годы преследовали поэта, своими литературными произведениями и практической деятельностью в театре Худжанда смог сохранить самобытный национальный характер и художественную индивидуальность.

Большинство стихов, рассказов и драматических произведений, созданных Мирзо Турсунзаде в этот период, отражают новый способ художественного познания и восприятия им своеобразия менталитета таджиков в контексте социально-политической действительности той эпохи. Произведения тридцатых годов поэта являются началом его постепенно совершенствующейся в последующие периоды творческой эволюции, где приоритетными становятся общечеловеческие аспекты, выражающие также его специфический национальный облик.

На основании его поэтического опыта рассматриваемого периода можно установить несколько важных моментов, в частности:

а) Мирзо Турсунзаде, начиная с данного периода, глубоко изучает опыт духовного национального наследия и творчески продолжает традиции предшественников;

б) другой особенностью его преемственности является подражание поэзии мастеров газели и творческое следование традициям корифеев, известных поэтов, в том числе Низами Ганджави. Обе тенденции имели конструктивное воздействие на формирование его художественного и национального облика.

Для Мирзо Турсунзаде с самого начала стихотворчество имело реальную национальную и преемственную основу. Поэзия оживляла его память, умозрительно соединяя его с прошлым, в зеркале литературы различал он добро и зло в судьбе своего народа. Иными словами, его поэзия с самого начала охватывала характерные черты его края и судьбу его нации. С этой точки зрения, влияние действительности, историческая судьба его

страны и относительное благополучие людей его сородичей и в конечном итоге природа его края играли созидательную роль в формировании его поэтического мастерства, что отражало его художественные и национальные приоритеты предпочтительнее эпохальной и социально-политической зависимости.

Другими словами, Мирзо Турсунзаде с самого начала был национальным поэтом. Реальная национальная суть его произведений не заключалась в видимом описании, а проявлялась в выражении духа народа. Внешний мир, реалии эпохи он видел глазами индивида нации, что выражало также видение народа. Его видение, чувствование и изложение были такими, что словно все это было увидено, прочувствовано и сказано его соотечественниками.

В этом отношении сороковые и пятидесятые годы прошлого века можно признать вторым периодом формирования характерных особенностей художественного мышления и национальных чаяний поэта, которые отличаются своей спецификой. Этот период ценен творческими особенностями, новыми художественными идеями, особой позицией поэта относительно исторического, литературного и культурного наследия таджиков в его творчестве.

Тридцатые годы не отклонили Мирзо Турсунзаде с первоначального принципиального и национального курса. Напротив, несмотря на пережитую клевету «буржуазного националиста» и временный выезд из столицы республики, он оставался «сыном своего времени и в то же время почтенным сыном своего народа» [165, 124] и внёс огромную лепту в дело развития национальной литературы и сохранение традиционной направленности таджикской литературы и культуры.

Как видно из биографии поэта, в конце тридцатых годов после возвращения в столицу, он одновременно ведёт широкую литературную и общественную работу. Поэтому совмещения политического, социального и

национального аспектов его деятельности в этот период принесло особую ценность его творчеству.

Его особый интерес к классической литературе, защита им национального менталитета отдельных представителей этой литературы, непосредственное участие в издании народного творчества и т.д. свидетельствуют о его патриотической деятельности, направленной на интересы нации и освещение ее истории, литературы и культуры.

Следует отметить, что в этом периоде становления и развития советской литературы, частью которой была таджикская литература, большую роль в изменении литературной обстановки и определении миссии литераторов играли социально-политические факторы. Изменение отношения коммунистической партии бывшего СССР к истории, историческим личностям и социальной сути событий прошлого в какой-то степени стало препятствием сугубо классовому подходу к оценке истории. Основопологающими для этого изменения были постановление Народного комиссариата СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и учебник «Очерки по истории СССР».

Таким образом, изменение отношения коммунистической партии и советского государства к истории и её ценностям придало историческому взгляду национальную суть и характер самопознания. Это тенденция усилилась накануне Великой отечественной войны, чему дала новый импульс опубликованная в газете «Правда» (24 апреля 1941 года) статья «Достойное награждение», непосредственно связанная с культурной жизнью таджиков. В частности в этой статье говорилось о том, что «Таджики ведут свои культурные традиции со времён Фирдоуси, Хафиза и Саади... Этот гордый и свободолюбивый народ переживал тяжёлые мучения и притеснения, но не покорялся, не растворялся среди различных чужеземных завоевателей, а наоборот, духовно укреплял себя, закалял и воспитывал железный национальный характер. В наших советских условиях таджики, которые гордятся своим прошлым, имеют великое будущее».

Оценка исторических заслуг, признание национального и культурного своеобразия таджиков на высшем уровне бывшего советского государства, несомненно, способствуя формированию созидательных чаяний на национальном и гуманистическом уровнях в соответствии с реалиями эпохи, стали одним из импульсивных факторов, направляющих внимание людей пера на вопросы национального самосознания и исторической гордости. Изменение взгляда на историю на уровне политики не могло не оказать влияние на таджикскую литературную среду, особенно и на творческую деятельность Мирзо Турсунзаде.

Мирзо Турсунзаде в этот период хорошо осознал, что для незыблемости своей самобытности народ и общество нуждаются в информации и полной осведомленности об истории, литературном наследии и судьбе своих почтенных сынов. В связи с этим он приступил к сбору устного народного творчества и принял участие в издании книги «Образцы таджикского фольклора» (1940). В антологии «Образцы таджикской литературы» (1940) составил раздел о жизни и наследии Хилоли. До этого, особенно в те годы, когда официальная политика советского государства в целом не одобряла историческое прошлое наций Советского Союза и наследие прошлого, Мирзо Турсунзаде создал поэтическую драму «Хусрав и Ширин» (1936), музыкальную драму «Восстание Восе» (1938-1939) в соавторстве с поэтом А. Дехоти и либретто «Тахир и Зухра» (1944), по сути созидательно воспевающие национальную самобытность.

Обращение Мирзо Турсунзаде в конце тридцатого десятилетия двадцатого века к судьбе представителей литературы других народов, в частности русских писателей Николая Островского и Н. А. Некрасова, о жизни и творчестве которых он пишет отдельные статьи, является проявлением усердия по созданию национальной самобытности путем постижения достижений литературы и культуры представителей других национальностей. Его статьи «Николай Островский» (1937), «Певец мечтаний народа» (1938), «Искусство свободного народа» (1940) и т.д.

«свидетельствуют об основе формирования литературных размышлений упомянутого поэта» [41, 228].

Здесь речь идет о письме, адресованном русскому востоковеду А. Болдыреву, который написал предисловие к изданию «Избранных сочинений» Хафиза (1940). Искаженным комментарием вышеупомянутый автор не только вел читателя по неправильному пути исторического самосознания нации, но делал уязвимым историческую и культурную память нового поколения таджиков. Отложив политические стороны и корни спора вокруг разделения литературного и культурного наследия между таджиками и иранцами, мы всего лишь хотим подчеркнуть, что письмо Мирзо Турсунзаде является важным историческим документом, демонстрирующим усилие таджикского интеллигента на пути отстаивания ценностей национального наследия. Этот документ подтверждает не только роль Мирзо Турсунзаде в постижении реалий истории литературы вопреки русским политическим теоретикам, но и показывает сущность национального аспекта его художественной и литературной мысли, значимость которой не уменьшится с течением времени.

Сороковые годы двадцатого века охватывают характерные особенности художественных идей, национальных и общечеловеческих устремлений Мирзо Турсунзаде, где нельзя игнорировать или недооценивать воздействие на творчество поэта политических событий, в том числе Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и последующей ориентации советского государства в литературной и культурной политике.

В борьбе и победе народов бывшего Советского Союза и мира над фашистским нацизмом, приведшими к спасению человечества из когтей гнета, по сравнению с воздействием национального фактора, более эффективным была солидарность народов, иными словами фактор интернационализма. В связи с тем, что призыв к защите единой советской страны не предназначался для особой нации и народа, господствующая идеология, в том числе литература, также приняла на себя такую

пропагандистскую миссию, поэты и писатели как солдаты партии практически или посредством пера поднялись на защиту единой Родины и советского народа.

Мирзо Турсунзаде в первые дни войны почувствовал, что «общечеловеческая идея конструктивно рождается в результате восприятия писателем глубоких взаимоотношений и реальности, а также раскрытия тех сторон национальной жизни, которые дают нации преимущество». [91, 63]. С этой позиции он начал борьбу «против фашистских захватчиков и с помощью пера, и с помощью слова» [117, 77]. Первые стихи, написанные им в этот период своего творчества, - «До свидания, дорогая мама», «Согласие матери», «Память капитана», «Медсестры», «На войну», «Никогда», поэма «Сын Родины» и т.д. позволяют нам наблюдать как постепенно, возникая в сознании поэта, реализуется специфическая художественно-эстетическая концепция восприятия реальности. Глубокое понимание реальности в контексте судьбы нации открыли перед ним новые творческие горизонты.

Второй период формирования и эволюции творчества Мирзо Турсунзаде можно назвать аналитическим. Этот процесс начинается с упомянутых стихов и поэмы «Сын Родины». В течение этого периода совершенствуется мастерство поэта, также расширяется тематико-проблематический круг его творчества. В зависимости от социально-политической ситуации, переживаемой Родиной, поэт, выдвигая важную и судьбоносную для народа тематику, и проблематику, во главе своего творчества ставит самоотверженный труд мужчин и женщин, людские печали, напутствие и назидание старшего поколения молодым, а также повышение патриотического чувства народа. Первые стихи поэта, в том числе «До свидания, дорогая мама» и «Согласие матери», написанные в контексте размышлений о жизни своих соотечественников, «кроме святого гражданского долга еще охватывают вопрос отношений между родственниками, чувства влюбленных и так далее. Узлы дружбы и тайные отношения влюбленных в эти дни воспитывали в сердце бойца мужскую

гордость и живительную силу. Выражение верности и полные надежды ожидания влюбленных, назидание и советы матерей при проведе-все это, изъясняя ради чего и ради кого надо воевать, облачают установленную цель бойца в конкретное и предметное одеяние» [50, 82].

Многие стихи этого периода своего творчества Мирзо Турсунзаде создает в контексте конкретных реалий, где идея и манера изображения воодушевляют народ к независимости и сопротивлению. Поэт при изображении акцентирует внимание на реалиях и проблемах, обретающих национальный аспект с точки зрения национальной чувственности и этнической эмоциональности, чем и подзадоривает читателя. В подобных стихах сливаются глубина, и масштабность изображения, идея созидания мира и гуманность. Патриотические стихи поэта данного периода точно выразили изменение духа и мировоззрения его лирического героя в исторической эпохе, что также свидетельствует о творческой эволюции художественного восприятия и манеры изложения автора. Не только совершенствуется его художественное мастерство в изображении человеческого мировоззрения, но также в его некоторых стихотворениях этого периода обретают значение способы выражения чувств и мысли, в последующем данный способ изображения совершенствуется в его объемной поэме «Сын Родины».

Абдунаби Сатторзода считает новую творческую тенденцию Мирзо Турсунзаде в поэзии результатом «сочетания добрых традиций классической литературы и таджикского фольклора - идей гуманизма, патриотизма, свободы, справедливости, надежды на лучшую жизнь, богатства языка и украшения речи» [141, 23], подчеркивает последующее преобразование такого синтеза в один из основных средств поисков и новаторств литератора.

Новую творческую тенденцию Мирзо Турсунзаде на данном этапе определяет его тяготение к широкомасштабным социально-этическим понятиям, включая мир, народ и будущее. Собственно, данные понятия, отображая индивидуальность человека в новых масштабах и степенях,

выражают характерную черту развития художественного сознания поэта. Таким художественным восприятием реалий военного времени поэт, в первую очередь, попытался увидеть общность исторической судьбы своей нации с другими нациями. Он видит социально-политические реалии этого периода нераздельными от судьбы своей нации. В его представлении реальность войны определяет не только судьбу нации, но и всего человечества. Такая мотивация является одним из основных факторов развития идеи гуманизма в произведениях поэта этого и последующих периодов. В связи с этим, основной фактор склонности Мирзо Турсунзаде к общечеловеческим идеям одновременно связан как с интеллектом, убеждениями, так и с нравственностью, социально-политическими обстоятельствами. В процессе идейной эволюции поэта нельзя недооценивать интеллектуальный фактор, связанный также с традиционным книжным и семейным воспитанием. Освещение данной стадии и последующих периодов творчества поэта побуждают нас ниже подробно рассмотреть проблему национальности, ее масштабы и ее гуманистические мотивы.

Во второй половине сороковых годов, т.е. после победы советского народа над фашизмом в творчестве Мирзо Турсунзаде расширяется пропаганда мира, социального благополучия людей, независимо от национальности и расы. Своеобразием произведений поэта данного периода, прежде всего, являются освещение важных социально-политических проблем, проявление характерной художественной специфики, демонстрирующие его творческую эволюцию. Стихи «Слава!», «Орел», «Хранителю сокровищ», «От Бадахшана до Кремля», «На заре», «Цвети Родина ради нашего счастья» и т.д. отражают творческую тенденцию поэта в этом периоде.

Тем не менее, большинство исследователей, писавших о произведениях поэта послевоенного периода, считали цикл стихотворений «Индийская баллада» и «по своему содержанию, и по художественной форме значимым

творческим открытием» [132, 86] Мирзо Турсунзаде. В частности, ещё в 1974 году А. Сатторзода реалистично отметил, что «проникновенное постижение, самоотверженный труд и неизменные изыскания Мирзо Турсунзаде в мире поэзии после восемнадцати лет принесли свои плоды. Цикл индийских стихотворений автора продемонстрировал его совершенство в поэзии» [141, 25]. Относительно художественного открытия поэта в этом цикле было проведено исчерпывающее исследование, поэтому мы хотим отметить здесь лишь такой момент, что Мирзо Турсунзаде созданием данного цикла и продолжением международной тематики отразил в своём творчестве новую ступень национального самосознания, отличающуюся значительной человеческой ценностью. Желание присоединиться к свободному, прогрессивному востоку, было неразделимо от человеческих стремлений таджикского народа и выражало более высокий и гуманный уровень самосознания нации, что совершенным образом находит свое отражение в поэзии Турсунзаде. Усердие поэта в этой связи было «стремлением дать философское заключение рассмотрению темы Востока» [159, 422].

В этом контексте следует признать, что многие стихи поэта данного периода были «переполнены политикой компартии Советского Союза. Та часть его творчества, которая повествует о жизни таджиков, содержит пропаганду и изъяснение национальной ленинско-сталинской политики. Его зарубежная поэзия представляет ту политику, которую советское государство проводило на востоке. Цикл стихов «Индийская баллада», «Голос Азии», поэма «Дорогая моя» и т.д. соответствовали реалиям того времени настолько, насколько советская внешняя политика выражала интересы народов стран Востока и их освободительную борьбу. В этом случае отражение истины не могло противоречить политике, и поэт излагал ту же самую истину. Боль сердца угнетенных Востока и их своенравный дух, решимость и волю борцов за свободу он весьма встревоженно выразил языком поэзии» [159, 418]. Однако, рамки политической дозволенности не позволяли ему в полной мере описывать реальные картины жизни современных таджиков,

боли их сердец, чаяний и грёз. По мнению Мухаммаджона Шакури, это удавалось поэту лишь в некоторых случаях. В этом отношении политическая пропагандистская поэзия этого периода мало что освещала из реальной истинной судьбы нации. Однако, данное обстоятельство не означает, что поэт не был осведомлен о боли, чаяниях и грёзах своих соплеменников. Тенденция к философскому умозаключению, усиливая голос веков в поэзии поэта данного периода, выражает уровень национального самосознания, познания судьбы восточных народов, а также желание присоединиться к человечеству, стремящемуся к новым переменам и благополучию, которые поэт реализовывал путем изображения и духовного сопоставления. «Гуманная идея в нижеследующем стихотворении выражает дух нации, на языке которого говорит ее поэт, и чья печаль является национальной и общечеловеческой печалью».

Чаро ман зафарманду ман сарбаланд?
 Чаро ту хакиру чаро мустаманд?
 Чаро аз рухи ман саодат паид?
 Чаро ту дар умеди рӯзи саид?
 Чаро ман чу парранда озодбол?
 Чаро ту бенасибӣ аз ин камол? [13, 203]
 Отчего я в триумфе и ликую?
 Отчего ты покорен и в печали?
 Отчего на моем лице счастье?
 Отчего ты лишь мечтаешь о светлом дне?
 Почему я как птица свободно парю?
 Почему не выпало такое на долю твою?¹

К сожалению, то позитивное представление, которое наблюдалось относительно эволюции своеобразия художественного мышления Мирзо Турсунзаде в данном периоде, нельзя выразить иначе, как через письмо, адресованное поэтом А. Н. Болдыреву. Во второй половине сороковых годов

¹Все цитаты стихов здесь и далее даны в нашем подстрочном переводе

в научной и литературной среде господствовала неустойчивая нормативная и заказная эстетика, под влиянием которой находились такие личности, как Мирзо Турсунзаде. Литератор Шахобуддин Шуджо главным фактором «весьма запутанного, сложного, зависимого и противоречивого явления» [171, 35] литературной мысли Мирзо Турсунзаде данного периода связывает с нездоровой политической и литературной обстановкой советского общества конца сороковых годов двадцатого столетия, что является реальностью.

Ситуация, создавшаяся относительно познания и признания исторических и культурных общностей таджиков и иранцев была политической и навязанной после Второй мировой войны. Следовательно, большинство ученых данного периода в постижении и оценке научных, литературных и исторических тонкостей и вопросов допускали искажения, кривотолки и анаграммы, что не могло не коснуться и Мирзо Турсунзаде. В частности, такая направленность становится значимым после XII пленума Союза советских писателей (1948) в официальных научных и литературных кругах, а также в исследовательской мысли. Литературная мысль Мирзо Турсунзаде в этот период сочетается со своего рода эмоциональностью и фанатизмом, а масштаб национальности в его мышлении определяется особым отпечатком, т.е. политическими и идеологическими наклонностями, к сожалению, в своё время в некоторой степени приведшими к разрозненности между таджиками и иранцами, и обусловившими между ними неприязненное отношение.

Мирзо Турсунзаде в художественных произведениях данного периода видит масштаб национального начало в одном ракурсе с масштабом мирового начало, осуждая при этом любые типы проявления националистических чувств. Однако, во второй половине сороковых годов его литературная мысль имела политико-идеологическую направленность, возникшую под влиянием официальной теории народности, некоторые аспекты которой мы рассмотрим в следующей главе.

Несмотря на политические наклонности, творческое развитие Мирзо Турсунзаде в сороковых и пятидесятых годах эволюционировало и лучшие художественно-идейные достижения таджикской литературы этих годов также связаны с его именем. Наряду с прославлением мира, дружбы, стабильности и благополучия во всем мире, поэт уделял особое внимание судьбе таджикской нации, социальному и культурному развитию своей страны. В контексте социально-политических реалий и культурного состояния эпохи он отображает тогдашнее положение таджикского общества с охватом характерных социально-политических направлений его развития. Кроме того, в течение этого периода совершенствуется его поэтическое мастерство, крепнет художественная и духовная связь его творчества с традиционной поэзией, в плане как содержания, так и формы. Мирзо Турсунзаде именно в этот период своего творчества придал художественный и национальный колорит таджикской социальной и лирической поэзии, что не могло не влиять на дальнейшее развитие таджикской поэзии. По мнению известного русского критика Александра Макарова, его стихи на данном этапе обретают свежесть от «сердечных и личных чувств, имеющих свою особую невыразимую привлекательность» [36, 37] и по утверждению Ярослава Смелякова он больше «творил стихи в классическом стиле» [36, 69].

Как подчеркнул М. Шакури, действительно «в его лучших произведениях можно увидеть очаровательную изысканность народной лирики, иногда чувственность и страсть, душевные муки классических любовно-романтических поэм, иногда идеи и глубокие размышления, напоминающие некоторые фольклорные стихи, классические таджикские философские касыды, а также русскую любовную и гражданскую поэзию» [170, 67].

В упомянутых случаях, ход развития и эволюции художественного мышления, литературной мысли, культурных и национальных устремлений Мирзо Турсунзаде имеет характерную специфику. Одним из особенностей

его поэтического мастерства в этот период является обретение его поэзией философского содержания. Как конкретизирует А. Сайфуллоев, в таких произведениях поэта «видное место занимают мудрость, смысл жизни, роль человека в обществе, его моральные особенности» [132, 90], которые укрепили связь мастерства и идейности художественного мышления поэта с традиционными национальными и художественными идеями. Идейное содержание его поэзии в этот период больше связано с изображением и популяризацией высоких общечеловеческих идей, почитанием национальных традиций, ролью и местом женщины-матери, идейно-этической преемственностью и т. д., что в целом отражает его своеобразным художественный облик.

Другой характерной чертой его творчества в эти годы является обращение к эпической поэзии, где поэт был успешен в плане охвата совокупности традиционных ценностей классической поэзии в этом направлении. Как справедливо отметил Носир Салимов, «именно в школе поэмы-маснави Мирзо Турсунзаде извлек благо из опыта классиков литературы, в частности Низами, встав на стезю первостепеннейших идей предшествующей персидской поэзии, освещая свой путь светом мудрости классиков, отреагировал на проблемы нового времени и современного мира. Мощь морально-философского аспекта естественным образом направляла его поэмы-маснави на воспевание общечеловеческих ценностей, и принятие данной установки в поэмах советского поэта оставило явный след» [137, 20]. Эпический род поэзии позволил поэту достичь философских обобщений при изображении локальной тематики и проблематики Востока. Этот подход открыл новый этап для художественного мышления поэта и эволюции своеобразий его поэтического мастерства. По мнению А. Сатторова (А. Сатторзода) «его дарование стало значительнее склоняться к сочинению мудрых философских стихов» [141, 34], такой подход сблизил современную таджикскую поэзию с классической в отношении искусства украшения речи и выразительности изъяснения. Эта творческая эволюция была особенно

заметна в частности в его поэмах «Хасан арбакеш» (1954), «Голос Азии» (1955), «Святая девушка» (1955), «Вечный свет» (1957), «Дорогая моя» (1959), и во многих его стихах. Новое поэтическое видение действительности не только придало его поэмам эпический размах, но и обеспечило естественное соединение лирических и эпических начал.

В этих поэмах и многих стихах, которые являются продуктом его творчества того же периода, Мирзо Турсунзаде говорит, прежде всего, об исторических обновлениях Таджикистана, значимости выдающихся сынов нации в современной истории Таджикистана. Даже там, где внимание поэта привлекает судьба угнетенных народов мира, его исторические и культурные сравнения также имеют национальный колорит и замысел, поэт остается приверженным идее национального самосознания. В данном направлении поэмы «Хасан арбакеш», «Голос Азии», «Дорогая моя» и «Вечный свет» являются новым художественным словом в таджикской поэзии, весьма ярко отображающим характерные черты художественного мышления, а также национальные и общечеловеческие устремления поэта.

Мирзо Турсунзаде в произведениях, созданных им данным периоде, прежде всего «беспристрастно отобразил основную специфику важного периода в истории нашего народа. Поэт хорошо знает свой народ, его жизнь, борьбу, чаяния и мысли, находит для их выпуклого изображения высокохудожественные средства» [36, 82].

Как было отмечено, в пятидесятые годы художественные идеи и национальные чаяния поэта, обретя глубокую гуманистическую сущность, прежде всего, были направлены на защиту общечеловеческих интересов. Поэт в большинстве своих поэтических произведениях данного периода выступает поборником социально-политических, морально-этических устремлений, которым присуще всемирное значение. Критерии познания добра и зла, с точки зрения Мирзо Турсунзаде, не следует оценивать в ассоциации с Родиной и в национальном масштабе. Его умозаключение относительно своей общественной позиции и художественной мысли в то

время заключалось в том, что «с точки зрения национальной чувственности и этнической самобытности не всё, что исходит от родины, обретает национальный аспект, и не все, что приходит извне, считается чуждым» [110, 26]. В связи с этим, как настаивали некоторые ученые при комментарии гуманистической сущности произведений поэта данного периода, его гуманизм не был «шатким», а являлся продуктом исторической и культурной эпохи, когда на протяжении веков насильно сохранялись «постоянные и циклические гонения» на человека и его свободы. Следовательно, никак нельзя согласиться с тем мнением, что Хасан или другой герой произведений Мирзо Турсунзаде вследствие насильственной сталинской политики в поэтическом образе был «замещен колесиком или винтиком социальной машины общества» [156, 117]. Напротив, позиция Турсунзаде относительно социальных и национальных неравенств в поэмах «Хасан арбакеш», «Голос Азии», «Дорогая моя» и других произведениях является таким же, как об этом до него говорил Саади, и этой идеей насыщена наша классическая литература. Слова Турсунзаде, также как опасение Саади, направлены против «могущественного угнетателя» в контексте социальных трагедий истории нации, последнюю из которых навлек эмир Бухары, они были истинными и гуманными, а также неразделимыми от судьбы нации. В таких своих произведениях поэт проявляет национальную гордость при защите человека, независимо от его национальности и социального статуса. Эта его гордость не является стремлением обрести превосходство над каким-либо народом, нацией или социальной группой, а, напротив, «чувство национальной гордости связано с историческими ценностями нации, с той созидательной ролью революционного прогресса, значимого для судеб народов мира. Национальная гордость совершенствуется на основе реальных подвигов нации, совершённых ради прогресса и процветания человечества» [91, 49]. Все произведения данного творческого этапа поэта преисполнены этими идеей, художественной мыслью, идеалом и национальной гордостью, о чём более обстоятельно будет идти речь ниже.

То, что было сказано относительно литературных произведений и художественной мысли поэта в данном периоде его творчества, не может быть отнесено к его литературно-критическим взглядам и его позиции касательно культуры. Но эту сторону литературной деятельности Мирзо Турсунзаде следует «рассматривать на фоне натиска режима притеснения, а не исходя из личности поэта» [137, 18]. Как уже отмечал литературовед Субхон Азамзод, «Одной из фундаментальных и поучительных особенностей XX века является то, что выдающиеся лидеры нации, представители национальной таджикской науки, литературы и культуры для достижения политических и пропагандистских целей следовали также взглядам неадекватного подхода к национальному самосознанию, что не должно быть использовано для злоупотребления критике и игнорировании их заслуг на арене национального сознания» [41, 240-241].

На основе формирования и эволюции научно-критической мысли М. Турсунзаде процесс его творческого развития на данной стадии можно классифицировать на два этапа.

1. Научно-критические взгляды поэта до первой половины пятидесятих годов
2. Позиция поэта в познании национальных литературно-культурных ценностей после второй половины пятидесятих годов.

Критерием данной классификации, прежде всего, являются взгляды и метод оценки поэта, что также связано с изменением политического климата советской страны. Литературовед Абдухолик Набави справедливо отмечает, что «литературный процесс в послевоенные годы выказывал свой облик в виде примечательных противоречий. Например, сам Мирзо Турсунзаде, находившийся под глубоким влиянием классической поэзии, о формировании творческой индивидуальности которого свидетельствовал его цикл стихов «Индийская баллада», высказывая свое мнение о “Хрестоматии” Холика Мирзозаде, поясняет один из ее недостатков таким образом:

«Среди работ основоположника таджикской классической поэзии Рудаки он отыскал и включил такие стихи, где шах призывается вернуться в Бухару. Хотя эти стихи весьма благозвучны и написаны с высоким мастерством, но в них Бухара сравнивается с небом, шах с луной, Бухара с цветником, а шах с кипарисом. Наряду с некоторыми избочительными стихотворениями, которые великий поэт Рудаки написал в честь шаха, возможно, эти стихи были невольно написаны им по какой-либо причине. Но нам не известно, по какой причине советский литературовед Мирзозода включил это стихотворение в хрестоматию литературы восьмого класса. В этой же хрестоматии кроме того приведен стих, описывающий рать царицы Тамирис и шаха Кирянуша как образец фольклора, восхваляющий мужество шахов и красоты дворцовой литературы. Какое воспитательное значение могут иметь эти стихи для учащихся?» [114, 132].

Видимо, это то замечание, которое в своё время было высказано в адрес Айни относительно цитирования упомянутого стихотворения в «Образцах таджикской литературы» [127, 42]. Если вспомнить, что Мирзо Турсунзаде еще в 1941 году в статье «Успехи таджикских артистов в Иране» отмечал, что «... язык таджикского народа и Ирана является персидским. Классическая литература этих двух народов с очень древних времен является одной литературой» [8], мы можем удостовериться, что Мирзо Турсунзаде в конце сороковых и начале пятидесятих годов прошлого столетия относился к проблемам литературы и культуры, раздела наследия прошлого и т.д. под влиянием политики эпохи и защиты своего социального статуса. Если бы было иначе, как отметил литературовед Шахобуддин Шуджо, «с одной стороны, он не разъяснял и не распространял бы официальную политику партии относительно классической литературы, а с другой-сам творчески не воспользовался бы ценными сокровищами бескрайнего океана поэзии предшественников» [171, 35].

Таким образом, на литературно-критическую мысль М. Турсунзаде в первой половине пятидесятих годов влияли веление партии и реальная

политика Советского Союза. Следовательно, статьи «За передовую таджикскую литературу» (1949), «За советский патриотизм, против паниранизма» (1949), «За высокое писательское мастерство» (1951) «За высокую культуру поэзии» (1953), «О положении и задачах таджикской литературы» (1954) и т.д. были написаны в данном контексте.

Небольшое изменение, которое происходит в литературно-критической мысли Мирзо Турсунзаде во второй половине пятидесятых годов, связано с переменой политической, культурной и литературной среды. Шахобуддин Шуджо «относит первые приметы перемен в мыслях поэта к 1954 году», что весьма справедливо [171, 35]. Несомненно, начиная со статьи «За передовую поэзию», мы ощущаем изменение взглядов поэта на литературу, его отношение к литературному наследию, тенденции преемственности. Суть позиции поэта в этот период определяет его особый акцент на наследие прошлого и метод его применения, что является своего рода продолжением его здравого воззрения в начале сороковых годов. В упомянутых статьях и других его работах, в частности в таких статьях, как «Сад поэзии», «Жизнь и литература», «Предводитель каравана поэзии», «Основоположник таджикской советской литературы», «Источники нашего вдохновения» и т.д. Мирзо Турсунзаде выразил справедливые мнения по вопросам литературного наследия, постижения художественных ценностей литературы прошлого и позиции настоящего мастера слова в литературе, что укрепляет его позицию как почитателя национальных историко-культурных ценностей.

Шестидесятые и последующие годы знаменуют новую веху и свежую творческую эволюцию поэта. По мнению М. Шакури, эта эволюция, имея «тенденцию к художественному философскому умозаключению», обретает «в какой-то степени, колорит классической назидательной мудрости» [159, 422] и увеличивает художественное своеобразие наследия поэта. Кроме того, именно на этом этапе его поэзия также претерпела особую эволюцию с точки зрения манеры изложения и украшения речи, а его произведения проникаются вдохновением традиционных форм. Начало данной эволюции

приходится на шестое десятилетие прошлого века и отчетливо наблюдается в его стихах «О, поэт» (1962), «Высокое гнездо» (1968), «Перо» (1975), «Не теряйте друзей» (1975) и т.д. Его дидактические и философские стихи были опубликованы в сборниках «Дорогая моя» (1963-1965), «Три красавицы Востока» (1967) и «Вдохновение» (1969).

Абдунаби Сатторов (А. Сатторзода), анализируя его поэзию данного периода, в частности приходит к такому важному выводу: «Хотя тематика произведений поэта последних годов весьма многообразна и насыщена ярким колоритом, но сутью их всех является любовь. Любовь к близким и родному краю, к человеку, любовь к Родине, земле, к благам и прелестям жизни, к тем, кто подарил такую замечательную и желанную жизнь, и к тому, кто произвел на свет человеческого дитя. Сердце поэта переполнено любовью, жаждет прелестей жизни. Такие стихи, как «Следы ног», «О, поэт», «Дорожная пыль», «Радуга», «Моя мать», «Сердце», «Жаль, ты не испытала меня» и т.д., которые очень нежны, добры и ласковы, можно назвать лучшими образцами стихов мудрости в современной литературе. Подобные образцы поэзии напоминают «украшающие собрания» стихи устода Рудаки, восхитительные газели Хафиза, поразительные стихи Пушкина и Лермонтова» [141, 34].

Исследователи, высказавшие свои мнения об эволюции таджикской поэзии, в частности об изменении в ней способов изображения, в основном связывают эту перемену с заслугами второго поколения, т.е. Мумина Каноата, Лоика Шерали, Бозора Собира и их соратников, что по нашему мнению является не точным. Процесс позитивных изменений мы также наблюдаем в ранних периодах творчества Мирзо Турсунзаде. Академик Мухаммаджон Шакури Бухараи, размышляя о стихах поэта – «Золотая страна» («Мамлакати тиллоӣ»), «Магнит» («Оҳанрабо»), «Мужественный народ» («Халқи далер») и «Чаманистон» («Цветущая страна»), в частности отмечает, что «они извещали о появлении нового стиля поэзии в таджикской советской литературе. В этом отношении, их значимость выходила даже за

пределы таджикской литературы» [159, 41]. Эта тенденция в последующем продолжает вырабатываться в поэтической практике Мирзо Турсунзаде, и нераздельна от усилий, проявленных им в завершающей вехе своего творчества. В поэзии именно данного периода преобладают вникание в исход реалий, обдуманное ума заключения и своевременный анализ, которые придают многим его стихам и поэмам художественно-философское обобщение, мудрое содержание. Вероятно, важнее всего является идейно-художественная связь между его поэзией и традиционной персидско-таджикской литературой. Результат такого творческого метода «приблизил поэзию Турсунзаде к классическому обобщению социальной реальности» [159, 423], что в последующем было развито усилием его верных учеников и последователей.

Поэзия Мирзо Турсунзаде в конце его жизненного пути, как никогда, полностью взаимодействовала с основополагающими элементами национальной культуры, включая язык, духовные ценности, историческую память, обычаи и традиции, а также моральные устои. Другими словами, его поэзия, являясь символом национальной культуры, свидетельствует о национальном менталитете и историко-культурном бытии таджиков в новой исторической эпохе. Подробное рассмотрение данной темы мы оставим на следующие разделы, и лишь для подчеркивания обсуждаемой проблемы процитируем следующие слова русского поэта Ярослава Смелякова: «Русский читатель не любит Мирзо Турсунзаде только из-за его интернациональных стихов, написанных в результате своих странствований. Турсунзаде, прежде всего, известен как воспеватель Советского Таджикистана. Следует отметить, что стихи на зарубежную тему также переполнены его любовью, гордостью, убеждением и преданностью к дорогому краю. Когда он говорит своей супруге:

Где ни бывал я, где я ни ходил,
Где я приют себе ни находил,
Всегда жила ты в сердце у меня,

Его своею верностью храня -

то, мы не только воспринимаем эти строки как любовную лирику, а считаем их обращением поэта к своей собственной стране» [36, 70-71]. Такие произведения поэта являются не только обращением к своей стране, но также охватывают его национальную идею, которая имеет созидательный и благостный характер, взаимодействует с нашими традиционными национальными устремлениями. Личность и характер лирического героя Мирзо Турсунзаде в поэме, «Дорогая мама», являясь исключительно национальной, показывает один из характерных сторон его национальной художественной мысли, всё это будет проанализировано и оценено нами ниже.

Последний период творчества Мирзо Турсунзаде свидетельствует о новой и глубокой эволюции его художественных поисков, и это можно признать совершенно новым и особым этапом его художественного мастерства. Суть художественных изысканий поэта в эти годы заключается в совершенном соотношении национальных ценностей с масштабом общечеловеческих устремлений. Подобное своё усердие поэт выразил в некоторых произведениях, созданных в эти годы, в частности в поэмах «Дорогая моя», «От Ганга до Кремля», в дидактической поэзии и т.п. Произведения поэта данного периода, имея глубокие национальные корни и общечеловеческую суть, отражают самые высокие художественные и духовные устремления поэта, любящего свою нацию и воспевающего человечество.

Понятия национального и общечеловеческого в произведениях после шестидесятих годов поэта имеют совершенную соотносительность, в них поэт смог выразить диалектическую взаимосвязь реальной национальной идеи и общечеловеческих устремлений. Его мысли в данном направлении являются художественным открытием, поскольку и в поэме «Дорогая моя», и в поэме «От Ганга до Кремля», в первую очередь, мы видим национальную самобытность, которая вытекает из исторических и культурных реалий, и

имеет глубокий национальный корень. Однако, в обоих произведениях, в характере их героев общечеловеческие устремления, имея абсолютное преимущество, отражаются и в линии сюжета, и в отступлениях поэта, не связанных с главными событиями поэм.

Поэзия Мирзо Турсунзаде после шестидесятих годов отражает реалии вырождения мышления современного человека. Исходя из этой позиции, наш поэт в контексте социально-политических событий своего времени не имел другого выхода, кроме как обратиться и опереться на фундаментальные общечеловеческие ценности. Это оправданное возвращение к первостепенным идейным истокам обосновывается тем, что поэт стремится найти другой способ, чтобы облегчить проблему человечества. При этом он, сохраняя характерные национальные оттенки своего мастерства и идеи, придает своей художественной мысли общечеловеческие оттенки.

Таким образом, периоды творчества поэта, выражая характерные особенности формирования и эволюции его художественной мысли и национальных чаяний, воплощают художественную историю таджиков, духовную и социальную судьбу таджикской нации на определенном историческом и культурном этапе. Несмотря на социально-политическую загруженность и идеологические ограничения, Мирзо Турсунзаде на всех этапах творчества своими художественными произведениями и работами о литературе смог сохранить таджикское национальное своеобразие, анализировать и оценить его в контексте культуры нового времени.

Совершенная осведомлённость, мудрая предрасположенность к литературе, культуре, истории и цивилизации прошлого и настоящего предоставили Мирзо Турсунзаде возможность с абсолютным благородством и великодушием оживить и охватить в своих произведениях славное прошлое, популяризировать его вечные ценности и тем самым проявить усердие в сохранении исторической, этнической и культурной уникальности нации. Такой мудрый и проникнутый любовью к нации подход является первостепенным фактором, который способствует тому, что, по сути,

современный читатель на страницах его произведений достигает открытия национального своеобразия, узнаёт о его созидательных элементах, познание стандартов которых важны для укрепления национального менталитета.

Работа, проделанная в этом направлении Мирзо Турсунзаде в течение его плодотворной творческой деятельности, в первую очередь, являясь почитанием достоинства и величия нации, представляется весьма актуальной и значимой для духовного и морального самосознания и обеспечения незыблемости исторического и культурного бытия таджиков.

На основе вышеизложенного можно заключить, что:

- Национальные художественные чаяния и идеи во всех трёх периодах творчества Мирзо Турсунзаде имеют свои особенности, формировавшиеся и развивавшиеся соответственно с социально-политической ситуацией времени. С этой точки зрения тридцатые годы двадцатого века можно назвать как первый период формирования и проявления национально-художественной индивидуальности поэта. Несмотря на то, что политика того времени хотела свести на нет самобытность нации, Айни, Турсунзаде и их соратники смогли защитить мораль, духовность и интеллектуальное богатство нации. Мирзо Турсунзаде на основе социально-политических и культурных реалий, сравнения прошлого и настоящего, соединив социальные и национальные аспекты поэзии, построил своё видение и присущий ему стиль познания и представления нации и её статуса. При этом его целью было отображение социальных целей и национальных интересов, что и отразилось в его произведениях данного периода.
- Поэзия Мирзо Турсунзаде в тридцатые годы, хотя и имела тематический и социально-политический характер, тем не менее отличалась своей красочностью и национальным пафосом. Темы и проблемы в его произведениях не были раздельны от судьбы нации, напротив, этим путём поэт идентифицировал и отображал особенности своей нации.

- Поэзия и другие произведения этого и последующих периодов творчества поэта, хотя и переполнены идеями внутренней и внешней политики коммунистической партии и советского государства, тем не менее они тесно были связаны с судьбой, состоянием и грёзами его нации.
- Также в центре внимания поэта находились проблемы общечеловеческого характера, войны и мира, защиты интересов, угнетённых и бездомных людей, его личностные чаяния имели теснейшие связи с мировыми проблемами. Эта тенденция выражает национальную и общечеловеческую суть творчества поэта.
- Во всех периодах творчества Мирзо Турсунзаде изображение и выражение фундаментальных основ национальной культуры, в частности воспевание родного языка, духовных ценностей, обычаев и обрядов, устоев национальной этики были его художественной и национальной целью, что и определяло его индивидуальный национальный облик.

1.2. Национальная и общечеловеческая тематика и проблематика в творчестве Мирзо Турсунзаде

Относительно национальных и общечеловеческих особенностей произведений Мирзо Турсунзаде отдельное исследование не проводилось. В большинстве исследований, где упоминалась или в целом оценивалась данная тематика, исследователи чаще указывали на общечеловеческое значение произведений поэта. В таких исследованиях, в частности в статьях М.Шукурова (М. Шакурӣ) «Народность и мастерство», Н. Маъсуми «Сказание о преобразовании жизни», А. Сайфуллаева «Творческий путь поэта-борца», «Раджа в Кремле», Х. Шодикулова «Национальные и общечеловеческие особенности поэзии Турсунзаде», А. Кучарова «Национальные и интернациональные особенности поэзии Турсунзаде», монографии Ю. Бабаева «Флагман поэзии» и т.д., в значительной степени внимание уделялось на этнокультурные и межнациональные особенности

произведений поэта. В некоторых оценках даже наблюдается противоречие между национальным и народным концепциями, проявляющееся в игнорировании или ограничении друг друга, что является неверным. Кроме того, под влиянием теории социалистического интернационализма многие исследователи, дистанцировавшись от отдельной дифференциации и оценки национальной тематики и проблематики в творчестве поэта, больше обращались к изучению и оценке зарубежной тематики в произведениях поэта, и в этом контексте сосредотачивались исключительно на вопросах мира, войны и гуманизма в художественном творчестве поэта, не выявляя национальные корни, темы и проблемы его наследия. Однако, для определения особенностей, вернее национального аспекта наследия Мирзо Турсунзаде, прежде всего, следует выявить-какие вопросы, связанные с историей и жизнью таджикской нации, включает в себя идейно-тематическое содержание произведений поэта.

Как отметил литературовед Хамракул Шодикулов, «по сути, каждая литература, и каждая из лучших ее произведений является художественной картиной истории жизни народа и его судьбы. Отображение качества и характера, а также своеобразной жизни каждого народа является основным критерием национальной особенности произведения. Насколько поэт, глубже погружаясь в изображение жизни своего народа, лучше выявляет его национальные обыкновения, а также неизменно приукрашивает и оттачивает своё художественное видение и миропонимание, тем сильнее становится национальность произведения и увеличивается его эстетическое воздействие. Каждый писатель решает эту задачу согласно своему таланту и мировоззрению, творческому опыту и индивидуальному стилю» [169, 76].

Мирзо Турсунзаде с первых дней своей общественной и литературной деятельности, начавшейся после окончания института просвещения в Ташкенте, связал свою судьбу с судьбой своей нации. Следовательно, начиная с самого начала своей творческой деятельности, он не мог быть безучастным к вопросам, связанным с жизнью его нации. Первоначально

сущность его общественной и литературной деятельности была исключительно национальной, которой был чужд национальный фанатизм, и заключалась она в отражении различных сторон жизни нации, новейшей истории Таджикистана со всеми ее успехами и невзгодами. Несмотря на идеологические ограничения эпохи, поэт не только принимал активное и конструктивное участие в процессе литературных и культурных обновлений, но и в своих поэтических, прозаических и драматических произведениях неуклонно отражал социально-политическую и культурную эволюцию новой жизни таджикского народа.

Хотя в тридцатые годы, в начале творческой деятельности Мирзо Турсунзаде идеологическая директива компартии и Советского государства определяли идейно-содержательную общность литератур всех народов Советского Союза, а идейно-политические цели были барометром культурного и литературного пространства, тем не менее содержание произведений истинных литераторов, любящих свою нацию, имело конкретные исторические и национальные особенности, и произведения Мирзо Турсунзаде не были исключением из этого процесса. Он с самого начала своего творчества хорошо осознавал, что содержание литературного произведения «не имеет смысла без связи с фундаментальным национальным идеей, национальным характером, национальным художественным опытом и традицией» [91, 159]. Несмотря на то, что в чувствительный период тридцатых годов литературная политика «единство идейного содержания» литературы «обложила всю советскую литературу» [91, 159], Мирзо Турсунзаде и в этот период смог, по мере возможности, охватывая национальную тематику и проблематику, отобразить в своих произведениях социальную и культурную жизнь, а также диалектику формирования национального характера в контексте исторических и культурных реалий конкретного периода. Хотя Мирзо Турсунзаде в третьем и последующих десятилетиях двадцатого века творил согласно духу, идее, морально-этическим нормам и мировоззрению своего времени, всё же под влиянием

устода Айни и его идейным руководством он смог, наряду с классовостью принять гуманность и национальность за основу своего мировоззрения. В данном направлении он обратился к отражению такой тематики, которая в третьем десятилетии двадцатого века в историческом, эпохальном и культурном планах имела для таджиков судьбоносный характер. Поэт писал стихи, поэмы, рассказы и драматические произведения на актуальные темы, освещающие реальную жизнь и судьбу нации в тот период. Поэт писал о том, что запрашивалось эстетической закономерностью времени и господствующей идеологией. В произведениях Мирзо Турсунзаде, прежде всего, значимое место занимает картина исторической и культурной судьбы таджиков. Таджики-созидатели нового времени в его произведениях являются преемниками национальных особенностей. Поэт в этом контексте обращается к описанию и раскрытию характера трудящегося человека и интеллигента-просветителя. В изображении реалий жизни таджиков того периода позиция поэта была классовой и приверженной социальным переменам. С этой позиции поэт принимается за изображение и раскрытие характера трудового человека и интеллигенции, поскольку именно они выражали истинные и позитивные черты национального характера. Другое сословие населения - землевладельцы, властители, богачи, муллы и т.д., считались чуждыми элементами, а борьба против них рассматривалась с позиции противостояния национализму (миллатпарастӣ). Худои Шарипов справедливо отметил, что «Литераторы советской эпохи, в частности Мирзо Турсунзаде, безусловно, в основном словами и убеждением и меньше на практике поддерживали эту бесконечную жажду мщения. Этот шаткий гуманизм не только не предотвратил постоянные преследования, но был основными источником и причиной» [165, 113].

Поэты и писатели данной эпохи, в том числе Мирзо Турсунзаде, смотрели на вопрос исторической судьбы таджикского народа с классовой позиции. Как отметил М. Шакури, «та часть его творчества, в которая повествует о жизни таджиков, состояла из пропаганды и изложения

ленинско-сталинской национальной политики» [159, 418]. Тем не менее, Мирзо Турсунзаде с самого начала формирования его убеждений и художественных взглядов, сосредотачивался на значимых характерных чертах своей нации, его художественные идеи развивались и эволюционировали на устойчивом фоне национальных традиций. Тема Таджикистана, историческая и культурная судьба нации была первостепенной составляющей его мыслей и убеждений.

Одна из национальных особенностей его творчества заключалась в том, что когда он сочинял стихи на какую-либо тему, будь то внутреннюю или внешнюю, память о географической Родине - Таджикистане и ее политических и социальных проблемах были в центре его внимания. Эту его творческую тенденцию весьма отчетливо и ярко выражают эти первые образцы его значительных творений - «Гиссарская долина» и «Таджикским горам». В этих произведениях поэт, описывая пейзажи Таджикистана, характерные национальные особенности и социальные условия его прошлого, приходит к важному выводу, который имеет общечеловеческую ценность.

В этом контексте стихотворение «Таджикским горам» наряду с освещением национальных особенностей художественного мышления поэта, также выражает человеческий аспект его мысли и убеждений. То есть красота природы тогда становится бесценной, когда способствует благополучию географической родины человека, независимо от его национальности. Гордость поэта за прелести и природные богатства своего края действительно имеет гуманистический характер [91, 49]. В поэме «Гиссарская долина» также сравнение социальных условий двух характерных исторических периодов таджикской нации приводит поэта к типичному гуманистическому обобщению. Философское углубление в местную, национальную и общечеловеческую социальную проблематику придает художественной мысли поэта духовный размах.

Литературовед Х. Шодикулов относительно тематики и охвата национальных вопросов разделил поэзию Мирзо Турсунзаде на несколько групп. В первую группу им включены стихи, которые «начиная с названия, конкретно посвящены определённому уголку или региону Таджикистана» [169, 70]. К другой группе исследователь относит такие стихи, которые не названы в честь определенного региона Таджикистана или в них не явствует художественный анализ жизни его народа, но в них сильно заметно выражение характера и особенностей, присущих нации. В третью группу исследователь включает стихи, «посвященные дружбе народов СССР, воспевающие сотрудничество и братство народов Советского Союза и показывающие могущество партии и социалистического государства» [169, 78]. Наконец, последнюю группу составляют стихи, написанные им на зарубежную тематику.

На основе такой классификации мы не можем определить общую позицию поэта относительно национального аспекта его наследия. Поскольку национальная тематика и проблематика, связанная с исторической и культурной судьбой таджиков, тем или иным образом отражена во всех произведениях поэта, то сущность его художественных исканий можно определить в комплексе.

Как указывалось, ранее, тематика и проблематика произведений поэта во всех периодах его творчества, являясь представлением общей картины жизни нации, и ее социального самосознания, выражает специфические аспекты его художественной мысли, национальных и общечеловеческих устремлений. Эту особенность можно наблюдать во всех стихах, поэмах и рассказах поэта. Несмотря на то, что тема, анализируемый материал и поэтика, изображения в его произведениях многотипны и неоднородны, национальные и гуманистические особенности их тематики и проблематики отображены весьма ярко. Следовательно, в освещении национальных и общечеловеческих вопросов Мирзо Турсунзаде никогда не был хроникёр, а его искания, прежде всего, выражали национальное самосознание и

процветание нации, что в силу исторических условий придавало новую суть и значимость его духовным исканиям. Его усилия были направлены не только на создание произведений в контексте и сообразно с требованиями новых социально-политических реалий, но и на выражение социально-философского смысла новой истории своей нации и изображение пути её формирования. В этом отношении поэт с самого начала смог изобразить самые важные моменты минувшей и новой истории таджиков, и таким образом отобразить революционное и умозрительное возрождение таджиков.

В этом контексте можно отметить, что географические названия в поэзии Мирзо Турсунзаде, преследуя социальные, исторические и национальные цели, обуславливают проблему защиты достоинства Родины и человека. Стихи «Гряда Гисарской горы», «Гисарская долина», «Вода Душанбе» не только напоминают о национальном крае, но также отражают национальные особенности. Стихотворение «Гисарская долина» знакомит нас с одним из уголков таджикской земли и с патриотическими устремлениями поэта, имеющими социальную значимость.

Стихотворения «Осень и весна», «Варзобстрой», «Моя Родина», «Золотая страна», поэмы «Хасан арбакеш», «Дорогая моя» и т.д. были созданы на чисто национальной основе, и отражают конкретные моменты жизни таджиков в контексте общечеловеческих чаяний поэта.

В стихотворении «Осень и весна» Мирзо Турсунзаде отдает дань уважения достоинству пострадавшего труженика. Его художественная мысль в этом стихотворении подчинена рамкам социального и гуманистического самосознания, имеет классовую сущность. Социальное самосознание во многих произведениях Мирзо Турсунзаде, в том числе в упомянутой поэме, опираясь на революционный потенциал человеческой жизни, препятствует всеобщему единству нации. Но принципиальная суть художественной идеи поэта проникнута любовью к нации и человеку. Сердце поэта болит за «рабов, невольников и наемников» из числа своих соотечественников, что является реальностью прошлой эпохи «коварного эмира», и это социальное

неравенство объективно отражалось в произведениях Ахмада Дониша, Фитрата, Айни. Безусловно, общество территории Бухарского Эмирата не имело устойчивого социального строя. Поэтому целью поэта в этом стихотворении, не являлось всего лишь «выражение любви и сострадания к людям» [165, 114], а было отображение тяжелого положения нации в конкретном историческом периоде, что имеет вполне реальную основу. Однако, такой способ рассуждения, как это отмечено и Х.Шариповым, «достигнув в свете господствующей идеологии конечного предела преувеличения, в некоторой степени покрыв обычное человеческое милосердие, превращается в социальную идеологию» [165, 114], что было результатом советской идеологической пропаганды тридцатых годов. Тем не менее, обращение Айни, Мирзо Турсунзаде и других литераторов в новой эпохе к отображению исторической и культурной судьбы трудящегося человека, сообразно новой идеологии имело национальную цель. Мирзо Турсунзаде, также как Айни, в своих произведениях описал личность таджика со всеми жизненными проблемами, что выражает различные стороны его взглядов относительно судьбы нации в лице ее представителей.

То, что Мирзо Турсунзаде создал по вопросам истории, судьбы, проблем бытия и национальных целей таджиков, является частью нашей национальной литературы. В этом отношении произведения, созданные им в советское время, со всеми достоинствами и недостатками, являются не только сокровищами таджикской национальной литературы, но также и воплощением «специфики выражения национальных стремлений» [154, 354].

Конкретное изображение экономических, культурных и духовных новшеств и достижений Таджикистана тридцатых и последующих годов также определяет тематику и проблематику произведений поэта, которым присуща национальная специфика. В данном направлении один из первых стихов поэта «Варзобстрой», являясь целенаправленным и патриотическим, воплощает преобразования социального положения в новейшей истории таджиков. Мысль поэта относительно социально-экономического и

политического положения данного периода. отражая характерные национальные особенности, представляет собой социальную и литературно-культурную ценность.

Сравнение прошлого и современного, обращение к национальным истокам, историческим корням цивилизации, народа, природе края, а также к его земле и воде, взрастившим тело и душу детей нации, принадлежат к той тематике и проблематике, над которой всегда размышлял поэт. В этой связи следует отметить, что жизнь и реалии конкретного периода истории таджиков были отражены в поэтических, прозаических, драматических и публицистических произведениях Мирзо Турсунзаде «с масштабными значимыми социально-политическими, просветительскими ценностями» [46, 48]. Судьбы Саттора («Осень и весна»), Хасана («Хасан арбакеш»), Айни («Вечный свет»), жены поэта («Дорогая моя») являются частью истории страны и судьбами ее обитателей, на образовательную и национальную значимость которых не мог не обратить внимание Мирзо Турсунзаде. Напротив, «именно в этих различиях и значимости совершенствуется эстетическое восприятие» [46, 49].

Большинство исследователей, высказывавших относительно общечеловеческой или интернациональной ценности произведений Мирзо Турсунзаде, в этом плане анализировали и оценивали произведения поэта, написанные на зарубежную тематику. Тогда как произведения, написанные поэтом на данную тему, также не делимы от национальной реальности. И поэма «Голос Азии», и «Дорогая моя» или циклы «Индийская баллада» и «Я со свободного Востока» опираются на национальное видение поэта и элементы истории социальной жизни таджиков. Даже в поэме «Голос Азии» при художественном отображении реальности стихи на примере двустихия Хафиза опираются на традиционное историко-социальное воззрение, что показывает характерный аспект его художественного и национального мышления.

С самого начала творческой деятельности для Мирзо Турсунзаде интерес представляла самая актуальная национальная тематика и проблематика истории таджикского народа. Если организация кружка молодых литераторов при газетах «Комсомолец Таджикистана», и «Красный Таджикистан» и руководство им, содействие изданию произведений молодых литераторов было практическим направлением его патриотических инициатив в начале тридцатых годов двадцатого столетия, то размышление над наиболее важными вопросами, связанными с судьбой нации, в том числе над отношением к культурному наследию, литературе, родному языку, историческим и культурным личностям являлось другой стороной его деятельности, которая несмотря на некоторые недостатки была судьбоносной для таджиков.

Защита исторических прав таджиков на тысячелетнее литературное и культурное наследие, проблема отношения к языку, к использованию литературных традиций прошлого, ценной национальной духовности относились к числу тематики и проблематики, которые были в центре внимания Мирзо Турсунзаде во все периоды его литературной деятельности.

Воззрение и внимание поэта на наследие предшественников глубоко отражают такие его слова: «Поскольку я с раннего детства знал наизусть замечательные стихи Рудаки, Хафиза и Бедия, наследие классической поэзии стало подспорьем в моей творческой деятельности» [13, 66]. Благодаря этой унаследованной любви «устод Турсунзаде с первых шагов своего творчества проявлял огромный интерес к произведениям предшественников, особенно корифеев, изобретательно изучал их наследие. Именно поэтому всех его стихах наблюдается благоприятное воздействие наследия предшественников. Упоминание таких имен, как Рудаки, Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз, Джами, Камол и подражание их поэзии также прекрасно подтверждает данное мнение» [129, 121]. Мирзо Турсунзаде упоминает о классиках литературы, как в своих стихах и поэмах, включая «Сокровищницу песен», «Вечный свет» и т.д., так и в статьях и докладах –

«800-летие великого азербайджанского поэта Низами Ганджави», «Великий мастер газели Востока», «Мастер слова и выразитель идей дружбы», «Садриддин Айни» и т.д. Даже в одном из своих докладов на антифашистской демонстрации представителей народов Центральной Азии для того, чтобы пробудить чувство патриотизма и возродить историческую память, поэт вновь обращается к источникам самосознания нации. Он призывает к наследию Фирдоуси, и возглашает народу: «Наши мужественные защитники! Отомстите фашистским палачам за все их злодеяния. Безжалостно истребляйте фашистов, ибо они посягнули на честь ваших жен, невест и сестер; они хотели превратить в груды пепла могилу Рудаки, творческое наследие известного ученого Абу Али ибн Сино, страницы поэмы нашего Фирдоуси, стихи Камола Худжанди, произведения наших достойнейших поэтов Саади, Хафиза и Джами» [10, 10-11]. Эта статья и другие произведения Мирзо Турсунзаде, в том числе содержание поэмы «Сын Родины», ставили проблему национального и общечеловеческого самосознания в контексте реалий периода Великой Отечественной войны, что весьма значимо.

Неизменное упоминание имени Фирдоуси в докладах и речах, цитирование его поэзии в своих художественных произведениях, приверженность его способу изображения также отражают национальный аспект воззрения М.Турсунзаде, обобщение которого очень ярко выражено в статье «Мера литературы». В другой статье «Таджикская литература в борьбе за идеалы коммунизма» поэт, касаясь проблемы преемственности наследия классиков, считает уникальным в этом отношении место, занимаемое «Шахнаме». В этой статье, также поднимается вопрос о влиянии таджикской литературы на мировую литературу на примере связи творчества немецкого поэта Гёте с персидско-таджикской поэзией, что является выразителем концепции национального самосознания в произведениях поэта» [11, 170-171]. Эта проблема была представлена и в другой его статье «Утренняя заря Азии» [12, 278-279]. Восприимчивость Мирзо Турсунзаде к

наследию предшественников и подражание их поэзии также показывает национальную тенденцию его художественной манеры и литературного мышления.

В издании и исследовании литературного и культурного наследия прошлого, исторических памятников, Мирзо Турсунзаде в первую очередь, видел национальные интересы. С его точки зрения, сегодняшнее и завтрашние поколения таджиков являются адресатами данного наследия, национальная первооснова которого, сохранив историческое и этническое своеобразие таджиков, совершенствует их. На протяжении всей своей деятельности он усердствует в использовании литературного и культурного наследия для познания и разъяснения культурной самобытности нации. В связи с этим, большая часть его художественных произведений включает в себя важный и созидательный столп культуры, своеобразие и самобытность таджикской нации-ее моральную особенность.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Произведения Мирзо Турсунзаде являются выразителями идей и помыслов поэта в познании и оценке национальных и общечеловеческих вопросов.

2. Осознание реальности, метод изображения и трезвые умозаключения обеспечили совершенное соотношение национальных и общечеловеческих идей в произведениях поэта.

3. Общечеловеческий уровень осознания художественной интерпретации человеческого бытия в изображении Мирзо Турсунзаде полностью соответствует национальным чаяниям поэта и отражает особенность его художественного восприятия. Соотношение национального и общечеловеческого взглядов является одним из факторов «выживания» произведений поэта независимо от политических изменений.

1.3. Национальные особенности произведений поэта

Мирзо Турсунзаде был воспитанником того времени, когда суть национального самосознания, национальности и их масштабы определялись эпохой и господствующей политикой. Вследствие этой политики в конце двадцатых и начале тридцатых годов круг тематики советской литературы существенно расширился. Ключевым фактором данного политического и литературного явления было развитие и разнообразие национальных социально-культурных связей, которые требовало духовно-политическое единство советского общества. Исторический процесс затягивал в свое русло представителей разных национальностей, в том числе таджиков. По мнению Г. Ломидзе, происходил «процесс, который способствовал обоюдному сближению советских народов разных национальностей» [91, 8-9]. Социально-политические события, коллективные созидания, в частности в Центрально-Азиатском регионе - большой Гисарский канал, Ферганский канал, Памирская дорога и т.д. требовали единого, так называемого интернационального мировоззрения и «усиливали прямую досягаемость чувства дружбы и коллективизма» [91, 9]. Внушение «чувства единой семьи советского народа» прививало человеку новую жизненную и моральную среду, в контексте которой литература стала «могучим и надежным помощником» коммунистической партии и советского государства.

Не будет превратным, если мы признаем, что начиная с этого периода, постепенно стало меняться наше национальное художественное сознание. Эта перемена, отодвинув на задний план новоискания литературы джадидизма, привела к непредсказуемым идеологическим и эстетическим результатам относительно социального и национального самосознания таджикской литературы двадцатого века, которые имели позитивные и негативные стороны. В ходе изменения художественного мышления теория дистанцирования от «духовности прошлого» и сосредоточие на «светлом будущем» сыграла разрушительную роль, и в некоторой степени лишила

таджикскую литературу двадцатого века ее фундаментальных духовных и художественных ценностей. Эта разрушительная тенденция, опираясь на наивное сознание, «вызвала развитие беспамятства и манкуртизма. Возможно ли было, чтобы такая ситуация оставалась безрезультатной для развития художественного мышления? Никак нет! Долгие серьезные усилия, направленные на стирание исторической памяти, имели ужасающие последствия: лишили национальное эстетическое сознание некоторых важных традиционных многовековых особенностей, в некоторых случаях в корне разрушили его основание» [160, 16]. Но, несмотря на подобное политическое и духовное принуждение, нельзя сказать, что литература данного периода и духовная жизнь таджиков в корне были лишены духовных первооснов, имеющих человеческое и национальное значение.

Хотя таджикская литература тридцатых годов прошлого века находилась под давлением рамок официальности, социальных заказов», и политических предписаний, ее фундаментальные духовные связи были неразрывны с литературой прошлого. Устод Айни с его наследием сохранил такую духовную и художественную связь. В этом контексте также нельзя недооценивать заслуги Лахути и Турсунзаде. В этом процессе, если считать устода Айни «основателем, пропагандистом и выразителем новой формы таджикского национального самосознания..., продолжателем лучших традиций классической литературы и культуры..., непревзойденным связующим и носителем культуры прошлого и нового времени» [26, 82], то Мирзо Турсунзаде является одним из продолжателей этого процесса.

Безусловно, в тридцатые годы устремления Айни или Турсунзаде не имели явного национального колорита. В ту эпоху было опасение, что «данное обстоятельство будет выдано за признак, характерный национализму» [161, 246-247], «рассматриваться, как противоречащее советскому интернационализму» [161, 247]. Возможно, из-за того, чтобы не быть обвиненным в национализме, Айни шел на идеологическое соглашение с новым режимом, и никоим образом появление в 1920 году статьи «Ислам и

коммунизм» не было случайным событием. В данной статье Айни, сравнивая человеческую суть двух противоречивых мировоззрений, старается найти компромисс между ними, что в контексте традиционного суждения «верующие братья», имея глубокие исторические корни, являлось подтверждением социального равенства людей.

Как справедливо отметил литературовед Н. Салимов, «Айни и его соратники, искренне приветствуя революционные идеи, не видели в них противоречия со своей жизнью и традиционными убеждениями. Кроме того, с великодушием, которое было присуще гуманизму классической литературы, стремились к тому, чтобы весь мир пестрил пламенем освободительной революции. Мирзо Турсунзаде был из числа поэтов, который пытался обеспечить данной идее историчность, конкретное социальное содержание и всемирный размах, оценив прошлое и будущее своего народа и других народов с этой позиции, мощью своего таланта придать ей жизненную силу» [137, 17-18]. В данном процессе Турсунзаде, прежде всего, опирался на тысячелетние традиции таджикской гуманистической литературы, и мастерски использовал ее.

Как отмечает Х. Шодикулов, «общечеловеческие особенности таджикской поэзии не начинаются с творчества Мирзо Турсунзаде. Общечеловеческий характер таджикской поэзии корнями уходит вглубь веков и исходит от великих родоначальников словесности. Рудаки и Фирдоуси, Хайям и Саади, Хафиз и Джами, Камол и Ахмад Дониш в своих бессмертных поэмах и стихах внушали прогрессивные человеческие идеи, творчески подходили к проблемам, одинаково относящимся ко всем нациям, и выражавшим их страдания» [169, 74].

На новом этапе истории таджикской литературы сформировалось новое человеческое видение, которое отражало и оценивало национальность и её масштабы исходя из классовых интересов.

Этапы творчества Мирзо Турсунзаде отражают различные периоды упрочения этой закономерности. В тридцатые годы ставить вопрос о

национальности и ее масштабе было не только невозможно, но и опасно. Даже устод Айни в этом плане сделал пословицу «Если время не ладит с тобой, то ты поладь со временем!» -своим жизненным кредо и творческой целью. В этой связи Мирзо Турсунзаде, который был исключен из комсомола по обвинению «приверженности идеям национализма, не мог не ладить со временем» [143, 215].

Мирзо Турсунзаде увязал свою литературную деятельность с гуманизмом и большевистской классовостью. Следовательно, на протяжении всех этапов творчества поэта социальное воззрение гуманизма и классовости взаимодействовали. Другим важным моментом является то, что его гуманистические идеи, развиваясь в контексте национальной духовности, обладают также определенным национальным масштабом. На этом основании, хотя коммунистические цели и убеждение не имели для нашей нации национальную почву, но в связи с обладанием гуманистическими принципами и соответствием с традиционными гуманистическими нормами таджиков, не противоречили национальным чувствам. Коммунистические нормы и цели с их человеческой и нравственной природой обещали народу прекрасное будущее и, по сути, полностью гармонизировали с древней таджикской сказкой о справедливом шахе. Социальные неравенства в таджикском обществе с древних времен зависели от управленческой структуры, поступков шахов и визирей. Следовательно, в народном сознании давалось предпочтение чувствам доброты и милосердия, осуждались социальные несправедливости «деспотических властителей». Кроме того, в истории литературы и культуры наших предшественников установились такие нравственные тенденции, сутью которых было исправление социальной морали, в частности, искоренение насилия в отношении человека.

Нравственные устои защиты достоинств человека, проявление доброты и милосердия к нему в истории тысячелетней таджикской литературы были одним из главных мотивов. Наши национальные эпические поэмы в этом

отношении являются отражением мира устремлений мечтательного, но угнетённого человека. Это направление отчетливо наблюдается в таких произведениях, как «Искандарнаме», «Хамзанаме», «Доробнаме», «Проворный Самак» и т.д. Также религиозные учения и законы шариата защищали исламское верование. Правила благородства, мистики и суфизма также считали человечность основой своей моральной концепции. Произведения мудрецов, философов и авторов книг по морали также воспитывали глубокую любовь к человеку «Ахлоки мухсини» («Благодетельная мораль») является сводным образцом учебно-воспитательного руководства такого литературно-культурного течения. Основное идейное содержание учения о нравственности наших предшественников заключалось в социальном равенстве людей, что с точки зрения разумных людей гармонировало с моральными и социальными стремлениями нового коммунистического общества.

Мирзо Турсунзаде представлял грядущую судьбу своей нации в зеркале коммунистической гуманной доктрины, которая сделала своим лозунгом социальное равенство. Но, пожалуй, он никогда не задумывался, о том, что идея устранения угнетателей (правлящего класса) дискредитирует остов человеческих и этических устремлений, приведёт к установлению мнимого гуманизма. В любом случае, Мирзо Турсунзаде, прекрасно осведомлённый о произведениях мудрых предшественников, преисполненный идеями нового времени и требованиями всеобщего воодушевления, смог создать такие произведения которые соответствовали вкусу нового общества с их эмоциональным и интеллектуальным национальным колоритом, и не были отвергнуты всеобщим пристрастием. В этом контексте и устод Айни, и его ученики, в частности Мирзо Турсунзаде, с принятием коммунистических идей, гармонирующих с человеческой мудрой концепцией нашей тысячелетней литературы и культуры, не действовали вопреки национальным интересам, а считали коммунистические нормы и принципы национальными. Традиционное художественное

мышление на этой почве также обрело свежую направленность. Поэтому произведения М. Турсунзаде с точки зрения национальной темпераментности и этнического сердоболия обрели характерный национальный аспект, и, несмотря на идейные и эстетические недочёты, они были приняты нацией, стали частью истории нашей литературы и культуры.

Процесс творческого развития Мирзо Турсунзаде олицетворяет различные ступени закономерности сохранения национальности и ее особенностей. В начале сороковых годов постановка нравственного вопроса была для литературы весьма важной. В художественных произведениях многих литераторов особое место занимали новые аспекты общечеловеческих идей, которые подчеркивали и знаменовали неразрывную и вечную взаимосвязь между людьми. Это литературное событие также присуще творчеству Мирзо Турсунзаде военного и послевоенного периодов. Поэт не придавал значение государственным, социальным и национальным различиям, пытается выдвинуть единое решение общечеловеческих проблем.

Основу мировоззрения поэта составляет такое убеждение, что высокие человеческие ценности едины, они могут различаться лишь на уровне преимущества социально-политических факторов. В нравственном отношении между ними нет никакого противоречия. По данному утверждению, в одном из своих первых работ - очерке «Волны победы» поэт считает прогресс таджикской нации в новых социальных условиях путем к спасению для «угнетенных личностей многострадального Востока». В рассказе «Подавленные горем», стихах «Победа народа», «Дочери Астурии», позже в циклах стихов «Индийская баллада», «Я из свободного Востока», поэмах «Голос Азии», «Дорогая моя» и т.д. его герой живет и работает по единому моральному кодексу, где не исключается национальная специфика. Поэт размышлял над социально-политической ассоциацией, где национальные и общечеловеческие устремления находятся в полном соответствии.

Исследовав вопрос национального масштаба на основе общечеловеческих проблем в творчестве М. Турсунзаде, мы непроизвольно встречаемся с вопросами героя, социальной среды, сути национального и общечеловеческого, а также специфическими особенностями конфликта произведения. Искания в этом направлении приводят нас к такому выводу, что в произведениях М. Турсунзаде попытка философского осмысления реалий жизни нации и современного мира происходит во взаимосвязи с общечеловеческими проблемами, а истинный смысл человеческой жизни определяется нравственным поведением человека, его отношением к природной и социальной среде.

Мирзо Турсунзаде на пятом и шестом съездах писателей СССР, подчеркивая общечеловеческую направленность литературы, считал необходимым «сочинительство для всех народов и прогрессивного человечества мира» [166, 154]. К тому же аудиторией его произведений с самого начала, наряду с людьми его нации, были также представители других народностей и национальностей, и национальный масштаб его произведений определялся данным идейным критерием, а также гуманистическим методом.

Общечеловеческие принципы, укорачивание рук «имущего притеснителя подвластных», человечность, доверие людям, препятствование любым проявлениям несправедливости и насилия составляют идейное содержание произведений, написанных поэтом на внутреннюю и зарубежную тематику. Однако, когда Мирзо Турсунзаде пишет об иностранцах, он также подступает к проблеме исходя из истории своей нации. В такого рода произведениях поэт «затекает художественное размышление о великом русском народе, братском украинском народе, угнетенных Индии и Пакистана, красивых пейзажах этих стран, великом водопаде Ниагарска, о близких и далеких народах, частях света. Поэт сострадает, сговаривается, радуется и печалится, восхищается и испытывает ненависть ... сочувствует бедствиям народов мира, печется о других народах

и считает участие в их баталиях одним из своих ответственных задач» [169, 84-85].

Лирический герой произведений, созданных им в данную эпоху, олицетворяет лучшие человеческие добродетели, высокую нравственность, человеколюбие и активное сопротивление несправедливости, что является признаком духовной преемственности идейной и доброй морали предшественников. Дочь Индии и лирические герои «Индийской баллады», поэмы «Дорогая моя» и других работ поэта, написанных на зарубежную тематику, своеобразно охватывают нравственные устремления, а также протест против насилия и неравенства, проявляющийся в их характере и качествах, действиях и поведении. Они имеют национальную и общечеловеческую сущность, значимость которой не умаляется с изменением политики и режимов.

Важнейшим вопросом незыблемости нации и человечества в творчестве Мирзо Турсунзаде заключается в художественном исследовании поведения людей, несущих на себе груз ответственности за настоящее и будущее. Усилия поэта и его соратников дают нам надежду, что мир и согласие во всем мире устойчивы, и что человечность одолеет человеконенавистничество. Мирзо Турсунзаде всегда питает нежную привязанность, доверие и уважение к личностям своих произведений, избравшим трудный путь и самоотверженность, выкладывая в это все свои усилия. В этом отношении на первом ряду стоит сам поэт, затем герои его произведений, начиная с Хасана до персонажей поэм «Дорогая моя» и «От Ганга до Кремля».

В образе лирических личностей поэзии Мирзо Турсунзаде мы видим характеры, которые выражают общечеловеческие устремления, но имеют специфичный национальный колорит. Они, имея таджикские обличие и натуру, с их устойчивой идейной сутью, противостоят бедствиям мира, полного неприятностей, а также социальным и индивидуальным заблуждениям.

Мирзо Турсунзаде в контексте созидательных для нации ценностей посредством изображения, художественных и публицистических размышлений рисует картину великих и гуманных чаяний людей своей нации, их желаний, потребностей и жизненных проблем, сочетающихся с потребностями человечества.

Русский поэт Ярослав Смеляков, характеризуя поэму «Дорогая моя», в частности отмечает, что «в творчестве другого поэта монолог борьбы за мир и братство между народами, который адресован непосредственно к супруге поэта, выглядел бы весьма неестественным и наигранным. Это могло быть принято, как литературный стиль, в качестве изворотливого оборота. Однако, из-под пера Турсунзаде вышла прекрасная поэма, которая имела сокровенный и публичный мотив. Этой поэме чужда несозвучная и притворная мелодия. Читателю представляется такая картина, что он рядом с Файзом Ахмадом, Файзом Пакистани, Николаем Тихоновым, индийским гостем, потомком Анголы и молодым кавказцем сидит за столом поэта и участвует в их благородном деле» [36, 70].

Таким образом, в центре своих изображений поэт представил личности, которые будучи проникнутыми любовью к человеку, обладают способностью противостоять гнету и деспотии, не сворачивают с пути веры, совести и правосудия. Национальную и человеческую суть поступков и деяний лирического героя поэта составляет общечеловеческое содержание его стихов и поэм.

«Собственные произведения Мирзо Турсунзаде полностью совместимы с его творческими принципами. Поскольку поэт всегда стремился шагать в ногу с жизнью людей и не быть безучастным к международным событиям, развивая своими содержательными и красочными произведениями интернациональные традиции таджикско-персидской классической литературы, русской и мировой литературы, хотел сделать их богаче. Он внёс ценный вклад в дело согласия и единения, сплочённости и солидарности

прогрессивного и свободолобивого человечества», - написал А. Сайфуллоев [133, 154].

Как было отмечено выше, масштаб национальности творчества Мирзо Турсунзаде не ограничен. На какую бы тему поэт ни создавал произведение, он смотрит на судьбу личностей, реалии мира или на жизнь своей страны всевидящими глазами и гуманным взглядом. Поэт отрицал слепую преданность в защите и пропаганде самобытности национальной этнокультуры. Более того, в своей культурной деятельности он всегда опирался на два положения. Во-первых, он был убежден в том, что национальную этнокультуру следует постигать и пропагандировать с учетом фундаментальных национальных интересов. Во-вторых, такую этнокультуру необходимо рассматривать и использовать как важный фактор еще большего укрепления национального единства и дружеских уз таджиков с народами мира. С этой позиции судьба и наследие предшественников, его учителя Айни представлялись ему осевой линией веры, справедливости и мудрости. В этом контексте поэт, опираясь на историческую память народа, написал поэму «Вечный свет». В данной поэме память кружится вокруг оси подлинных национальных и человеческих ценностей и интерпретируется как критерий человеческой совести. Судьба устода Айни является тем нравственным критерием, без которого основа национального счастья не останется незыблемой. Судьба устода Айни является живой памятью, которая ведет умы и выражает воодушевление и энтузиазм эпохи, является свидетелем вечной связи прошлого с настоящим.

В цикле «Индийская балада», поэмах «Дорогая моя», «От Ганга до Кремля» и т.д. память обретает характер нравственной активности общества и отдельных личностей. В этом контексте история признана как базисная точка моральных и идеологических, познавательных и гуманистических оценок. История в художественной интерпретации поэта рассматривается как идейная традиция. Недооценивание истории или отказ от нее является

безответственностью перед прошлым и будущим. Образы героев произведений поэта отчетливо просматриваются в упомянутом контексте.

В творческой концепции Мирзо Турсунзаде история и нравственный опыт народа, который находит свое отражение в национальной форме, по существу, являются выразителями национального опыта и устремлений рода человеческого. Выражаясь словами Д. Лихачева, «культура едина. История культуры есть история памяти человечества, история формирования памяти, её углубления и эволюции. Отставание в развитии — это пренебрежение первопричиной, чреватое прекращением прогресса. Культура движется путем обогащения, а не бегством от прошлого» [90, 166].

Интерес Мирзо Турсунзаде к национальной проблеме в контексте реалий времени периода его жизни показывает обострение общечеловеческих и национальных вопросов в политико-экономическом масштабе и их сбалансированное отражение в области литературы. Данное явление было естественным и в период жизни поэта, и в настоящее время, так как рост национального самосознания в обществе выявляет противоречие устаревших форм человеческих организаций. В эпоху жизни и творчества Мирзо Турсунзаде, особенно в области литературы и искусства, интенсивный рост самосознания оправдывает новый уровень сочетания общечеловеческих устремлений с национальными. При этом общечеловеческий уровень восприятия жизни, представляясь важным, обретает с точки зрения формы выражения индивидуального или национального великолепия. По этой причине, роль и мировая позиция поэтов и писателей, в конечном счете, определяется степенью отражения ими в своем творчестве характерных особенностей нравственной жизни своей нации и родины.

По мнению Д. С. Лихачева, в будущем должна исчезнуть национальная ограниченность литературы, национальные же ценности сделают плодотворным литературный опыт стран. Этот ученый добавляет, что «с расширением литературных горизонтов некоторые стороны литературы потеряют свои национальные особенности. Это в первую очередь

просветительная сторона литературы. Но в художественном отношении литература не теряет своих национальных особенностей. Она углубляет и усложняет эту тенденцию ... Национальное своеобразие каждой литературы, не оставаясь значимым только для этой литературы, должно обрести ценность мирового значения, став опытом всех литератур, войти в историческую мировую традицию» [74, 194].

Именно в творчестве Мирзо Турсунзаде художественное самосознание таджикской нации, достигнув общечеловеческих высот, обретает «мировую ценность».

Безусловно, без использования опыта других литератур, только в контексте традиций национальной литературы было трудно нести это тяжелое литературное бремя. Выискивая новую эстетическую опору, необходимо было также придать новизну форме. Кроме того, следовало соответственно соединить национальную поэтику с богатым опытом литератур других народов.

Можно сказать, что общечеловеческие устремления в национальном контексте обретают специфическую форму соединения. Например, применение предыдущего опыта в жизни современного человека требует особенное национальное видение. Наряду с этим, основные этические мотивы, отношение к старым обрядам и ритуалам следует оценивать и применять, отдавая дань моральным устоям и национальному духу.

Сочинение социальных стихов на основе новых реалий, применение поэтических образов требовало совершенствования отдельных художественных методов и современных средств художественного изображения. В этом контексте использование реалистического метода повествования, его связь с притчевыми образами и романтическими картинами укрепляет систему художественных средств изображения и оплодотворяет её содержание. Но в данном случае сравнение прошлого со счастьем сегодняшнего дня посредством противопоставления, сохраняя свою ценность, «становится основой выдающегося художественного обобщения»

[153, 98]. Новое прочтение истории оживляет историческую память, при этом национальный эпос, сочетающийся с историческими элементами сюжета, включает в себя оттиск времен. Такой способ изложения дал желаемые результаты в цикле «Индийская баллада», поэмах «Голос Азии», «Дорогая моя» и «Вечный свет». В этих произведениях поэт, используя традиционные атрибуты литературы прошлого, которые взбудораживают эмоцию и мысли читателя, таким образом, увеличил драматизм, социальную значимость и их эстетический аспект. Обогадив новым содержанием сюжет этих произведений и многих других своих произведений, Мирзо Турсунзаде в то же время остается национальным поэтом. С этой позиции его произведения, отдалившись от поспешных национальных смешиваний красок, отображают историю, присущую таджикской нации, особенности нрава и характерных черт ее сынов, традиции и обряды и т.д.

Образ индийской девушки в «Голосе Азии», образ жены поэта в поэме «Дорогая моя», личность Айни в «Вечном свете» имеют национальный колорит. Поэт, в первую очередь, на основе национальной действительности, отображая таджикский нрав и характер в контексте реалий времени, показал основы таджикской самобытности в облике своих героев. Другой важный момент заключается в том, что эти художественные и исторические личности с нежными чувствами, глубокой мыслью и многосторонним взглядом не безучастны к тому, что происходит в мире и с человечеством.

В своём творчестве Мирзо Турсунзаде, охватив зарубежную тематику, прежде всего, отражает национальное мышление. Тем не менее, в этом методе не исключается художественное отражение познания многосторонней общечеловеческой идеи. Атрибуты поэтики в этом случае сохранили свои национальные мотивы, а идея произведений, обретая общечеловеческий смысл, выражает новый этап развития художественного мышления поэта. Следовательно, национальная красочность, многоцветие и общечеловеческий смысл упомянутых произведений и многих других работ поэта кроются именно в этом. Передав читателю характерный национальный дух, поэт

пленяет его свежими гуманистическими идеями. Более ни Протап чужд таджикам, ни Айни для индуса. В этом контексте личности его произведений желанны и для других народов.

Настоящий поэт при этом, выполнив свою важную моральную и человеческую миссию, изрядно желает сплотить народы, разделенные по национальной, социальной и религиозной принадлежности на единой арене человечества. Этот подход является характерной особенностью творчества Мирзо Турсунзаде, которая отличает его поэзию и художественное сознание от других. Иначе, трудно было бы отличить Мирзо Турсунзаде от Тихонова или Гамзатова.

По мнению Х. Шодикулова национальная особенность произведений поэта «в некоторой степени сильна, а их национальная основа настолько опирается на вескую силу, что даже когда стихи пишутся на одну тему, на основе одного материала, характерным для себя образом, то являются детищем своей нации» [169, 90]. Данный ученый добавляет, что «У Н. Тихонова и М. Турсунзаде есть стихи под одинаковыми названиями «Два платка», «Огни Термеза», «Огни Родины», материал изображения в них общий. Они смогли сохранить собственные русские и таджикские свойства и характеры при выражении одной цели» [169, 90].

Об отражении национальных образов и характеров в творчестве поэта мы подробно остановимся в следующей главе, в данном контексте добавим лишь, что другим подходом, ярко отражающим национальные особенности произведений поэта, является использование традиций устного художественного творчества и классической литературы. Безусловно, традиции народной литературы, смешавшись с классическим опытом, образовали идеальный баланс. Кроме того, Мирзо Турсунзаде своим творческим опытом смог устранить многовековое дистанцирование своей нации от процесса мировой литературы. Он не только вошел в данный процесс, но и обогатил его своими открытиями на основе совершенного соотношения национальных и общечеловеческих устремлений.

В центре таких произведений поэта, как «Голос Азии», «Дорогая моя», «От Ганга до Кремля», «Индийская баллада», «Я из свободного Востока» и т.д., присутствует единство двух проблем - восприятие и отражение общечеловеческих и национальных вопросов. Эти две стороны имеют идеальную связь, их порой трудно отличить. Но творчество Мирзо Турсунзаде ценится тем, что поэт из текста жизненного пути нации выбирает и отражает те аспекты, которые имеют общечеловеческую ценность. В данном случае сохраняется колорит национальной духовности, одновременно также учитывается общечеловеческий характер стандартов и понятий.

На примере стихов, написанных поэтом на внутреннюю и внешнюю тематику, можно отметить, что его творчество типичный пример сбалансированной связи национальной поэтики с богатым общечеловеческим содержанием. В связи с этим его популярность в Индии и некоторых странах Африки является подтверждением тому, что общность устремлений, ни в коем случае не имеет национальных ограничений и относится к роду человеческому. Любовь поэта к добрым традициям своих предков, историческим корням национальной самобытности, родному краю и отображению факторов, создающих национальную самобытность, сыграла конструктивную роль для таджикской литературы двадцатого века и сохранения ее значимых ценностей, и не могла не повлиять на его творческий процесс. Две стороны единого чувства привязанности к Родине и гордости ее прошлым и настоящим, соединяясь между собой, наполняют друг друга энергией. Данный процесс «обязывает поэта понять радость и печаль человечества, своё и постороннее в его воображении представляется не упраздняемыми. И то незнакомое, что чуждо его судьбе, кажется ему неотъемлемой частью его счастья и горя» [90, 47]. Нижеследующие строки отчетливо выражают первоначальную суть его концепции в этом процессе.

Шодам, аммо мехӯрам ғамҳои халқи дигаре,
Дар назар меоварам, торочғашта кишваре.

Халқи хиндуи ситамкашро расон аз мо салом,
 Эй суруди ман, агар дорӣ ту ҳам болу паре [13, 173].
 Я рад, но печалюсь о народе другом,
 Представляя взору разорённую страну.
 Приветствуй, о, песня моя, если крылья имеешь
 От нашего имени угнетенный индийский народ.

Критерий взаимопонимания является одной из особенностей формирования и эволюции национальной литературы на примере творчества Мирзо Турсунзаде. По мнению М.Б. Храпченко такая литература не разделяет народы, а, напротив, сближает и способствует их сотрудничеству. Не вбирает в себя, а соединяет с тем, что ценно для всего человечества. Это и есть источник, от которого берет свое начало великая литература [153, 353-354].

Еще одна особенность подобных произведений поэта проявляется в том, что при отображении социальной и культурной судьбы иных народов он мыслил о таджикском народе, о процветании и свободе своего края. «Когда поэт говорит либо о «касте презренных», известной индийской танцовщице Тара-Чандри, либо о мечте и надежде трудящегося народа, его борьбе с агрессорами, либо о жизни молодежи соседнего Востока, произведениях искусства, архитектуры каком – либо событии, всегда перед его взором предстает его народ, счастьем, успехом и достижениями которого он гордится» [106, 184]. Следовательно, его произведениям свойственна характерная национальная свежесть, преобразовавшаяся в иной форме и на уровне лучших национальных и гуманных традиций тысячелетней таджикской литературы.

Охват национальных вопросов и поэтика их отображения в творчестве поэта не ограничивается сказанным. Поэт, отражая различные эпизоды социальной, литературной и культурной жизни таджиков в историческом контексте, мыслит об улучшении жизни людей разных национальностей. В контексте реалий времени, где процветали чистый соцреализм и классовые стремления, поэт с особой целью использует добрые культурные элементы

для представления четкой и реальной картины национальной самобытности. Лучшие национальные традиции оказывают поэту прямую помощь в создании единой национальной самобытности и отражении национальных образов. Следовательно, по четкому наблюдению А. Кучарова, в поэзии Мирзо Турсунзаде читатель «в первую очередь ощущает национальные особенности, отраженные в содержании, тематике, сюжете, языке и образах произведений поэта» [65, 33]. Кроме того, язык, манера изложения, культурные элементы и национальные литературно-культурные традиции выражают характерные национальные особенности его произведений. Отражением данной художественной концепции поэта, в том числе являются стихи «Цветущая страна» («Чаманистон»), «Сокровищница песен» («Ганчинаи сурудхо»), Цветку таджикского сада» («Ба гули боғи тоҷик»), «Сватовство» («Хостгорӣ»), «Сердце матери» («Дили модар») и т.д.

Использование исторических памятников, устной и письменной литературы, мифологических и исторических образов, поэтических описаний и формальных элементов предшествующей литературы являются национальными особенностями произведений поэта. Образы классической литературы, в частности Лейли и Меджнун, Фархад, Комде и Мадан в контексте мировоззрения поэта, обретя новое содержание, не потеряли также и свою национальную окраску, придав стилю изложения поэта национальную свежесть. Такой его художественный замысел демонстрирует стихотворение «Руди Ганг» из цикла «Индийская баллада». Это стихотворение не только отображает характерную национальную черту его произведений реальными, мифическими и поэтическими образами, а также манерой изложения мысли, темы и намерений сохранило национальный колорит мастерства поэта. Приметное родство духа поэта с социальной тематикой и содержанием, гармонируя с традиционной лирическим изображением, усиливает философский аспект, зиждущийся на идеях национального гуманизма. Картины сказочной Индии, положение угнетенного народа на фоне миропонимания и характера таджикского народа

выражают национальные особенности художественной идеи поэта. Истоком национального духа стихотворения «Река Ганг» не является «Меджнунское безмолвие и опечаленность» реки, напротив, ясное отображение «процветания таджикского края» - это также огласка сердечных тайн поэта, судьба и мысли которого не разделимы от его нации. Кроме того, описание реки Ганг в этом стихотворении и во многих других произведениях поэта является выразителем характерной национальной идеи и эстетического мастерства. По мнению Х. Шарипова, хотя такие стихи Мирзо Турсунзаде не сравнимы «по художественности слова и творению свежих образов с традицией мастеров персидско-таджикской поэзии» [164, 339], «однако, с позиции создания поэтического состояния в сердцах людей с позиции эстетики, прекрасного и мира доброжелательности человеческого духа, придающего позитивный настрой при утверждении и отрицании» [164, 339], могут быть признаны прекрасными стихами по взглядам, чаяниям и манерой изложения национальной мысли в познании добра и зла, угнетателя и угнетаемого, справедливости и правосудия. В свою очередь, в таких стихах поэта образ лирического героя с чертами наблюдательности, богобоязненности, справедливости, благородства, благочестия, радушия и т.д. отражает характерную национальную специфику поэзии Мирзо Турсунзаде, соединяющую устремления поэта с мировыми культурными, политическими и социальными устремлениями нации. Мирзо Турсунзаде на протяжении всего своего творчества отстаивает такой моральный принцип национальной самобытности, который в состоянии защитить ее созидательные столпы от разрушительных социальных и культурных явлений, приложить усилия в деле дальнейшей незыблемости национальной самобытности.

Таким образом, национальная и общечеловеческая тематика и проблематика в творчестве Мирзо Турсунзаде с самого начала его литературной деятельности занимала особое место и формировала его творческую и национальную индивидуальность. Тематика и проблемы

произведений поэта вытекают из судьбы и социально-политического бытия нации, и являются выразителями особых аспектов его художественного мышления, национальных и общечеловеческих чаяний.

ГЛАВА II. ОТОБРОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И ХАРАКТЕРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ МИРЗО ТУРСУНЗАДЕ

Каждая нация живет и развивается в особых исторических, социальных и культурных условиях. «Так называемые индивидуальные особенности в каждом случае перед нашим взором проявляются одновременно как общая и конкретная особенность. Не может существовать стандартная для всех идея и психология. Для того, чтобы понять национальные особенности того или иного народа, необходимо не только определить проявление общей специфики, но и выявить неповторимость опыта данного народа» [88, 64]. Эта сторона национального своеобразия таджиков, в первую очередь, отражена в их литературных и исторических книгах. В связи с этим, исследователи признают «Шахнаме» Фирдоуси реальной поэмой жизни иранских народов, в которой выражена наша национальная самобытность со всеми её добрыми и недобрыми сторонами, взлётами и падениями, а также изменениями. Великий Фирдоуси постарался вывести нравы нашей нации из глубин цивилизации, истории, деяний исторических, литературных и мифологических личностей и оценить её культуру в соприкосновении с другими культурами и цивилизациями. Такое мудрое видение Фирдоуси стало причиной того, что практически благодаря поэмам «Шахнаме» нам удаётся распознавать свой менталитет и его нормы. Следовательно, литературное наследие является наиболее важным средством сохранения и распространения национального характера или самобытности нации. В этой связи русский писатель Н. В. Гоголь утверждал, что «истинная национальность» очень четко выражается в образе и характере.

Мирзо Турсунзаде воспитан в эпоху социальной активности, и этот момент определяет принципиальную особенность его художественного мышления. Поэт отмечал: «Всякий раз, вспоминая свое трудное детство и годы, когда мой народ был бедным, многострадальным и притесненным, задумываюсь о том, как в течение жизни одного поколения сказочно изменилась судьба таджиков» [13, 9]. Эта мысль не только выражает

социальное видение поэтом политического и социального режима, которого он одобряет, но также является своего рода описанием общего состояния нации.

Мирзо Турсунзаде, размышляя о социальном положении нации, стремился подчеркнуть изменения в жизни нации. Позже эти перемены, моральные и духовные изменения таджикского общества первых десятилетий двадцатого века поэт с большим интересом и воодушевлённо отразил в своих произведениях, которых можно признать художественным отображением национальных образов и характеров. В новую эпоху устод Айни был одним из первых, всесторонне изобразивших исторический и культурный образ и характер таджиков, чьи созданные образы и характеры являются нравственным основанием, формирующим национальный менталитет.

Аналогичным образом в творчестве Мирзо Турсунзаде как синтез социальных и духовных добродетелей была реализована типичная художественная концепция олицетворения национального образа и характера, которая имеет свои специфические черты. Основное своеобразие такого творческого почерка поэта заключается в том, что он все еще имеет дело с национальным образом и характером, не подвергшимися изменению, кроме того его своеобразное национальное видение опиралось на «тайник народной жизни» [47, 217]. Следовательно, национальные образы и характеры в произведениях Мирзо Турсунзаде необходимо рассматривать как эпос, где образ и характер имеют традиционные корни. С другой стороны, в их изменении и совершенстве заметна также роль эпохи. Особенности и содержание художественного мышления поэта в познании и интерпретации национального образа и характера, прежде всего, определяются его классовым взглядом и социалистической ориентацией, которые имеют и положительные, и отрицательные аспекты. Положительные аспекты корнями уходят в традицию, а отрицательные являются заказными и востребованными господствующей идеологией. Несмотря на это, человек

мечты Мирзо Турсунзаде - это не только «новый советский человек», в этой личности поэт соответственно воплощает также таджикские национальные достоинства. Именно в этом контексте стремлению поэта противопоставляется «старый мир», «правлящий деспотический класс», «враг свободы женщин» и «национальное угнетение», где личности и их нравы были оценены в данном ключе.

В творчестве Мирзо Турсунзаде, как в лирических, так и в эпических произведениях, по мнению М. Бахтина, «сотворенная художественная форма, прежде всего, изображает человека, а мир отображает только как мир человека, или непосредственно его человечность. Воссоздав ценностную связь с человеком, вместе с тем он теряет свою ценностную самостоятельность и становится ценным моментом человеческой жизни. Вследствие этого отношение формы с содержанием в единстве эстетического истока обретает своеобразный индивидуальный характер, но эстетический исток, образно изображая событие, реализует действие и взаимодействие творца и содержания» [46, 89]. В данном случае в творчестве Мирзо Турсунзаде «реальная особенность эстетического истока» (М. М. Бахтин), отдав преимущество драматическому характеру его произведений, в частности, «вхождение автора - искреннего лица и духовного человека в исток» (М. М. Бахтин) усиливает духовную и национальную основу образов и характеров. На этой основе также нельзя упускать из виду единичный лирический элемент, который имеет благотворное влияние на преобразование социального типа поэзии Мирзо Турсунзаде в художественный образ и эстетический феномен [157, 123-147].

Хотя динамичный герой произведений поэта со своими социальными мыслями больше склонен к идеалу советского человека, однако, из-за социальной активности поэта и значимого положения его индивидуальности он имеет конкретное национальное лицо, которое часто представляется также и лицом самого Турсунзаде. В связи с этим, справедливо такое наблюдение Аскара Хакима, что «если к концу пятидесятих годов индивид поэзии

Турсунзаде имел незначительный индивидуальный характер, то в последующем стремление к внутреннему миру, погружение в духовный мир, признание подлинной ценностью основы личности сделали его более индивидуальным и заслуживающим внимания. Это весьма заметно в его поэме «Дорогая моя», цикле стихов «Твоими глазами», стихотворениях «Поэту», «Песня любви» и других его стихах» [156, 132]. В данном случае, такое творческое направление поэта также способствовало сохранению и укреплению национальных особенностей образов и характеров его произведений, где основа национальной идеи является истинным и действенным фактором.

С сожалением следует отметить, что большинство исследователей, высказавших о национальных и интернациональных особенностях произведений Мирзо Турсунзаде, отдавая предпочтение общечеловеческому аспекту его мышления и воззрения, видели национальные образы и характеры в изображении поэта тождественными интернационализму «в чистом виде» (Г. Ломидзе). Эта тенденция, в частности, заметна в критике произведений поэта, написанных на зарубежную тематику. Однако, когда Мирзо Турсунзаде писал свои произведения, будь то на местную будь то на зарубежную тематику, при отображении любых вопросов, в том числе образов и характеров, его взгляды имели исключительно национальную основу.

Одной из главных причин притягательности и всеобщего признания его поэзии, авторитета личности и поэтической репутации у современников заключается в том, что, несмотря на пропаганду им политических и социальных идей, его творчество обладало эффективным национальным аспектом. Начиная с первых творений, его национальные образы и характеры были движущей силой его мыслей и воззрений. В контексте национальных реалий поэт искренне отображал значимые политические и социальные проблемы без особого подчеркивания, а как часть судьбы нации.

Несмотря на то, что в нраве и характере нации была заметна корректирующая рука времени, в отображении национальных образов и характеров поэт учитывал устойчивые исторические и культурные факторы. Также в данном процессе он описывал их внутренние и внешние изменения, принимая во внимание разные стороны, составляющие основное содержание. Несмотря на создание большинства произведений поэта исключительно на национальной основе, даже на примерах его работ тридцатых годов мы наблюдаем изменение в национальных образах и характерах, нельзя не заметить также влияние политических, временных и индивидуальных факторов.

Мирзо Турсунзаде воспитывался в горном таджикском селе и замечал, что мораль, обычай, нравы и характеры его односельчан до времен великих социальных перемен советского периода изменялись весьма медленно. Но в течение короткого исторического промежутка сложилось так, что древние основы и устои, истоков которых человеческая память уже не помнит, перемешались перед его взором, как будто это были неподлинные обычаи и нравы. Он наблюдал, как политические преобразования срывали традиционные моральные узы. Иногда идеологические и классовые интересы вытесняли национальные ценности в познании религии, положении женщин и других членов общества. Однако, поэт игнорировал проходящую идеологическую волну в отображении и приукрашивании национальных ценностей. Напротив, его взгляды были тверды в том отношении, что национальная личность в первую очередь, отражая национальные нравы и характеры, передает ценности национальной самобытности от эпохи к эпохе.

Следовательно, в первых своих работах, наряду с интересом к интернациональным темам или образам, что было велением идеологии эпохи, поэт уделял особое внимание на национальную натуру личностей своих произведений, на их нравы и характеры. Поэма «Осень и весна», а позже «Хасан арбакеш» в этом контексте представляются примечательными.

В те годы, когда Мирзо Турсунзаде делал первые и устойчивые шаги на пути познания новой судьбы нации и создавал национальные образы и характеры, на этой почве бытовали различные теории. Некоторые, полностью отрицая реальность национального характера, «считали национальный характер бессмысленностью, не находящей в себе толк. Другие признавали признаки национального характера общими, присущими всем людям. Третьи предполагали, что существуют так называемые общие душевные человеческие элементы, и что только особая комбинация индивидуального соотношения этих элементов, степень активности или уязвимости каждого из них в том или ином случае образуют неповторимый тип национального характера. Иногда категория национального характера оценивается ими с теоретической позиции. Они ищут национальный характер как совокупность отличительных атрибутов в чистом виде, присущих только одному народу, и не повторяющихся в опыте других народов» [92, 66]. Несомненно, эти взгляды, имеющие классовый характер, не могли не повлиять на Мирзо Турсунзаде и его соратников. Однако, он знал, и доказал своим творческим опытом, что такого национального характера, отделившегося по своей воле, в природе не существует» [75, 66]. Таким образом, в созданных им национальных образах и характерах конструктивными элементами являются исторические и традиционные духовные черты, и ценности, а также представления, традиционные черты и новшества, возникшие в условиях нового социалистического общества. В этом отношении при критике и оценке данного вопроса следует учитывать суть его изменчивости относительно темы и содержания произведения.

В связи с этим, можно обратить внимание на первую поэму поэта «Осень и весна». Исследователи высказывались относительно «шаткого гуманизма» (Х. Шарипов) и «заказного радостного духа» данного и некоторых других произведений поэта [165, 113; 156, 133]. Такая манера художественного восприятия реальности исходила из стремлений и целей жизни таджиков в то время, была неотделима от социально-политических и

культурных реалий, свалившихся на нацию. Поэт изображал все это исходя из своих устремлений. Кроме того, как заметил Аскар Хаким, и «мало удивительного в том, что особенно поэты поколения Мирзо Турсунзаде, М. Миршакара, участвовавшие в продвижении молодой республики Таджикистан, радовались тому что, за короткий исторический промежуток их страна достигла значительных социально-экономических успехов» [156, 133-134].

В любом случае, в упомянутой поэме, также как в «Солнце страны» поэт описывает такие сцены жизни таджикской нации тех времен, которые включают в себя различные культурные и исторические периоды. В данном плане особое место занимает поэма «Хасан арбакеш», о которой речь пойдет ниже. Эти упомянутые нами два произведения не только выражают чувство и убеждения человека (поэта), но и отражают воззренческие стандарты относительно смысла и цели новой жизни. Трагическая судьба Рано, а также жизнь «по желанию сердца» Угулой являются следствием общественного строя, где одна основывается на «гнёта и притеснения», а другая-на принципах свободы и человеческого счастья. В художественном сознании поэта социальная реальность антагонистических обществ опровергают друг друга. В контексте этих социальных реалий поэт отображает желание и нужду, гнев и презрение, совесть и ненависть и т.д., носителем которых является социальная система. В этих и многих других произведениях поэта показано, что ценностные и анти ценностные факторы содержатся в глубине человеческого, исторического и культурного бытия нации, тем самым поэт призывает нацию и ее индивидов быть бдительными и конструктивными. На примере судьбы Рано, Угулой и Мамлакат (из поэмы «Солнце страны», 1936) поэт противопоставил достойный характер представителей своей нации против невольничеству, что имеет традиционные корни. В изображениях и выводах Мирзо Турсунзаде социальная суть характера персонажей Рано, её возлюбленного Саттора, Угулой и Мамлакат приводит нас к такому заключению, что представление о

национальном характере не всегда соответствует тому, что встречается в жизни. Выражаясь точнее, «единого национального стереотипа, который подходил бы для всех времен не существует. Национальность всегда развивается при противостоянии противоположных сторон, и, формируясь, находит свой трудный путь» [92, 66].

Характеры типажей произведений Мирзо Турсунзаде, формируются главным образом на фактической и традиционной базовой основе таджикской нравственности, и та переменная часть нрава и характера, которая наблюдается в действиях и поведении персонажей его произведений, является порождением исторических и социальных обстоятельств и условий периода его жизни. Эти два указанные нами своеобразные национальные типы и характеры имеют традиционный национальный и политический заказной основы. Второй тип является «следствием заинтересованности особенной партии» (Икбал), истинная цель которой заключается в господстве над слабыми нациями, уничтожении их этики, религии, социальных традиций, литературы, достояний и репутации, и тем самым изменении их национального характера и самобытности. Воздействие подобного принципа в национальных чертах характера, в том числе его разработку мы наблюдаем в работах Мирзо Турсунзаде на примере отображения образа женщины и ее характера, классового противоречия членов общества, что в некоторой степени губит личность.

Образ Мамлакат, которая является реальным лицом - выразителем новой концепции статуса женщины в обществе, в меньшей степени опирается на традиционную нравственность. Между тем, важным обстоятельством в отображении женского характера на этом этапе творчества поэта является то, что он популяризирует созидательный характер женщин, который имеет также традиционные и национальные корни. При таком подходе поэт находится под влиянием теории подражания и конструктивной преемственности, которая имеет социальную и национальную значимость. С этой точки зрения образы и характеры, созданные Мирзо Турсунзаде, еще

при первых его творческих шагах, «обладали активной натурой и непокорным характером» [101, 865]. Они сочетаются с традиционными ценностями познания национальной самобытности, чему способствует нравы женских образов в произведениях поэта, поскольку достоинство женщины, противостоящей неволе, интерпретировалось им в контексте нашей тысячелетней культуры. В частности, у Фирдоуси по этому поводу есть такие строки:

Маро марг бехтар аз он зиндагӣ,
Ки озода бошам кунам бандагӣ [90, 184].
Мне, гибель желаннее жизни такой,
Чем, будучи достойной, стать слугой!

Мирзо Турсунзаде при создании образов и характеров своих произведений опирался на традиции и принципы преемственности, наряду с этим находился под сильным влиянием правящей политической теории и реальных созидательных идей. Основная концепция поэта при познании и отображении национальных личностей и характеров базируется на такой теории, что дар инициативности, постоянная склонность к энергичности, усилия обнаружить и совершенствовать новое, которое могло бы быть полезным источником для самого себя и иных лиц, в совокупности все это используется поэтам как активные и энергичные черты характера. В данном контексте поэт выводит на сцену Мамлакат и Угулой, а Хасан и Садаф достигают счастье. Безусловно, поэма «Хасан арбакеш» Мирзо Турсунзаде дает обильный материал для познания и интерпретации национальных образов и характеров. Поэма и ее герой «Хасан - это художественное открытие талантливой исследователя жизни двадцатых и тридцатых годов. В нем художественное отображение получают не только самые характерные моменты, взятые из жизни той эпохи посредством национальных образов и убранств, но подытожены невзгоды и радости жизни, с позиции дальновидного философа и опытного знатока жизни» [144, 79]. В дополнение к данному мнению литературоведа Х. Шодикулова следует отметить, что эта

работа отражает традиции морали и национальные черты характера, охватывая на данной основе также принципиальные изменения.

Хотя образы, созданные поэтом, в основном отвечают аналитико-идеологическим потребностям и предписаниям времени, однако, он посредством персонажей своей поэмы сумел отобразить многие моральные и психологические особенности таджикского народа.

Как отмечал русский поэт Ярослав Смеляков, «в поэме «Хасан арбакеш» степенный и одинокий мужчина, ищущий самостоятельность, изображается в постоянном конфликте с реальностью и новой истиной. Автор не допускает своего всеми уважаемого героя в сложные и неблагоприятные условия, только с тем, чтобы в конечном счете привести его в среду равноправных строителей своей республики. Условия и реальность здесь в некоторой степени схожи с условиями и реальностью поэмы Александра Твардовского «Страна Муравия». В данной нашей заметке нисколько не имеется в виду литературное подражание, а всего лишь является желанием ещё раз упомянуть тот факт, что оба поэта привели неопровержимые доводы своих поэм из реальной жизни и следовали за истиной жизни.

Как Никита Моргунок с четырехколесной повозкой, сделанной в Смоленске, также и Хасан с конем неразлучным со своей таджикской арбой проложили путь к сердцу читателя через великую литературу. В поведении обоих героев отсутствуют геройские качества, однако, заметны привлекательные атрибуты человечества. Кроме того, в обеих поэмах, самым активным и решительным героем является время и народ, что строит мир по-новому» [36, 71].

Русский поэт в целом подчеркивает, что Хасан является новым образом таджикской поэзии, обладающим «примечательными качествами человечности». Заметка русского поэта Анатолия Сафронова о «судьбе простого молодого человека, как и самого поэта, родившегося и выросшего в селе» [36, 72], подтверждает принципиальный взгляд и национальную идею

поэта, специфику которых составляют человеческая нравственность и черта характера героев произведения.

Хасан и Садаф являются главными персонажами поэмы, созданными на основе реальной судьбы таджиков в период великих социально-политических преобразований начала двадцатого века. Литературовед Ю.И. Бабаев верно отмечал, что «тему нового возрождения таджикского народа, которую С. Айни отображал в прозе через судьбу поколений в некоем грандиозном монументальном стиле, Мирзо Турсунзаде впервые пробуждал в поэзии через образ простого человека» [50, 160]. Этот «простой человек», был в первую очередь национальной личностью, и несомненно, что он также обладал национальной самобытностью, черты и достоинства его характера имеют историческую национальную основу и подстраиваются под время. Мирзо Турсунзаде наряду с созданием поэмы на основе национальных реалий, оживил национальную географическую и природную среду, отразил облик своего героя с его своеобразными национальным нравом и качествами.

В описании Мирзо Турсунзаде Хасан является гордым, скромным, храбрым, смелым, доблестным и бесстрашным. Его человеческая и национальная идентичность исходят из указанных выше достоинств. В мастерском изображении поэта его фигура также выражает своеобразный национальный облик, в определенной степени демонстрирующий его внутренний мир и психологическое состояние. Поэт лишь через обоснованное и точное описание, обнаруживая содержание национального характера личности своей поэмы, придает ему эстетическую сущность.

На примере образов Хасана и Садаф можно утверждать, что на содержание национального характера оказали влияние различные политические, социальные и культурные факторы. В данном контексте, поэт добивается реалистичного раскрытия нравственного содержания национального характера своих героев и отображения устойчивых черт натуры личностей, имеющих здоровую и сильную первооснову, а также те

стороны их характера, которые изменились или подверглись переменам под влиянием нового социально-духовного опыта.

Другими словами, «национальный характер не входит в совокупность социально-исторических условий, исходящих независимо от других жизненно важных факторов» [92, 20]. Национальный характер имеет национальную основу, на его формирование воздействуют жизненный опыт народа, национальные традиции, впечатления, среда и природа.

Мирзо Турсунзаде написал данную поэму в контексте реалий, где изменились социально-экономические условия, в то же время в содержании национальной фундаментальной идеи также произошли изменения, заслуживающие осмысления. Эти изменения имели разные масштабы и содержания. Реальность не устранила полностью индивидуальность национальной личности, а добавила к ней историческое прошлое и новый путь развития нации. В данном подходе национальное устремление определялось «социалистической национальной индивидуальностью», иногда приводившей к корректировке особенностей национального характера. Негативным фактором в данном принципе были классовые цели нового общества, основу которого составляла общая собственность. Однако, Хасан, воспитывавшийся в так называемом мелкособственническом духе, став владельцем коня и арбы, «находит себя утопленным в обществе, это и есть своего рода человеческое счастье» [165, 141].

Худои Шарифов справедливо заметил, что «избавление от неволи и самостоятельность в поведении и действиях была для Хасана источником радости и довольства» [165, 115-116]. Однако, за этой свободой и независимостью следовала социально-политическая классовая зависимость, которая постепенно приводя к переменчивости нравственности и традиционных национальных качеств, ставила под сомнение индивидуальность национальной личности.

Тем не менее, Мирзо Турсунзаде смог, реалистично описав сложную диалектику формирования идеи коллективизма на новой основе

национального общества, отобразить через образ Хасана противоречивый и глубоко национальный характер. Облик и характер Хасана с распространенной художественной особенностью, своим социальным и национальным значением является ярким образцом художественных образов новейшей таджикской литературы. Поэт отобразил в образе Хасана нравы и черты характера арбакешов (кучеров) в контексте жизненных реалий, являющихся фактором изменения личности и его характера. Хасан в начале был грубым, дерзким, иногда своенравным человеком, точнее упрямым таджиком двадцатых годов, который не мог отличать единоличную жизнь от преимуществ новой жизни, коллективного хозяйства и новых жизненных отношений. Его мысли овеяны «кокандской арбой» и трудом с помощью своей «породистой лошади», зарабатыванием хлеба насущного и обретением славы. На пути к этой цели он не мог на первый взгляд увидеть новшества жизни, социальные и исторические вопросы считал неизменными, а некоторые признаки преобразования жизни, с которыми приходилось сталкиваться, считал проходящими и относился к ним равнодушно. Однако, жизнь «нового социального строя» постепенно изменяла его характер, делая из старого таджика нового. Следует отметить также такое обстоятельство, что сущность характера Хасана определяется не только лишь новым социальным условием. Тяжелое, порой трагическое положение жизни, не в состоянии переменить истинный характер таджикской нации, которой присущи рассудительность, спокойствие, великодушие и т.д.

Какими были наши предки, или же каким был их извечный душевный склад, запечатлены в книгах по истории и литературе. Сущность нашего традиционного национального характера лишь на основе «Шахнаме» Фирдоуси можно описать следующим образом: великий Фирдоуси, признавая таджиков, являющихся одним из иранских народностей, свободными и достойными, интерпретировал их нрав благородным и мудрым. В его познании достойные и мудрые мастера слова: /Избирали тогда посланника – красноречивого и достойного мудреца/, непорочный и

воздержанный/. Привели тогда достойного радетеля, На редкость непорочного и воздержанного из вельмож/, волевой и верный своему слову:/ Александр став посланником, Выбрал жизнерадостного вельможу /, кто был с ним солидарен и верен своему слову, Осмеливался указывать владыке, как поступать /, такие только пред Богом склонялись: /, Тьму ночи озаря лучом меча, По полю сея головы врага, Свободными рожденные, не будучи невольниками, Одного лишь Создателя были рабами /. Фирдоуси признает их благородными незатейливыми молодцами: / Среди царей не было подобного Сиявушу, Такого мудрого, славного и доблестного мужа /, безобидными: / Чтобы не огорчаться по мелочам, будь безобидным и сердечным человеком /, безвредными: / Держи себя хладнокровным к лишениям, Бесстрастный мужчина - лучшее сокровище /, славословными: / Позволительно с врагом добро словить, славословие - заслуга благородных / мужественными: / Когда дитя становится мужественным, Словно золото обретает блеск /. В его понимании они были достойны обладать государством: / Лучась благодатью, как славный отец, Пристал благородному царский венец /, не были вероломными: / Если благородных нарушишь обет, уронишь достоинство величия /, избегали колдовства: / Таков был его ответ, что он не чародей, Что не чуждо ему благородство /, не были они и ленивыми / Прав был тот мудрец великодушный, Что: в раба обратила свободного — лень /. Великий поэт не считал наших предков кровожадными и жестокими: / О, царь, о великий, с высокой звездой, О вождь доблестных мира. Ты кровь безвинных не проливай, Злопамятство не украшает мужей /, а мудрость считает сутью их существования: / Знатен каждый по мудрости, даже если сетует на звезду. Не отпирайся, о, царь, от мудрости никогда, Мудрость залог доброго имени и славного конца /.

Новый общественный строй не полностью искоренил традиционную первооснову нрава и характера Хасана, а изменил суть его содержания. Точнее, до некоторой степени был изменен его психологическое и эмоциональное содержание, где существенным является роль

идеологического процесса. Следовательно, в образе Хасана поэт показал не только «перемены жизни народа и страны» [145, 128], но и фундаментальные изменения в его нраве и характере, где необходимость жить в новых условиях под ярмом социалистического общественного строя сделала также грубость и беспощадность частью его характера. В борьбе за новую жизнь Хасан и его единомышленники применяли резкость и беспощадность к представителям противоположного класса. Новый строй узаконил непримиримый классовый антагонизм, который приучил основной слой общества к резкости и постепенно общество стало центром различных социальных недугов, последствия которых хорошо известны. Мирзо Турсунзаде описывает в поэме эту моральную тенденцию, подчинившую характер Хасана. Например, когда на постоялом дворе Сарои Камар, в одном из приграничных районов, он сталкивается с торговцем муки, и не может скрыть свою дерзость и беспощадность, что было порождением новой среды. Укрытие бая в соседней стране разбудила в его сердце горечь и боль его минувших дней. Поэт по данному поводу заключает:

Давраи нав агар намеомад,
На ароба, на асп дошт Ҳасан.
Дар ғуломию бандагӣ мемурд,
Мурдаи камбағал надошт кафан [14, 80].
Когда б ни новый, справедливый строй,
Он не имел бы лошади с арбой.
И жизнь его прошла б как горький дым,
И был бы светлый мир ему тюрьмой.

Несомненно, в контексте сегодняшних реалий тогдашние черты характера Хасана и его единомышленников кажутся странными, т.е. в новое время моральные и аморальные качества бурно сталкиваются. Это столкновение негативно воздействует также на суть традиционного национального характера, последствия чего становятся особенно заметными в нашем сегодняшнем обществе.

Кроме того, Ю. Бабаев уверен, что отвага и трудолюбие Хасана, его позитивные человеческие качества, «оскорбление торговца, спекулирующего мукой» и т.д., являются отличительной чертой таких как Хасан от тех, кто опекает частную собственность» [50, 168].

Поэт являлся сторонником такого морального состояния того времени, имеющего реальную основу и ему нравилась борьба подобных Хасану против «мира угнетения». В тот период существования советского правительства указанный моральный принцип соответствовал желанию и стремлениям народа «и был связан с задачами, поставленными политикой перед таджиками на пути создания новой системы в рамках национального самосознания» [169, 80].

Такие черты Хасана, как своеволие и упрямство не связаны с узостью его мировоззрения, эти качества, имея традиционную основу, выражают человеческие и материальные ценности капиталистического мира. В этом смысле данный образ представляет собой абсолютный национальный характер, фундаментальное изменение которого происходило под воздействием нового общественного строя. Несмотря на изменения, вызванные временем, как подчеркивает Х. Шодикулов, «он опят же сын своего народа, сохранивший свои таджикские особенности, в то же время является новым таджиком, обретшим духовное богатство и идущим в ногу со временем. В этой ситуации и в своем новом положении он чаще проявляет национальную особенность: является борцом, осваивает новейшую технику, совершенствуя служение своему народу, обретает чувство коллективизма, вероятно, не станет больше грубить» [144, 83].

Как указывалось, выше, Хасан и Садаф обладают исключительно таджикскими характерами, географическая и нравственно-духовная среда отображаемой картины, безусловно является также национальной. Образ Садаф, что выражает стремления общества к признанию свободы женщины, имея своеобразную национальную и продиктованную временем окраску, создан в контексте реалий жизни таджиков того времени.

Такие качества Хасана, как благородство, отзывчивости и беспристрастность его, смирение с традицией признания прав женщины, стыдливость и благочестие Садаф, что является стимулом здоровой жизни, скрытная любовная интрига Садаф, её целомудренность, в целом, все это является воплощением нрава и характера персонажей поэмы Мирзо Турсунзаде, имеет своеобразный национальный колорит. Судьба и черты характера Хасана и Садаф примечательны и реальны еще и потому, что они отображают многие стороны нашей жизни и национального характера, в котором переплетаются и хорошее, и плохое. Склонность к озорству, сила духа, иногда упрямство вперемешку с невежеством и т.д. являются следствием той окружающей среды, в которой жили и нашли своё место Хасан и его единомышленники. Новые социальные условия сформировали в человеке характерное психологическое и моральное своеобразие, не отрицающее фундаментальные ценности национальной самобытности, а обогащающее его национальную суть.

Эта творческая тенденция, получив дальнейшее развитие в произведениях поэта, обрела характерные особенности, одним из которых является самоаналитический подход, который играет важную роль в воплощении национального облика и характера. В своих стихах и поэмах поэт, затрагивая загадки внутренней и внешней жизни, не только обращается к социальным и нравственным проблемам современного мира, но таким образом на новом уровне отображает также национальные черты характера и нравов. В его произведениях шестидесятых и последующих годов, путем усиления национальных аспектов роли национальных личностей, также становится более красочным художественное пространство произведений, которое опираясь на идею самосознания и охвата элементов национального характера, повышает национальный аспект его произведений. Оно сыграло особую роль в жизни поэта в плане укрепления мотивов национального самосознания и самопознания в его творчестве.

Этот процесс, в частности, после шестидесятих годов, в творчестве Мирзо Турсунзаде, вновь подвергшись трансформации, углубил национальную значимость его произведений и стал более конкретным в цикле стихов «Твоими глазами», поэмах «Вечный свет» и «Дорогая моя». Усиление на этой основе индивидуальной особенности его поэзии, по мнению Аскара Хакима, способствовало укреплению национального аспекта и глубокому отображению национального образа и характера. Если считать лирического героя его поэзии «обликом самого поэта Турсунзаде» [156, 132], то в его творчестве будет возрастать глубина и масштаб данного вопроса. Нам известно, что личность Турсунзаде в его стихах, по мнению Л. Гинзбург, «охвачена устойчивыми биографическими и сюжетными очертаниями» [62, 155]. С данной позиции даже его отдельные стихи отражают национальную идею и национальный характер. В этом плане примечательны его стихотворения «Возлюбленной», «Улыбаясь идет», «Цветку таджикского сада», «Танцовщице», «Таджикской девушке» и т.д.

Между тем, стихотворение «Мать» является лучшим образцом в контексте национальной идеи, естественных и изобразительных факторов оживления популяризирующих особенностей нрава и характера таджикской матери. В данном стихотворении, наряду с подчеркиванием «некоего социального контраста» [133, 129-130], образ и характер матери на фоне природы и социальной реальности отображается весьма восхитительно. Описание географического и природного своеобразия поясняет состояние лирического героя и лиричной неординарности в лице самого поэта, что присуще сути нашего национального нрава и характера. Это стихотворение ясно отображает также сдерживаемые и сводные черты односельчан поэта, несравнимых в любви [14, 278], что выражает сущность лирического индивида, то есть поэта.

Такая манера изображения, также усиливаясь в стихотворении поэта «Сердце матери», выражает лучшие добродетели и черты матери таджички. ругими словами, «поэзию изобразительной впечатляемости» [156, 140]

Мирзо Турсунзаде использовал для выявления подлинного образа и традиционных черт матери, что усилило своеобразный национальный аспект его поэзии. В упомянутых стихах отображается типичный образ и характер матери, что имея социальную, психологическую и духовную основу, отдалено от очевидного феминизма и выражает национальную художественную идею поэта в осознании внешнего и внутреннего облика таджикской женщины-матери.

Как отмечает М. Шакури, «склонность к художественному философскому заключению в произведениях завершающего этапа творчества поэта обретает особенность нравоучений и мудростей» [159, 422], что во многих случаях устойчиво зиждется на изысканных национальных чертах нрава и характера. К числу подобного рода его произведений относятся стихотворения «Высокое гнездо», «Крошки хлеба», «Пусть всегда будет женщина», «Сердце не вернулось», «Рука матери».

В годы Великой Отечественной войны Мирзо Турсунзаде написал поэму «Сын Родины» (1942) и, опираясь на моральные традиции наших предков создал образ героя войны - Кодира, его отца и других персонажей. Одним из наиболее сильных национальных аспектов этой поэмы является оживление исторической памяти на основе национального самосознания. Для того, чтобы пробудить чувство патриотизма личности поэмы и её читателей, поэт обращается к нравственным источникам мужества и доблести предков и посредством отца героя вспоминает Фархода и Кову, тем самым отображая основные качества предков.

Выражаясь точнее, описание рассказа, нравоучения и наставления отца героя в поэме является символом разума, мудрости и национальных моральных традиций. Между тем, упоминание о «мужестве Фархада, бдительности Хосрова, рассказе Лейли и Меджнун, восстании кузнеца Ковы против Заххока змей и т.д.» [133, 275] использовано как средство пробуждения исторической памяти и национального осознания добра и зла. Акцент отца на историческое противоборство и освободительные стремления

таджиков, также являясь оживлением национальной исторической памяти, повышает моральное и эмоциональное воздействие поэмы. Борьба, доблесть и культурно-исторический благородный пыл в поэме показаны как значимые черты таджикского народа.

Своеобразные национальные черты Кодира выдающийся поэт весьма ясно отображает в физической, эмоциональной и моральной близости с боевыми соратниками, в том числе Миколой, где весьма значимы мужество, твердость, доброта и гуманизм.

Поскольку Мирзо Турсунзаде в своих произведениях преемствовал традиционные национальные черты, то в той же степени выслеживал перемену национального характера под влиянием социальных реалий, и в этом контексте создал новый образ Кодира и Саодат, не имеющий моральных ограничений. Все несозидательное находится в стороне от их личностей. В том числе бесцеремонная любовь Кодира и Саодат является новым этическим подходом в сознании поэта, неотделимым от контекста реалий жизни нации в определенном периоде времени.

В поэме поэт, описав добрые черты характера Кодира, утверждает национальную основу формирования его характера. Личностный аспект поэмы, демонстрируя своеобразную особенность характера таджикской нации, выявляет сущность её культурно-исторического бытия, которая имеет своеобразный национальный и общечеловеческий колорит.

Исторические события, любовь к Родине и родителям, честь и достоинство семьи, а также духовная связь между поколениями в поэме «Сын Родины» поэт противопоставляет посягательству фашизма и изображает типичный образ таджиков с конкретными особенностями их нрава и характера, корнями, уходящими в национальные моральные традиции.

Произведения поэта военного периода выражают характерные особенности его художественного видения в изображении национальных образов и характеров. В этой связи примечательно оперное либретто «Тахир

и Зухра». Это либретто поэт написал в 1944 году в разгар военных событий, где его обращение к мифологии является мнимым. Как отмечает А. Сайфуллоев, «по сути сказка «Тахир и Зухра» подобно другим народным произведениям, выражает социально-этический идеал трудящегося народа о свободе, равенстве и любви. Борьба сил добра и зла, справедливости и угнетения, красоты и безобразия, которая нашла своё отражение в фольклоре и персидско-таджикской классической литературе на протяжении многих веков, также особым образом отображена в данном повествовании» [133, 364].

При создании либретто «Тахир ва Зухра», поэт применяет исторический и традиционный опыт народа в познании добра и зла, тем самым он интерпретировал избавление от социального и культурного гнета основой национального самосознания, укоренившейся в национальном нраве и характере.

В этом смысле литература является для поэта поприщем блистания души, мысли, желаний и устремлений нации. Следовательно, либретто «Тахир и Зухра» демонстрирует желания, социальные устремления нации и выдающегося поэта по познанию добра и зла в национальном историческом и культурном пространстве.

Замечательный поэт представляет человеческую личность, нравы и характеры Тахира и Зухры в физическом, эмоциональном и моральном сродстве, которое имеет национальную почву. В контексте сказки Зухра не выглядит весьма активной личностью. Тем не менее, ее смелость, мужество, целомудрие и чистота заслуживают внимания, что имеет естественную социальную и национальную почву. С этой позиции человеческие качества Тахира и Зухры, сформировавшись на основе социально-культурных реалий, имеют также национальный аспект. Трагедия жизни этих двух главных персонажей в изображении М. Турсунзаде, достигнув уровня героизма, вмещает в себя также недовольство и возражение.

Либретто Мирзо Турсунзаде присущ своеобразный национальный колорит, где опять же эта специфика ярко представлена в отображении поведений, деяний, нрава и характера персонажей произведения. Поскольку в народной сказке утонченность и изысканность Зухры, нежность и человечность Тахира имеют почву в культурном наследии, в данном произведении изображение состояний, позиций, обычаев и ритуалов также имеют своеобразный национальный аспект. Например, описание состояния и настроения девушек на берегу реки, извлечения сундука Тахира и длинных кос девушек осуществлен в контексте национальных реалий, имеет популяризующие и назидательные цели. Национальная идея формирования личности также усиливает национальный аспект либретто, где принятие Тахиром облика Хафиза относится к числу национальных традиций выстраивания личностных достоинств, представляемых в сказках. Данная традиция также мастерски используется поэтом.

Осознанное использование традиций народного творчества и классической поэзии, умелое применение романтической картины в контексте реалий второй мировой войны в некоторой степени придало изобразительную приподнятость поэзии Мирзо Турсунзаде, которая в сороковые годы переполнялась «фальшивыми чувствами» (М. Шакури).

Превосходный поэт в контексте древней легенды о Тахире и Зухре посредством гениального воображения изменил эмоциональное содержание либретто, придав ему социальную и патриотическую значимость. Мирзо Турсунзаде в контексте коллективного и индивидуального опыта, своих личных волнений и переживаний смог выразить все общее состояние и стремление. Наряду с этим, в данном произведении негативная романтическое изображение не имело воздействия, но поэту удалось приобщить в процесс отображения свои личные эмоции и собственное сознание, всеобщее состояние и чаяние. С этой позиции в либретто романтическое изображение, имея экспрессивную значимость, выражает социальную восприимчивость поэта от отображения эмоциональных

явлений. В данном случае эмоциональное воздействие, адекватная убежденность, сродство эмоции и смысла обеспечили духовную созидательность, социальное и патриотическое воздействие либретто.

Мирзо Турсунзаде в те годы был, вероятно, был одним из первых литераторов, который придав романтическому изображению исследовательский характер, на примере физической и духовной близости Зухры и Тахира внес социальную и нравственную суть в простейшие человеческие отношения. Личности, описанные поэтом, гармонируя с возникшей реальной действительностью, воплощают сформировавшееся историческое национальное чувство патриотизма, первоначальную сущность которого составляет традиционная идея защиты добра от зла. Сосредоточие на конкретных признаках индивидуальности героев, их судьбах, сродстве с другими личностями и социальной средой, которым также присущи национальные оттенки, в какой-то мере отделяют манеру изображения поэта от общего изобразительного процесса, свойственного литературе тех лет, что, безусловно, является позитивным процессом.

Если выразится точнее, романтическое изображение в данном произведении не отделено от замысла и цели поэта, а замысел — это то же чувство, возникающее вследствие изображения. При таком подходе поэт, сохраняя в либретто историческую и культурную основу легенды, через приподнятое изображение придал Тахиру и Зухре национальную, историческую и социальную индивидуальность, что в контексте реалий того времени вместо равнодушия усиливает у читателя надежду и веру, выражая естественную и национальную мотивацию социальной морали.

Поэмы «Дорогая моя» и «Вечный свет» занимают особое место в новейшей таджикской литературе по охвату и отражению национального нрава и характера. Первая поэма несет идею стремления к независимости, достижения которого добиваются все народы и нации, в том числе и таджикский народ. Следовательно, содержание поэмы и характеры ее

персонажей, имея национальную и общечеловеческую сущность, выражают различные аспекты судьбы и нравственности героя поэмы.

В лице лирического героя читатель видит сына таджикского народа, который является одновременно патриотом, и борцом за мир и спокойствие человечества. Политические и социальные усилия героя придали общечеловеческие колоритность и сущность таким его национальным качествам, как человеколюбие, стойкость и искренность. Нижеследующие строки отражают внутренний и внешний облик, а также специфические качества отца, воспитавшего в себе своеобразные таджикские национальные психологические и моральные аспекты:

Чони ширин, пас дигар чангам макун,
 Ин қадар беҳуда дилтангам макун.
 Нестам мисли падарҳои дигар,
 Дар бари фарзандҳо шому сахар.
 Чор гардад ҷашми онҳо дар раҳам,
 Гум занад дилҳои онҳо дам ба дам.
 Ку падар гӯяд агар фарзанди мо,
 Менамоям ту ба сӯи дар нигоҳ. [14, 8].
 Потому, дорогая, не брани меня.
 Столь напрасно не расстраивай меня,
 Сознаюсь, я как другие отцы не бываю,
 С детьми по утрам и вечерам,
 Все глаза бедняги проглядят,
 В ожидании, когда вернусь назад.
 Когда ребенок говорит: где отец?
 Ты невольно бросишь взгляд на дверь,

Эта поэма также отражает традиционные и новые черты характера таджикской женщины, о чем подробно будем говорить ниже в данном разделе.

Концепцию познания и отображения национальной идеи и национального характера в творчестве Мирзо Турсунзаде особенно заметно усиливает поэма «Вечный свет». Содержание поэмы и характеры ее героев подтверждают историческое и культурное бытие таджикской нации на примере исторической личности - Айни.

Данная поэма внешне имеет биографическую и мемуарную специфику, где поэт вспоминает о рождении своего ребенка и о встрече со своим учителем Айни. Холик Мирзозаде отмечает, что «однако, философская сущность произведения глубже, поэт изображает с одной стороны, новые поколения своего народа, чьи благодатные поступки, освещают будущую жизнь нашего народа, а с другой - избранных лиц нашего народа, которые своей творческой и жизненной деятельностью не только увековечили свои великие образы, но также помогли своему народу и нации обрести видное место в жизни. Следовательно, и народ, и такой великий человек, как Айни всегда являются вечными» [102, 257].

Художественное восприятие судьбы нации, ее деятелей культуры является эффективным фактором для развития самосознания и самопознание нации. Мирзо Турсунзаде независимо от политики эпохи, в контексте которой имелись также ограничения, глубоко осознав в те годы духовные потребности народа, с большим мастерством отражает историческое, культурное и социальное бытие нации и её избранных исторических личностей. Главная особенность упомянутой поэмы определяется независимостью настроения и мысли, которые имеют национальные ценности.

В поэзии шестидесятых и последующих годов развитие исторического самосознания имело также связь с изысканиями Мирзо Турсунзаде, влияние этого процесса позже было особенно заметно в творчестве Мумина Каноата, Лоика Шерали, Бозора Собира и др. Поэма «Вечный свет» не состоит только из восхваления и порицания, в ней преобладает обстоятельное художественное исследование. Процесс таких изысканий М. Шакури охарактеризовал следующим образом: «Теперь поэты задумались об истории,

о позиции выдающейся личности, об исторической судьбе нации, задумались, о литературном анализе. Эти рассуждения и анализы иногда заходили немного дальше классовой и сословной позиции, больше создавали благоприятную почву для достижения действительной реальности (частью которой является классовая реальность)» [59, 424].

Поэма Мирзо Турсунзаде «Вечный свет» в некоторой степени отражает тенденцию таких изысканий.

В этой поэме Мирзо Турсунзаде представил судьбу Айни неотделимой от судьбы своей нации. Описание внешнего и внутреннего облика Айни на фоне природы выражает характерную особенность национальной идеи автора поэмы, где любовь к нации, ее выдающимся представителям составляет основу произведения. Поэт, «отобразив Айни в весенней атмосфере - в пору юности и плодородия природы, родильного дома и мира детей - действительной реальности продолжительности и бесконечности человеческой жизни» [109, 318], представляет его таджикскую суть в соответствии с природой.

Поэма «Вечный свет» не только отображает личность Айни, но также в его лице охватывает процесс духовного становления таджикской нации.

Поэт, описывая людей как часть природы, ясно отражает своеобразные аспекты национального характера и на примере мужчины «женоненавистника». Эта личность поэмы также относится к отрицательной стороне национального характера, что неотделимо от контекста жизни таджиков. Поэт противопоставляет себя мужчине, который стыдится рождения дочери. Изображение лица этого мужчины также представляет его внешний и внутренний облик:

Ба хона аз қафои як тиреза,
 Нигаҳ мекард марде бо ситеза.
 Ба кин мӯи лабашро тоб медод,
 Қасам бар хулку бар одоб медод.
 Кушода чашмро чун шохкоса,

Занаширо таъна мезад он хулоса.
 Ба ман гуфтанд, ӯ аз зан кимоб аст,
 Зи духтар зодани зан дар азоб аст.
 Намехоҳад, ки бинад духтарашро,
 Муборакбод гӯяд духтарашро [14, 22].
 В доме через окно глядя,
 Гнев свой не в состоянии он унять.
 В порыве ненависти губу прикусив,
 Бранился на чем свет стоит.
 И широко раскрыв глаза,
 Жену упрекал он, короче говоря.
 Мне сказали, что женоненавистником он слыл,
 Что дочку опять жена родила, себя он казнил.
 Не хотел дочь свою повидать,
 Слова поздравительные сказать.

Личность поэта, выражающая добрые национальные черты, в поэме противопоставляется мужу - женоненавистнику, нижеследующие строки представляют безупречные человеческие качества поэта:

Ба ҷои ӯ сано гуфтам худи ман,
 Ба ин навзод духтарча, ба ин зан.
 Сано гуфтам ба занҳое, ки имрӯз,
 Ба кори мамлакат ҳастанд дилсӯз.
 Сано гуфтам ба фарзанди ҷигарбанд,
 Ба ҳар як модари дорои фарзанд [14, 23].
 Вместо него женщину я поздравил,
 С рождением той девочки.
 Я славлю всех женщин, что нынче,
 Для страны вкладывают много труда.
 Славлю чадо родное,
 И мать, что имеет дитя.

Мирзо Турсунзаде, сосредоточившись в поэме на судьбе Айни - своеобразии его личности, показывает в контексте социально-политических реалий душевные изменения устода. Внешнее отображение Айни также представляет собой одну из сторон национального взгляда поэта на его человеческую и культурную личность, которая отражает его национальный облик. СобираТЕЛЬНЫЙ духовный образ Айни, подтверждающий его связь с национальной этикой и культурой, обрисован следующим образом:

Ба чашми нурчӯ, марди адабгоҳ,
 Гаҳе Хайём мешуд шуълаи моҳ.
 Зи Саъдӣ гоҳ оташпора мешуд,
 Ба гирди Рӯдакӣ сайёра мешуд.
 Чароғ аз назм, нур аз назм мечӯст,
 Ба ишқи назм мисли сабза меруст [14, 31].
 Глазами, ищущими свет, из тверди словесной,
 Порой становился Хайямом - лучезарной луной.
 От Саади бывало, пламенем пылал,
 Вокруг Рудаки планетой вращался.
 Светоч, свечение в поэзии искал,
 Поэзии любовью как трава прорастал

В поэме описаны также некоторые моменты жизни Айни, отражающие его характер. Мужество, патриотизм, верность интерпретируются самыми важными чертами характера устода. Иногда некоторые описания также указывают на характер устода Айни. В частности, образ света (нур) в поэме, как считает А. Сайфуллаев, не только несет социальную нагрузку, но и выражает черты устода Айни.

Ба наздам пирамарди Шарқ дидам,
 Ба нур онро саропо ғарқ дидам.
 Адиб аз нур давлатманд гашта,
 Ба нур аз ҷону дил пайванд гашта.
 Ҳамеша равшаниро орзу дошт,

Умед аз бахту аз рӯзи накӯ дошт [14, 30].

Старца с Востока я увидел пред собой,

Озаренным светом с головы до ног.

Писатель тот светом щедро одарен,

Всей душой к свету привязан он.

О свете мечтал он всегда,

Надеясь на счастье и благоденствия.

Кроме того, поэт в точных деталях описал также человеческий облик и нравственные черты Айни. В изображении поэта Айни обладает следующими качествами: старец, писатель, мастер своего дела, много повидавший, испытавший горечь и радость жизни, пожилой, исполненный надеждой, идущий по светлому пути, знаменитость среди народов Азии, прислушивающийся к сердечным тайнам народа, знаток и любимец Азии.

Отображаемая среда в поэме закладывает основу двух типов национального характера, один из них *Active chazactez* активный нрав, борющаяся натура, а другой *Passive chazactez* уступающий, подверженный гнету, бездейственный, выразителями которых являются сам поэт, его дитё, мать, няня и устод Айни.

Масштабы национальной идеи и национального характера в творчестве Мирзо Турсунзаде определены устремлением борющегося человека, который обладая *Active chazactez* (активным нравом), соответственно отображает национальные преимущества. Любая несовместимость с данным устремлением признана отвергнутой. Символом активного нрава является лиричная индивидуальность поэзии Турсунзаде, представленная также в лице самого поэта. Такая лиричная индивидуальность выражает характерные особенности национальной идеи и национального характера в художественной концепции поэта. Обладатель национального типа характера *Active chazactez* в произведениях поэта в целом постоянно прикладывает усилия и борется за человеческое величие и величие или стремится преодолеть трудности, которые препятствуют на пути человеческого счастья.

И до тех пор, пока не будет достигнуто намеченное, ни перед чем не остановится. Облик и натура Мамлакаты, Хасана, Кодира («Сын Родины»), лиричная индивидуальность поэмы «Дорогая моя», Айни и т.д. намекают на такое национальное олицетворение.

Таким образом, образы и характеры, созданные Мирзо Турсунзаде, являясь выразителями национальной идеи и национального характера, охватывают традиционные аспекты деятельного и определяемого временем нрава. Описание активного нрава в творческой концепции поэта, преследуя цель подтверждения роли и достойной конструктивной национальной позиции, способствует самосознанию и самопознанию поколений.

Исследование и характеристика вопроса отражения национальных образов и характеров в творчестве Мирзо Турсунзаде будет незавершенной без понимания и оценки индивидуальной и социальной женской личности. Рассуждая об отображении национального образа и характера жены-матери в произведениях Мирзо Турсунзаде, прежде всего, необходимо высказать мнение об интеллектуальных основах познания женского и материнского менталитета, национальной идее поэта. Как отметил Х. Шарифов, поэт в детстве, живя в национальной культурной среде и мире национальной античности, пользуясь плодами этой среды и естественных традиционных и народных культурно-литературных обрядов, осваивался, восхищаясь историческим опытом и воспитанностью своего народа» [164, 325]. В этой связи, национальная идея и художественная мысль поэта, безусловно, формируясь и развиваясь на этой основе, имеет своеобразную особенность при изображении и познании облика, нрава и характера женщины и матери. Наиболее важные ее аспекты были упомянуты выше.

На основании произведений поэта можно констатировать, что в охвате этой тематики Мирзо Турсунзаде сосредоточился на двух критериях художественного образца отображения облика женщины и матери, из которых один является личным, а другой сокровенным, где первый показывает одну сторону женской природы - ее индивидуальный, личный и

реальный облик, нрав и характер, а другой, являясь типичным, отражает общий, исторический, социальный и желанный характер женщины, матери.

Взаимосвязь между этими двумя аспектами женской личности определяет характерную черту национального аспекта наследия Мирзо Турсунзаде, которая также отражает специфические особенности литературы периода жизни поэта. Следовательно, чтобы определить национальный аспект стихов поэта, посвященных женщине и матери, не следует недооценивать установленные временем факторы и традиционное историческое мышление, которым он был охвачен в подростковом возрасте и после. Ибо в данном случае, первой школой художественного вкуса и литературного познания Мирзо Турсунзаде, безусловно, была все та же культурная среда и обрядность национальной жизни его предков. Истина заключается в том, что поэту были присущи своеобразные национальные выучка и воспитание в семье, которые сформировали национальные аспекты данной тематики в его сознании и способствовали их дальнейшему развитию.

Национальный аспект стихов, написанных поэтом на женскую тему, прежде всего, проявляется в манере изображения, создании образа, нравственных качествах, охвате обрядов, обычаев и элементов национальной культуры. В этом контексте нельзя не считаться с культурными, социальными и историческими факторами, усилившими национальный аспект стихов, написанных поэтом на данную тематику.

Женская тематика является одной из самых значимых тем творчества Мирзо Турсунзаде, где, прежде всего, он акцентировал внимание на образе матери. При таком подходе невозможно не отметить влияние убежденческих и социально-политических элементов в его мировоззрении и формировании национального аспекта художественных творений поэта, связанных с образом женщины-матери. Однако, естественное стремление поэта, которое усвершенствовалось на основе элементов национальной культуры, не препятствовало разграничению, признанию национальной самобытности и укреплению национального

аспекта его наследия. Эта здоровая естественная тенденция определяет его мысль относительно признания национальной самобытности женщины-матери. Целеустремленная и проницательная натура поэта при изображении национального аспекта стихов, посвященных данной теме, проявляется там, где им сказано о самом ценном сокровище и источнике жизни - матери. В этих стихах он достигает сути гениальности, естественности и национальной идеи. Отбросив образовавшиеся на этой почве произвольные и неестественные бреши, поэт представляет суть и благородство реального, исторического, культурного и национального облика матери, выражающие глубину и истинные корни его национальных чувства, идеи и устремления.

Первое стихотворение Мирзо Турсунзаде на эту тему называлось «Матерям» (1937) и был опубликован в журнале «За социалистическую литературу». До этого в рассказах «Знамя победы», «Победа» и «Прощание» поэт создал образ таджикских женщин борцов в контексте социально-политической реальности тридцатых годов. Захра, Махбуба и Малика в тех произведениях были типом свободолюбивых и борющихся женщин. Решимость и воля этих женщин, прилагающих усилия в обществе ради своей человеческой позиции, показывает их национальный образ в контексте социальных реалий того времени. Одноименные рассказы «Назокат» и «Хамида» также имели такие особенности.

Однако, стихотворение «Матерям» отображает своеобразный аспект национальной мысли и устремления поэта, что выражает национальную гордость матери той жизненной эпохи. По мнению А. Сайфуллаева, это стихотворение, являясь также формально новым, свидетельствует о творческих поисках поэта [133, 221]. Тем, что придает значимость национальному аспекту данного стихотворения, является применение национальных традиций в воспитании поколений, тем самым оказывается воздействие на духовный облик человека.

Выше мы указывали на два критерия художественного образца отображения образа женщины в произведениях поэта. В пояснении данного вопроса можно добавить, что первым критерием этого образца является описание исторической трагической судьбы женщины-матери в контексте исторической и обыденной реальности тридцатых годов прошлого века, где отражен индивидуальный, личный и реальный облик женщины-матери. Образ матери в «Гиссарской долине», стихотворении «Моя мать» относится к этому образцу поэзии, посвященной поэтом угнетенной матери. В таких стихах поэт создал облик матери в контексте исторического периода, являющегося также культурной эпохой нации. Реальность судьбы таджикской женщины в изображении поэта имеет социальный и национальный аспект. Чувственные и познавательные мотивы, которые имеют национальный источник, сформировали в данном стихотворении нравственный мир сказителя. Отражение всеобщего национального угнетения и его трагическая роль в судьбе женщины определяет созидательное устремление поэта.

Другим критерием образца художественного отображения образа женщины является ее типичный, исторический, социальный и устремленный в будущее облик, что имеет характерные нравственные и национальные мотивы. Если стихи «До свидания, дорогая мать!» и «Согласие матери» были первыми примерами такого рода его творений, то стихотворения «Моя мать» (1966) и «Рука матери» (1967) свидетельствуют о совершенстве опыта поэта в этом направлении.

По мнению Чингиза Айтматова, он не только «во время разговора на одну из своих любимых тем - о женщинах был грациозен» [35, 32], но и в стихах смог отразить изящество и своеобразные национальные нравы и характеры таджикских женщин. В таких стихах поэт, используя культуру, язык, традиции, историю и другие элементы смог усилить национальные аспекты и характерные особенности произведений, посвященных данной

теме. Во многих случаях биографический характер такого рода стихов способствовал реализации художественных замыслов поэта.

Стихотворение «Мать» выражает всеобщую судьбу таджикской матери, точным отображением и представлением изображенных социально-бытовых сцен поэт отражает положение, типичный нрав и характер таджикской матери. В этом и других стихах, посвященных матери, почитание матери интерпретируется высшим этическим критерием, что отражает национальную особенность художественной идеи автора. В стихотворении описан прекрасный облик и стройный стан горянки-матери, идущей к родникам за водой с кувшином на голове, эта сцена является проявлением совершенной искренности дитя к матери.

На этой почве поэт не только конкретно описал социальное положение жизни таджикской матери, но и при помощи поэтических эпитетов, зрелых интерпретаций создал национальный облик своей героини. В лице этой женщины, мы видим нрав и характер, преисполненный национальным колоритом.

Национальная специфика и основа описания в таких стихах поэта, являясь весьма интенсивной, раскрывает характерный аспект национальности изображения, которой также присуща творческая индивидуальность. Вместе с тем, неотразим национальный аспект стихов Мирзо Турсунзаде, посвященных матери, которые коренным образом отличаются от аналогичных стихов других поэтов. Это отличие, прежде всего, выражено в национальных исторических и культурных предпосылках, а также в раскрытии нравов и характеров героинь поэта, в том числе матерей.

Высказывая мнение относительно стихов таджикских поэтов, посвященных матери, Алиасгар Шердуст не признавал исторические корни широко распространённого подхода поэтов к данному вопросу, с мнением которого невозможно согласиться [167, 92]. Значительный акцент поэтов на этой теме происходил не только под влиянием распространения гуманизма и устоев, ориентированных на человека, но был также требованием

исторических реалий и национальных стремлений. Социальные условия исторической и культурной судьбы матери с самого начала сделали такого рода стихи таджикских поэтов элегичными, одним из первых и лучших их образцов является стихотворение «Сердце матери» Мирзо Турсунзаде.

Это стихотворение, имея национальную основу, включает глубокие культурные аспекты, сформировавшие эмоции и мысли поэта о матери. Поэт создал в этом стихотворении образ матери, чья судьба неотделима от истории нации. Поэт высказывает от имени матери, испытанные ею бремя и страдания, что в некоторой степени выражает национальную гордость поэта относительно сохранения женской самобытности. Стихи, характеризующие безупречные человеческие чувства, присущие таджикской матери, являются беспрецедентными в таджикской поэзии.

Агар аз гиря кардан об мешуд дил, дили ман буд,
Ба сели ашк мешуд ғарқ манзил, манзили ман буд.
Агар осон намеғардид мушкил, мушкили ман буд,
Ба зери мавҷи дарё монда соҳил, соҳили ман буд.

Агарчи мурдани фарзандро дар ҷанг дидам ман,
Агарчи борҳо бегонаи дилтанг дидам ман.
Ба умеде, ки бинам чоҳканҳоро ба зери чоҳ,
Намурдам, гарчи бо чашми аҷал ҳар ранг дидам ман [13, 282].
Если от плача растаяло б сердце, то было б оно сердцем моим,
Когда в слезах утонуло б жилье, то жильем оно было б моим.
Если помеха была б неодолимой, то препятствием было б моим,
Когда морская волна за хлынула б берег, то берегом он был моим.

Хотя я видела, как сын умер на войне,
Хотя я видела часто незнакомца в унынии.
В надежде увидеть в яме вырвавших ее другим,
Выжила, хотя смотрела смерти в глаза

В отображение образа и характера женщины-матери поэт в данном стихотворении также использует два критерия художественного изображения: один индивидуальный, другой распространенный. А. Сайфуллоев на основе анализа этого стихотворения справедливо отмечает, что в нем Мирзо Турсунзаде «описывает два типа матери: первый милосердная и страдающая женщина-мать, ставшая жертвой феодального гнета, другой мать советского периода - борющаяся и милосердная женщина, занимаемая в обществе высокое положение. Этот образ борющейся женщины, обладающей высокой сознательностью, достигшей совершенства в новых исторических условиях, тратит всю свою силу на благо Родины» [133, 233].

В произведениях Мирзо Турсунзаде образ таджикской матери характеризуется величием, успехами, выдержкой, природной прелестью и духовным богатством.

В стихотворении «Моя мать» индивидуальный и типичный образ матери проиллюстрирован с совершенным мастерством. Поэт выразил «свои впечатления по отношению к своей матери, которой лишился в детские годы. Однако, изображение обрело такую общность, что читатель в лице матери поэта явно наблюдает оказавшихся в затруднении, малоимущих таджикских матерей в начале прошлого века» [84, 48]. Хуршеда Отахонова считает данное стихотворение заслуживающим внимания потому, что в нем «и портрет матери, и ее тягостная жизнь, и исполнение сыновьего долга отображены весьма искренне, со свежим колоритом» [122, 9].

Как отмечает А. Кучаров, стихотворение «Моя мать», не состоит из одних впечатлений [84, 27], а является поэтическим выражением горестных чувств сиротской жизни лирического героя (самого поэта), что имеет биографический характер и выражает своеобразное национальное видение образа матери поэтом. Подчеркивание красочными средствами потери поэтом своей матери в детском возрасте и даже забвение им ее облика, что особенно заметно в редифе первой части - дар ёд нест (не вспоминается),

кроме того отбор качеств матери пробуждает чувства, будоражащие сердце. Облик матери запомнили река и горы, хлопковые коробочки и няня, и только сын не помнит. Все предметы, помнящие мать, начинают молвить, и от их рассказа перед глазами видится жизнь матери. Климатический и местный колорит, географические особенности и элементы природы, а также оживление памяти в идеальном взаимном соотношении сыграли действенную роль в формировании образа матери, ее нрава, характера и человеческой судьбы.

Тифл мондам аз ту модар, рӯи ту дар ёд нест,
 Қомати ту, чашми ту, абрӯи ту дар ёд нест.
 Дар суроғат мезанам худро ба ҳар як кӯю дар,
 Чунки то имрӯз, модар, кӯи ту дар ёд нест [124, 277].
 Дитем лишился тебя, о, мать, не помню лица твоего,
 Стан твой, глаза, не помню даже бровей.
 Разыскивая тебя, мечусь по переулкам
 Ибо до сих пор не вспомню переулок твой.

Советская политика, начиная со второго десятилетия двадцатого века, изменила положение женщины в обществе. Современные жизненные проблемы женщин и их общественные устои, столкновение традиций с реальностью на основе познания женского облика относились к социальным и культурно-литературным проблемам. В данном контексте время изменяло представление о женщине и ее общественном положении. Социально-политическое положение вынуждало женщин выходить из дома и принимать активное участие в политической и экономической жизни.

В советской политике относительно женского вопроса считалось необходимым равенство между женщинами и мужчинами в экономическом плане, на этой почве равными оценивались также их социальные права. Бесспорно, в тот период для проведения такой политики литература была основным средством, игравшим значимую роль при рассмотрении семейных и женских вопросов, а также в разрезе призывов к свободе и равенству.

Такую же функцию выполняли и первые стихи Мирзо Турсунзаде. В этот период, по мнению А. Сайфуллоева, «свободные женщины были источником вдохновения поэта» [133, 235].

В исследованиях, проведенных до настоящего времени, успехи Мирзо Турсунзаде были признаны в контексте темы «восславления женщин и непринужденной любви». На наш взгляд, данная тема требует, чтобы мы больше концентрировались на вопросах изображения поэтом женского образа и характера. При таком подходе мы учитывали оба критериев художественного образца изображения поэтом женского образ, т.е. ее индивидуального и типичного облика, нрава и характера, что определяет творческую концепцию поэта в постижении женского образа и характера.

В начале первого этапа творчества Мирзо Турсунзаде реалиями эпохи было установлено обязательность близкого к фотографическому изображению образа женщины, её нрава и характера, и в данном случае поэт не мог не подчиниться велению времени. Героинями стихов поэта данного периода были «задорная красавица без паранджи» (из стихотворения «Возлюбленной»), ученая (в стихотворении «Изображая портрет»), рабочая и колхозница (в стихотворении «Ее родинка»), инженер (в стихотворении «Цветку таджикского сада»), отображавшие социальное положение таджикских женщин в период великих преобразований. Женщина является равноправной с мужчиной личностью периода обновлений Таджикистана. Поэт на фоне реалий нового мира в новом свете видит облик таджикской женщины перемены в ее нраве и характере. С его позиции таджикская женщина теперь не только имеет красивый стан и прекрасную внешность, но ее ум, знания и богатая нравственность также определяют и укрепляют ее духовную судьбу и место в обществе.

Поэт написал много стихов в честь женщины, её свободы, возлюбленной и жены на общественном фоне, в которых устойчивая роль образа и характера таджикской женщины видна в каждой строке.

Его взгляд относительно женщины, ее роли и места в обществе отчетливо описаны в следующих строках:

Зан агар оташ намешуд, хом мемондем мо,
 Норасида бодаи дар чом мемондем мо.
 Если б не пламенный женский пыл, не поспели бы мы,
 Недозревшим вином в кувшине остались бы мы.

Взгляд поэта на личность женщины, на ее типичный образ имеет традиционные устои, в любом случае соблюдается святость ее человеческого бытия. Национальная идея и традиционное семейное воспитание позволили поэту на основании признания национального женского облика перейти за пределы национальных моральных устоев. Следовательно, с какой позиции бы он не говорил о женщине, относится к ней и ее человеческой судьбе как к святыне исторического и культурного бытия нации.

В одном из первых своих стихотворений «Танцовщице», посвященном женщине, поэт с величайшей чуткостью отображает истинный и искусный облик таджикской женщины, что имеет своеобразный национальный колорит. В стихотворении описывается путь танцовщицы к искусству, и поэт с изысканным мастерством демонстрирует перед взором читателя национальный облик искусной танцовщицы.

Изображение внешнего облика танцовщицы с такими атрибутами, как «кудри на лице твоём», «вокруг снопища цветов» и «гиацинтовый сад» являются и привлекательными, и национальными. В некоторых двустишиях поэту также удастся создать моральный облик, нрав и характер своей героини, которые выходят за пределы реалий жизни таджикского народа. Нижеследующее двустишие выражает гордость автора стихотворения за личность героини своего произведения, которая имеет также исключительно национальный аспект:

Ман ин фазлу камолатро ба олам мунташир созам,
 Аз он гар духтари Эрон шавад бедор, мезебад [124, 240].
 Я разнесу по миру это достоинство и совершенство твоё,

И если этим девушку иранскую пробужу, того оно стоит.

Такая манера изложения особенно заметна также в стихах «Возлюбленной», «Идет смеясь», «Изображая портрет», «Цветку таджикского сада», «Ее родинка» и т.д., что выражает национальную черту художественного видения поэта. Образ женщины в стихах Мирзо Турсунзаде не только внешне, но и внутренне имеет национальную окраску. По признанию Аълохона Афсахзода, «выразительность речи, изящество поступи, изысканность мысли, прелесть деяний, целомудрие и чистота» [40, 76] в произведениях поэта сохранили национальное своеобразие отображения женского образа.

Во многих стихах, посвященных женщине, поэт, прежде всего, восхваляет добрые черты таджикской женщины. Женская личность в его стихах наделена славными человеческими качествами, тактичностью, искренностью и верностью. В поэзии Турсунзаде она представлена выносливой и сдержанной, преданной и самоотверженной, милосердной и нежной, прямолинейной и предусмотрительной. Она также верна и стойка в любви. В стихотворениях «Если бы был я соседом твоим» (1947), «Таджикской девушке» (1948), «Следы в лесу» (1961), «Близка звезда» (1965), «Стук каблучков» (1963), «Твоими глазами» (1967), «Пыль дорог» (1967), «Вспоминаются юные годы» (1972), «Наш дом не так далек» (1947), «Моя звезда» (1952), «Жаль, не был я тобой испытан» представлен внешний и внутренний облик таджикской женщины.

Изображение образа женщины в произведениях поэта имеет национальную и жизненную основу. Отражая извилистый жизненный путь таджикской женщины со всеми ее невзгодами и удачами, поэт в контексте времени отражает нравственную сущность ее судьбы.

В цикле стихов «Твоими глазами» читатель сталкивается лицом к лицу с внешним и внутренним обликом лирических героев - влюблённой пары произведений поэта. Они - два новых типа литературных личностей, которых взрастила новая эпоха и новые социальные условия. Их жизненным кредо

является верность друг другу и Родине, укрепившаяся на почве национальных обычаев. Влюблённой паре (мужчине и женщине) в стихах поэта присущи национальный облик и национальный характер, но они сведущи и чутки к судьбе народов мира. Этим представлен новый элемент жизни и человеческого устремления личностей произведений поэта, взятый из реальной жизни и судьбы нации.

Как справедливо заметил по этому поводу А. Сайфуллоев «для ясного и конкретного изображения героя Мирзо Турсунзаде использовал дополняющие элементы образа в соответствии с его нравом, характером и национальной спецификой» [133, 248]. Затем исследователь указывает на эпитеты, выражающие национальный облик таджикской девушки. Безусловно, своеобразные изображения поэта подтверждают адресованность в стихотворения «Возлюбленной» и многих других стихов поэта таджикской девушке. Стихотворение «Стук каблучков» также отражает облик таджикской девушки. Национальный колорит изображения поэта в этом стихотворении определяется традиционными элементами культуры - сорок косичек, атласное платье и красные щеки:

Ту чи сон зебо шудӣ, озод қад афрохтӣ,
Чил кокул бофта бар тахтапушт андохтӣ.
Куртаи атлас ба ранги рӯ мувофиқ сохтӣ,
Хуб ман санҷидаму тасдиқ кардам, ки тӯӣ [124, 281].
Ты так стала прекрасной, стройный вытянулся твой стан,
Сорок сплетённых косичек висят у тебя на спине.
Цвет атласного платья сливается с багрецом на лице,
Взвесив толком, я понял, что это ты.

В этом стихотворении образ таджикской девушки является специфичным и запоминающимся. Кроме того, поэт показал совершенное мастерство в отражении изменений, произошедших в нраве этой девушки, что является частью эволюции судьбы нации, в частности женщин и матерей. Такого рода стихотворения Мирзо Турсунзаде является лучшим примером,

фиксирующим национальную мораль, в том числе женский нрав и характер. Женщина в описании и трактовке поэта является спутником жизни, хранительницей семейного очага и активной созидательницей общества. Таким видится новое лицо женщины, которая имела активное присутствие в реальной жизни и поэзии поэта. В данном случае интересны стихотворения «Песня любви» и «Пусть всегда будет женщина». В обоих стихах поэт воздает должное положению женщин, создавая образ современной женщины.

Стихотворение «Песня любви», является своего рода ответом, на следующее двустишие Хафиза Ширази:

Агар он турки Шерозӣ ба даст орад дили моро,
Ба холи ҳиндуяш бахшам Самарқанду Бухоро.
Если та турчанка из Ширази покорит наши сердца,
За ее индийскую родинку подарю Самарканд и Бухару

Художественные образы этого прекрасного двустишия не только стали источником поэтического вдохновения Мирзо Турсунзаде, но также продиктовали художественную поэтическую форму и широту национальной мысли поэта. Духовная трактовка двустишия Хафиза способствовала выявлению национального облика личности, которой является женщина.

Романтический образ «индийской родинки», что является конкретным признаком «возлюбленной» Хафиза, в стихотворении Мирзо Турсунзаде обрел свежие внешний вид и внутренние качества. На основе логического сравнения этих двух образов поэт смог обнаружить различие между «таджикской милой» и «ширазской красавицей». В контексте культурной и исторической эпохи поэт отдаёт предпочтение «таджикской девушке». Следовательно, дар и щедрость имеют социальное содержание и ценность. Поднесение двух континентов таджикской девушке - возлюбленной - поэта выступает также как подтверждение роли и места таджикской девушки в обществе. Алиасгар Шердуст считает обретение данным стихотворением возвышенного и философского характера «одним из преимуществ произведений последних лет Турсунзаде» [141, 14].

При восприятии художественной концепции «Самарканда и Бухары» в двустии Хафиза Мирзо Турсунзаде одновременно представляет оккупационную политику Тамерлана. Следовательно, «поднесению» («Материков Азии и Африки») поэта своей возлюбленной по сравнению с дарением Хафиза присуща более яркая социальная мысль. Его лирический герой, разорвав цепь угнетения оккупантов, «словно солнце», гордо поднялся из-за «облака». Однако, «милая» нашего поэта и «красавица из Шираза» отличаются «как небо и земля»:

Чашми он тарсад шуои баркро,
 Рӯи ин равшан намояд Шаркро [13, 309].
 Глаз той страшится луча солнца,
 Лицо этой озаряет Восток.

В этом стихотворении поэт посредством поэтических атрибутов, которые имеют своеобразный национальный колорит, создает облик таджикской девушки и отражает ее обусловливаемый временем нрав и характер:

Ёри мо арзандаи дунё шудааст,
 Буд зебо, боз ҳам зебо шудааст.
 Як назар кун, рӯй бину мӯй бин,
 Гӯш кун, маънии гуфтугӯй бин.
 Нозанин гӯй агар, гул мекунад,
 Бӯса деҳ гӯй, таҳаммул мекунад [13, 308].
 Достойна наша милая мироздания,
 Была красива, стала краше.
 Взгляни, как прекрасны лик и волосы,
 Послушай, какие умные говорит слова.
 Красавицей если назовешь, расцветает,
 Будешь если ласковым с ней, скромность проявляет.

Женское бытие нового типа стала «поэмой таджикского поэта», а поэма эта заложила основу нового облика, излюбленного нрава и характера,

что присуще Мирзо Турсунзаде. Создание нового образа женщины, которая, по словам А. Сайфуллаева, «устремлена к возрождению Таджикистана» [113, 252], имея своеобразную национальную окраску, выражает социальную судьбу таджикских женщин и девушек двадцатого столетия.

Образу женщины в поэме Мирзо Турсунзаде присуще особое место, национальный аспект которого определяется нравом и характером героини. В его первой поэме «Солнце страны» изображен образ «молодой таджички Мамлакат». Личность, описываемая в поэме, является реальной, ее судьба отображает судьбы десятков женщин и девушек. Новая система, даровав свободу, определила их жизненный путь. Самым значимым, что является особенно заметным в создании данной поэмы, является поиск поэтом близости к реальной жизни и судьбе таджиков. «Красочное убранство» героини поэмы, с позиции поэта является символом «свободных женщин». Их имена, изображение климатических и местных условностей отображают художественную идею и национальное видение поэта в познании человеческих судеб и реалий жизни того времени.

Героиня поэмы «Осень и весна» (1937), являясь также реальной, упоминается в поэме «Солнце страны». В этой поэме также выдвинут вопрос свободы женщин и их привлечения к общественно-политической жизни страны. Рано в данном произведении является олицетворением угнетенной таджикской девушки и жертвой проявления несправедливости прошлого, а Угулой - типичным образом свободных и преуспевающих женщин. С охватом национально-исторических имен, социальных, местных и географических деталей, поэма обрела национальную окраску. Кроме того, манера изложения, эпический жанр, способ изображения и язык художественного произведения определяют национальную форму поэмы.

Другой поэмой поэта, в которой описывается женский образ, нрав и характер, является «Сын Родины». Саодат со своим обликом и чертами характера является прообразом свободных женщин, верных и стойких в любви. Для художественного олицетворения образа Саодат, используя

повествовательный метод, поэт создал национальную почву изображения. Усилия Саодат в тылу (Мы были с тобой во всех боях, Тебе подпевали, к победе стремясь), такие ее черты, как твердость и верность укрепили национальную форму поэмы.

Поэма «Хасан арабакеш» посвящена возвеличиванию самобытности и конкретного человеческого менталитета, в том числе женского. Социальное и культурное прошлое этой женщины описано в исключительно национальном ключе. Характер, язык, внешний и внутренний мир Садаф обрисовывают содержание национальной формы поэмы. Словесный спор Садаф и Хасана отображает характер Садаф, который имеет реальную и психологическую почву:

Рехт аз тор-тори мӯи Садаф
Дона-дона арақ ба ду рухсор.
Гуфт: эй марди беҳабар аз худ,
Ба гапам гӯш дор, шав хушёр!

Чанд сол ин тараф ба ёди ту,
Хонапо духтари калон будам.
Сӯзанидӯз, бахязан дар рӯз,
Шом дар гирди ошдон будам [13, 71].
У Садаф на щеки по прядам волос
Потёк капля за каплею пот.
Она сказала: О, невежда,
Послушай, мои слова, и опомнись!
Несколько лет тебя ожидая,
Я была домоседкой взрослой.
Шила сюзани и строчила днями,
А вечерами занималась варкой.

В этом диалоге поэт до некоторой степени отображает грубость Садаф для защиты своей жизненной программы - учебы. Но когда Хасан выходит, разочаровавшись от слов Садаф, опять же Садаф сочувствует ему:

Аз кафои Ҳасан Садаф аммо,
 Чун шароре ҷахида берун шуд.
 Хост, ки боз гӯядаш чизе,
 Нафасаш лек дар гулӯ ғун шуд [13, 72].
 Но за Хасаном Садаф,
 была готова кинуться искрою.
 Хотела крикнуть что-то вслед,
 Но у неё захватило дыхание.

Поэт выявляет психологическое состояние Садаф, показывает национальную основу ее характера. «Сострадание... в сердце Садаф» является естественным, поэт тем самым сохраняет надежду, что она все же проявит склонность последовать за Хасаном.

Изображение картины собирания подруг Садаф «вокруг богатого стола Садаф», их беседы, содержания мнимого письма, осыпания намеками и т.д. - все это отображает портрет, таджикский нрав и характер личностных черт этой женщины. Поэт, изображая первые дни деятельности Садаф в селе, отображает в своей поэме преобразования в жизни таджикских женщин и девушек в двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия, что берет свое начало из жизненных реалий судьбы таджикской нации.

С первых дней своей учительской деятельности Садаф изображена как добросовестный человек, пекущийся о своей профессии и самоотверженно преданный обществу, что отражает самобытность таджиков.

Рӯзи аввал Садаф намедонист,
 Ки чӣ сон дарсро шуруъ кунад.
 Аз паси кӯҳи илм чун хуршед,
 Ба сари дех чӣ сон тулуъ кунад.
 Дехаро мисли панҷ ангушташ,

Садаф акнун намуда буд аз худ.
 Ҳеҷ камбудие ба чашми ӯ,
 Ноаён, ношинос монда набуд.
 Ба ягон хона медаромад агар,
 Садафи дӯстрӯи чингиламӯй,
 Мешуданд аз камоли хурсандӣ
 Ҳама дар пеши ӯ хикоятгӯй [13, 97-98].
 В первый день Садаф не знала,
 Как будет ее урок начинаться.
 Словно солнце из-за горы наук,
 Как ей над селением подниматься.
 Но вникнув, словно свои пять пальцев,
 Вслед за тем Садаф изучила село.
 Никакой изъян в ее глазах,
 Не оставался незамеченным, чуждым.
 Когда курчавая, с добрым лицом,
 Она входила в какой-либо дом,
 Приход ее был праздником, и все
 Рассказчиками делались кругом.

В поэмах «Голос Азии» (1955), «Святая девушка» (1955), «Вечный свет» (1957) и «Дорогая моя» (1960) рассматривается образ и характер женщин нового типа, которые несмотря на то, что имели судьбу, неотделимую от исторического и культурного контекста жизни таджиков, для национальной литературы были открытием Мирзо Турсунзаде.

Если в поэме «Святая девушка» внимание автора притягивает человеческая судьба представительницы другой национальности – свободолюбивой индийской женщины, то в поэме «Дорогая моя» поэт показывает таджикскую женщину как движущую силу социально-политической жизни страны. В данной поэме «не отображен совершенный образ женщины, поэт больше твердит об общих вопросах жизни женщин и

их общественного положения. Изображая ее в качестве неотделимого члена общества, более того, как источник бесконечной жизни, поэт воспевает участие женщины в государственных и общественных делах как проявление их свободы и независимости» [133, 307]. В отображении и раскрытии характера женщины, являющейся и хранительницей семейного очага, и надежным сподвижником гуманных устремлений, поэт опирается на ее человеческую и эмоциональную силу, что указывает на национальную самобытность женщины таджички. Измеряя достоинство женщины таджички этим критерием, поэт пишет:

Дар диёри мо шуд одам арҷманд,
 Шуд сари хамгаштаи занҳо баланд.
 Ҳеҷ коре нест бе зан, хуб шуд,
 Ифтихоре нест бе зан, хуб шуд.
 Хуб шуд, ки зан ба давлат ёр шуд,
 Мамлакат аз дасти зан гулзор шуд [13, 10].
 На нашей земле стал почитаем человек,
 Подняли женщины поникшую голову.
 Не одно дело не движется без женщины,
 Гордостью стала женщина в обществе.
 Приобщилась она к делам государства,
 Страна, благодаря её труду, стала цветником.

Красочность изображения образа женщины в поэме является совершенно национальной, где отображение моментов, отражающих общественный статус женщины, происходит в контексте новых реалий жизни таджикской женщины, что представляется ее характерную роль и видное место в современном национальном обществе. Хотя в данном контексте наблюдаются изменения в характере таджикской женщины, но в изображении поэта сохраняются их устойчивые национальные и этические постулаты. Изображение судьбоносных социально-политических событий стали средством для воплощения образа и раскрытия натуры и характера

современной таджикской женщины, которые неотделимы от традиционных корней.

Воспевание человеческого менталитета и истинного лица женщины-матери было принципиальным творческим замыслом Мирзо Турсунзаде с самого начала его деятельности до последних дней его жизни. Данный вопрос, определив главное содержание его произведений свидетельствует о его высоком поэтическом статусе и человеческой позиции. Благодаря его поэзии в умах наших людей закоренился тип матери - женщины, которая была хранителем унаследованного огня любви, искренности и независимости чья личность формируется и развивается в процессе исторических и культурных событий. Образ Садаф, представляющий всеобщую судьбу таджикских женщин, «вместе с Мирзо Турсунзаде» (Лоик) становится незыблемым столпом духовного и физического процветания таджикской земли.

Таким образом, Мирзо Турсунзаде, создавая национальные образы и характеры, в своих произведениях отобразил типичные и индивидуальные особенности таджикской нации, сформировавшиеся и эволюционирующие в течение веков, тем самым показывая национальный менталитет таджиков в зеркале временных реалий. Герои произведений поэта, хотя и были привержены человеческим идеалам советской эпохи, однако сохраняли свой национальный облик, характер и менталитет.

Мирзо Турсунзаде уделял внимание изображению интернациональных образов, чего требовала идеология того периода, особое значение придавал также их обликам и характерам. Созданным поэтом образам и характерам свойственны исторический и традиционный дух, преемственные представления и черты, веяния нового времени. С этой точки зрения, натура и характер типических персонажей произведений поэта, формировались на основе истинных традиционных представлений таджиков, а та их часть, которая претерпела изменений, является продуктом социальных условий периода жизни поэта.

Герои произведений поэта, в том числе Мамлакат, Угулой, Хасан, Садаф, Кодир, Саодат и др. обладают национальным обликом и характером, национальная основа, мораль и культура в их натуре и характере незыблемы. Созданные поэтом образы и персонажи своими поступками и характерами воплощают человеческий и национальный менталитет таджиков, что и составляет рациональное зерно и ценность художественных творений поэта.

ГЛАВА III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВИДЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

Исследование национального своеобразия художественной формы в таджикской поэзии, в частности в случае с творчеством Мирзо Турсунзаде, являясь значимым, представляет некоторые сложности. К сожалению, на этот вопрос должным образом не уделялось внимание. В то время как художественная форма не только является отражением лица индивидуального мастерства творца, но также во многом определяет его традиционную и национальную связь с той или иной литературой. В связи с этим, форма не является всего лишь «внешним видом чего-либо, предмета» (М.М. Бахтин), «художественно – творящая форма оформляет, прежде всего, человека, а мир - лишь как мир человека, или непосредственно его очеловечивая, оживляя, или приводя в столь непосредственную ценностную связь с человеком, что он теряет рядом с ним свою ценностную самостоятельность, становится только моментом ценности человеческой жизни. Вследствие этого отношение формы к содержанию в единстве эстетического объекта носит своеобразный персональный характер, а эстетический объект является некоторым своеобразным осуществлённым событием действия и взаимодействия творца и содержания» [46, 89].

Вхождение «творца в объект изображения, в человеческую судьбу» (М. М. Бахтин) никогда не может быть отделено от своей национальной почвы. Другими словами, индивидуальность автора, сохранив национальные элементы в художественной форме, способствует их эволюции. Этого требует также естественное состояние развития литературы, вместе с тем «в каждой национальной литературе, независимо от уровня ее развития, могут быть своеобразия, сохраняющие ценность соответствующих достижений. Такое достоинство характерно современной литературе и ее историческому развитию» [82, 152]. Собственно, эта «ценность преходящих достижений» свойственна формальным элементам таджикской литературы в рамках штрихов художественного творчества, где привилегию нашей литературы во

многих отношениях, с древних времен до наших дней определяет ее прелесть. Основные формообразующие элементы нашей литературы, в том числе язык, риторика, стихотворные жанры, ритмика и рифмовка, образ и характер, стиль и другое, перебирая художественный и национальный облик таджикско-персидской литературы, определяют его художественную ценность. Характерная национальная позиция Мирзо Турсунзаде по этому вопросу определена в его выступлении во время обсуждения новой таджикской поэзии на декаде литературы, 1 октября 1949 года в Москве, где он отметил: «Когда мы говорим о современной форме нашей поэзии, не следует оправдываться только ритмикой, формой стихотворения. Современная таджикская поэзия создается на основе стихотворной системы аруз, прежде говорили, что она заимствована у арабских поэтов. Но Айни доказывает, что использование аруза присуще таджикским поэтам и эту форму открыли таджики» [109, 103]. Данная речь Мирзо Турсунзаде указывает на то, что метрику персидско-таджикской поэзии Айни считал самой мелодичной метрикой мировой поэзии, в частности изобретение некоторых метрических размеров относил к таджикам, а утверждение Турсунзаде является также возвращением к представлению национального аспекта проблемы.

В литературных дискуссиях высказывались разные мнения о характере литературных форм и своеобразии их формирования и эволюции. З. А. Ишмухаметова в статье «Категории содержания и национальной формы духовной культуры», ставя различие между категориями «художественная форма» и «национальная форма», в частности отметила: «Во-первых, художественная форма интернациональна, а национальная форма в искусстве не относится к художественной форме. Художественная форма есть общая форма всех национальных искусств, и она может бытовать и совершенствоваться пока есть общество, в данном случае национальная форма в искусстве связана с существованием нации и национальными

различиями, в результате смешивания национальностей и национальных языков в будущем вымрет.

Во-вторых, категория национальной формы в искусстве, в отличие от категории художественной формы, кроме национальной специфики образных и выразительных средств, включает национальную жизнь, национальный характер, воплощаемый в искусстве» [78, 219].

Литературовед Г. Ломидзе придерживается такого мнения, что «в искусстве не существуют две формы - общей и национальной, отделенных линией границы. Национальная форма, образуясь и развиваясь, охватывает общий и национальный стереотип. Они неотделимы друг от друга, имеют единую связь. Эта новая форма, свободно и сообразно отражающая новое содержание жизни наших людей» [91, 215]. Этот ученый несамосознательно прибегает к отрицанию самобытности национальной формы, что возникло под влиянием популярной в советское время теории единства литератур.

Поистине, понятия «художественная форма» и «национальная форма» не отрицают друг друга, а в совокупности несут характерные национальные особенности той или иной литературы. На примере творчества Мирзо Турсунзаде можно сказать, что форма его художественных произведений выражает их художественные и национальные особенности, которые сочетаясь с различными элементами, представляют также художественные и национальные ценности произведений поэта.

Вопрос отношения Мирзо Турсунзаде к традициям нашей прошлой литературы «беспристрастно и объективно» (Х. Шодикулов) [176] исследован и оценен в кандидатской диссертации Ш. Махмадшоева. По этому поводу в разные периоды также написаны отдельные статьи, в числе которых можно упомянуть работы Расула Хадизаде «Творческий подход Мирзо Турсунзаде к классической поэзии», Субхона Амиркулова «Высокая вершина простой поэзии», Р. Мусулмонкулова «Поэтика стихов о В. И. Ленине». Ученые, которые провели исследование на этой основе, главным

образом акцентировали внимание на процессе влияния традиции предшествующей литературы на творчество поэта.

Безусловно, вопрос о национальной форме в творчестве Мирзо Турсунзаде неотделим от проблемы преемственности, имеющей конкретные теоретические и практические грани, к сожалению, не оцененные в нашем литературоведении. Не совсем заметны также теоретический и практический опыт исследования в данной области. В данном подходе лишь статья И. С. Брагинского «О национальном и интернациональном в творчестве С. Айни» охватывает некоторые теоретические и практические вопросы «моментов национального в художественной форме творчества Айни», в которой очевидно влияние вульгарного социологизма.

Внешний вид и внутренние качества поэзии Мирзо Турсунзаде при охвате формальных штрихов, состоящих из языка, поэтических образов, рода и вида, манеры изъяснения и пышности речи, образа и характера, стиля, структуры стиха, портретизма и пейзажизма, ритмики и рифмовки, представляют национальные художественные характерные черты его поэзии. Хотя художественная тенденция его поэзии подвергалась изменениям под влиянием политических реалий того времени и в процессе жизни, а также вследствие того, что поэт «значительно акцентировал внимание на идейном содержании своих произведений, в результате чего снижается их художественный уровень» [176, 132], но в целом, устои художественного мышления и художественной формы его произведений, являясь национальными, определяют характерные национальные черты его творчества.

Из идейных склонностей Мирзо Турсунзаде выясняется, что в первые годы своей творческой деятельности он находился под влиянием теории противников эстетических ценностей национальной формы и их незыблемости. Как отметил Ш. Махмадшоев, позиция Мирзо Турсунзаде относительно преемственности, столкнулась в те годы с моральным кризисом, что даже классическую литературу он счел фактором «большой

беды» для некоторых литераторов [176, 27]. Однако, это мнение поэта постепенно меняется, и не считая газель присущей лишь эпохе Рудаки и Хафиза, он рассматривает ее использование в зависимости от мастерства поэта. Тем не менее, в данном случае, он всегда был сторонником творческого подхода к национальной форме.

Слова Мирзо Турсунзаде, где он говорит: «читая стихи, написанные Лоиком общепринятым способом, я очень радуюсь, напеваю их строки» [18, 150] объясняют его художественные и национальные убеждения относительно «общепринятого способа», то есть традиционных таджикских стихов, что подчеркивает их национальную структуру.

И форма, и многие особенности изображения в поэзии Мирзо Турсунзаде «непосредственно связаны с национальной жизненной почвой, вырастают из них» [91, 137]. Понятие национальной формы никогда не сковывало поэта в узком этнографическом диапазоне. Слагал ли он стихи в традиционных формах - газель, тарджебанд или маснави, либо в новом стиле, прежде всего, его внимание концентрировалось на мысли - что и как сказать [19]. Вместе с тем, вдохнув в национальную форму новую жизнь, он способствовал ее «следованию эпохе».

По мнению Шафеи Кадкани, определения, данные европейскими критиками литературным видам, не применимы к поэзии на языке дари, «поскольку стихотворение, представленное эпическим, внезапно, в соответствии с тем же европейским определением может быть принятым за лирическое» [79, 377]. Подобное мы наблюдаем также в поэзии Турсунзаде. Следовательно, подобно тому, как предшественники чаще слагали стихотворения исходя из канона шаблона и формы, с той же позиции мы рассматриваем и поэзию Мирзо Турсунзаде, где более очевидна национальная особенность ее формы.

Мирзо Турсунзаде с самого начала своей деятельности до последних дней жизни, писал стихи во многих формах национальной поэзии. В его произведениях особое место занимают поэма-месневи, газель, мусаммат,

мухаммас, таркиббанд, рубай и четверостишие. Ш. Махмадшоев в своём исследовании насчитал 66 поэм-месневи поэта, он также упомянул о жанровых особенностях и отличиях данной формы от месневи в классической поэзии. В нижеследующем обзоре рассмотрен вопрос о национальных характерных чертах, данной поэтической формы в творчестве поэта.

Шафеи Кадкани, признав поэму-месневи «типичной иранской формой» [79, 381], наиболее важной ее особенностью считает ее вместительный объем. Сирус Шамисо также, назвав ее «одной из характерных персидских форм» [163, 310], подтвердил ее незначительное развитие в арабской литературе [163, 310].

Применив важные особенности классической поэмы-месневи, заключающиеся в широте духовной арены, и более широких возможностях для раскрытия мысли и воображения по сравнению с другими поэтическими видами, Мирзо Турсунзаде подверг её объем изменению. То есть часть поэм-маснави поэта не имеют того большого объема, присущего такому виду классической поэзии. Если менее вместительные поэмы-маснави в литературе прошлого использовались для изложения дидактических и этических вопросов, то Мирзо Турсунзаде также счел их подходящими для выражения своих социальных взглядов, зачастую имеющих образовательный и просветительский характер. Примером таких поэм-маснави является «Индийская баллада», напоминающая стиль дидактических поэм-маснави прошлого. Национальная форма данного произведения определяется характерными особенностями жанра и манерой изображения, которые мы рассмотрим ниже в данном разделе.

Некоторые объемные поэмы, в частности «Сын Родины», «Дорогая моя», «Вечный свет», «От Ганга до Кремля» и др. Мирзо Турсунзаде создал в форме поэм-маснави, в которых полностью использованы возможности этого жанра. Объем поэмы-месневи и возможность расширения мысли и воображения в написанных поэтом в данном жанре произведениях весьма

велики. О национальном характере этой поэтической формы со слов арабского критика Зиёуддина Ибналасира, приведенных в книге «Алмасоил ассоир», Шафеи Кадкани отмечает следующее: «каждый раз, когда поэт желает привести в своем стихотворении множество действий, содержащих разрозненные смыслы, он вынужден удлинить свою речь и сочинить двести, триста или более двестишый, где, естественно, удаются, не все эти двестишый даже большая их часть. Когда же удаются некоторые из двестишый, то большая их часть становится незначительной и неприемлемой, но когда их объем достигает десяти листов и больше, то он сочиняет так, что сочинив более трехсот или четырехсот и пятьсот строк, во всех этих сочинениях он успешен и красноречив. Данное обстоятельство является несомненным постольку, поскольку мы убедились в этом воочию. Следовательно, мы заключили, что иранцы в данном случае превосходят арабов. Поскольку книги их поэтов, от начала до конца, составлены в стихах, в которых излагаются поэмы и исторические факты. Наряду с этим, их национальному языку присуща высшая степень плавности, стройности и красноречия. Например, Фирдоуси выказал это в сочинении знаменитой книги «Шахнаме». Данная книга содержит шестьдесят тысяч бейтов, а также повествует об иранской истории и является Кораном этой нации. Все маститые учёные Ирана солидарны в том, что на их языке не создано чего-либо. красноречивее книги «Шахнаме», подобного которой на арабском языке нельзя найти. При всей распространенности, свойственной этому языку, всеми его ответвлениями, персидский язык по сравнению с арабским, словно капля в море» [79, 361].

В данной заметке арабский ученый, справедливо указывая на национальную суть данного литературного жанра, упоминает две древние формы, в которых Мирзо Турсунзаде писал стихи. Поэмы-месневи «Пусть всегда будет женщина», «Воспитанник Родины счастья», «Крошки хлеба», «Клятва» и др. включают специфику дидактического и назидательного типа поэмы-месневи. Некоторые свои эпические и лирические поэмы Мирзо

Турсунзаде сочинил во второй форме - вместительного месневи. В данном поэтическом типе стихотворная система, являясь элементом, формирующим самобытность, принята согласно идее и вымыслу поэта. Наиболее распространенными размерами аруза в обоих типах месневи поэта являются размеры: хазадж, рамал мусамман махзуф и максур, хафиф и другие. Мирзо Турсунзаде также характерна своеобразная манера в создании лирического типа месневи, примерами которого являются месневи «Чаманистан», («Цветник»), «Таджикским горам», «Путь к мавзолею» и т.д.

Другим жанром, демонстрирующим характерную черту художественной идеи, национальную форму и оригинальность поэзии Мирзо Турсунзаде, является газель. Мирзо Турсунзаде является поэтом новой эпохи, который после Лахути и Айни в своих газелях поднимал социально-политические вопросы. В сочинении газели поэт, следуя традиционному стилю, сохранял особую персидско-таджикскую специфику данного жанра, уходящую корнями в национальную культуру. Доктор Сирус Шамисо считает «содержание глубоких индивидуальных чувств и достоинств» [138, 307] газели особой национальной чертой. Это особенность наблюдается и в газелях Мирзо Турсунзаде. В таджикской поэзии Турсунзаде, применяя сонетные элементы газели усовершенствовал ее политическую, социальную, моральную и т.п. тематику, что также отражает специфический характер его мастерства в этом контексте. Поэт создал свои газели в популярных размерах аруза таджикско-персидской поэзии, в частности: рамал мусамман махфуз, иногда максур; рамал мусаддас махзуф или максур; хазадж и т.д., которые гармонируют со звуковым строем таджикского языка больше, чем любые другие размеры.

После месневи популярной формой, использованной Мирзо Турсунзаде, является чакхорпора (четверостишие, четырехстопные стихи), которую исследователи называли также мурабба или дубайти. Хотя некоторые исследователи утверждают, что этот стихотворный тип возник под влиянием нового стиха, но ее форма, ритмика и рифмовка имеют национальную почву.

Национальной основой данной поэтической формы, по мнению Сируса Шамисо, является «общее содержание и разобщенность рифмы» [138, 328]. До Мирзо Турсунзаде чакхорпора сочиняли устод Айни, Пайрав, Лахути, Ахмаджон Хамди и Мунзим.

Стихам чакхорпора Мирзо Турсунзаде присуще характерное сходство с классическими стереотипами, которые по нашему мнению, имеют близкое сходство с месневи и касыдой. Особенно ощутимо сходство чакхорпора Турсунзаде с месневи. В своих чакхорпора Мирзо Турсунзаде также как в месневи, часто использовал двойные рифмы (а а а а, б б б б).

Важная специфика жанра чакхорпора у Мирзо Турсунзаде заключается в том, что она является мостом между нашей древней национальной поэзией и новой или нимаиской поэзией. Несмотря на то, что Турсунзаде был приверженцем классической поэзии и не воспринимал даже малейших изменений в древнем поэтическом шаблоне, искренне и добросовестно принял чакхорпора и даже создал в этой форме одну из своих объемных поэм «Хасан арбакеш». По нашему мнению, другим фактором обращения поэта к этой форме является соразмерность стихотворных строк, что было важным для Турсунзаде. Кроме того, языковая почва данной формы была новой и свежей. Она требовала свежую трактовку, новое пространство и тональность. По этим причинам большинство своих стихов, имевших характерный национальный аспект, поэт написал в данной форме. В данном контексте также можно упомянуть стихотворения «Высокое гнездо», «Моя мать», «Сердце матери», «Женщина», «Женщина - хранитель огня», «Если бы был я соседом твоим», «Этого достаточно» и др.

Вместе с тем, Мирзо Турсунзаде также мастерски использовал другое преимущество данной стихотворной формы, т.е. ее пригодность для повествовательной поэзии. В чакхорпора Мирзо Турсунзаде также как в месневи мы часто видим параллельное изображение, которое образует содержательных картин в подобного рода стихах поэта.

Несмотря на незначительное количество, такие стихотворные формы, как мусаммат мухаммас, таркиббанд, рубаи и дубайти, в творчестве поэта, в них также выражена национальная самобытность, присущая этим поэтическим формам. Особенно мусаммат мухаммас поэта полностью сохранил свою классическую форму в рифмовке.

По выражению Реза Барахани, «Поэт стоит на земле, а затем свидетельствует о существовании вещей. Если он не видит свое время, то предаёт историю, а когда не ведает о своём пространстве и окружение, не судит о прошлом и не придает значения настоящему и будущему, то он совершает предательство» [42, 9].

Мирзо Турсунзаде относится к небольшому числу поэтов, которые наблюдая за своим временем, с величайшей проницательностью и учтивостью смогли отобразить своё мерило, пространство и культурно-историческую среду. В его изобразительном мастерстве, которое выражает национальную форму его поэзии, проявляется характерные черты его художественной идеи, уходящие корнями в историю и культуру нации.

В связи с этим важную роль в определении национальной формы поэзии Мирзо Турсунзаде играют национальные формальные элементы, метод изображения, язык, лексические и грамматические особенности поэзии, средства изображения, национальные культурные признаки, природные, географические особенности и др.

Шафеи Кадкани считает одной из особенностей национальной сути изображения в классической поэзии «утверждение поэтического стиля и влияние поэтов Маверуннахра и Бухары на поэзию других регионов» [79, 217], что является своего рода подчеркиванием формообразующих элементов поэзии и весомой ссылкой на национальное своеобразие ее формы. В связи с этим Шафеи Кадкани добавляет: «подобно тому, как язык, а также лексические и грамматические особенности их поэзии господствовали и властвовали над поэтами других регионов, элементы их воображения, и интеллектуальные картины, оседлав скакуна словесности и выразительности,

покорили города мысли и воображения поэтов других земель. Таким образом, азербайджанский или индийский поэт принятием языка поэзии поэтов Мавераннахра, главную часть элементов своего воображения черпали также из того, что было в поэзии принимаемых ими поэтов. Эта та позиция, которой было уделено меньше внимания, т.е. влияние литературного центра Саманидов на другие области сосредоточия поэзии на языке дари было не только с точки зрения языка, под тенью воздействия языка могло происходить более или менее навязывание своего регионального и местного поэтического колорита поэтам других краев» [79, 395].

На основе данного справедливого мнения Шафеи Кадкани если мы обратим внимание на национальную особенность поэзии Мирзо Турсунзаде, то увидим, что в национальной структуре его поэзии региональный и местный колорит, отражающий национальную форму поэзии, также является значимым элементом.

Лирические и романтические средства отображения в некоторых стихах поэта и поэмах «Сын Родины», «Вечный свет» являются явными признаками данной изобразительной тенденции в творчестве Мирзо Турсунзаде. В поэме «Сын Родины» при использовании таких художественных средств, как ташбех (сравнение) и ташхис (олицетворение) романтическая картина, описываемая в контексте местного традиционного колорита, придает поэме больше национальной красочности. Этот принцип изображения преобладает также в поэме «Вечный свет», где и жанровая специфика месневи, и другие формообразующие средства, включая язык, ритмику, естественные местные краски, придали произведению национальную форму. Эта особенность поэмы усилилась через способ выражения идеи произведения посредством портрета Айни, что также означает дань почтения извечной национальной мудрости.

Основная идея обеих поэм посредством использования исторической памяти и опоры на национальный жизненный контекст, основанных на изображении литературно-исторических и легендарных прототипов, таких

как Айни, Фарход и Хосров, Кова и Заххок и др., обрела характерную национальную и общечеловеческую ценность. Обстоятельность изображения, коррекция и отражение национальных мифологических красок (на примере Ковы в поэме «Сын Родины»), бытовая культура и общение (на примере отношений Кодира и Саодат и т.д.) играют важную роль в формировании национального начала произведений поэта.

Наряду с этим, с точки зрения обращения к культурному наследию, историческим и современным национальным образам поэзия Мирзо Турсунзаде также имеет конкретную таджикскую окраску, определяющую национальную форму его произведений. В этом отношении поэт оживляет образы исторических личностей и некоторые забытые мифологические легенды, придавая им национальный и обусловленный временем колорит.

Мардуми тоҷик, ту дар ҳар замон,
Ибрати мардон будию фотеҳон.
Номаи таърихи дурахшони ту,
Пурзафар аст аз шарафу шони ту.
Лашкари Искандари овозадор,
Гашта буд аз зарбаи ту бемадор [13, 148].
Во все времена, о, таджикский народ,
Ты был примером мужества и победы.
Летопись твоей яркой истории
Полна победами, честью и славой твоей.
Александра знаменитого войско
Твоим натиском было измождено.

Кроме того, поэт в этой поэме обильно использует элементы национальной культуры, обрядов и обычаев, что также отражает национальную форму его произведений. Наставления отца Кодира является обычаем воспитания поколений, который мастерски использован поэтом для формирования характера Кодира. Нравственный и профессиональный облик устода Айни не является лишь признаком его статуса в сознании поэта и

читателя, напротив, это символ национального обычая, который в плане почитания учителя учеником имеет тысячелетнюю давность этической обрядности нашего народа.

В трактовке национальной формы произведений Мирзо Турсунзаде мы не должны устанавливать этнографические ограничения мерилom анализа и определения сущности вопроса. Поэт, прежде всего, писал о своей Родине - Таджикистане, в его стихах блещут реки и родники, живая природа края. Каждая его строка является адресной и свидетельствует о её направленности таджикам. Но это вовсе не означает, что поэт включил в свои стихи лишь наименование предметов и событий. Наряду с описанием характерных Таджикистану пейзажей, Мирзо Турсунзаде умело использовал предметы и события, национальные образы, а также новшества в жизни соотечественников как отражение национальной формы своих произведений. Творцы нового в жизни таджиков всегда активно присутствуют в его стихах и поэмах. Только вещи, предметы и их внешний вид подтверждают и подчеркивают картины национальной жизни, а также своеобразный нрав и характер личностей его произведений. В этом контексте изображение в его поэзии, имея национальные основу и колорит, является свежим и новым с точки зрения содержания. Например, в этой связи в одном из своих статей он отметил: «Некоторые предполагают, что газель была присуща эпохе Рудаки и Хафиза, а содержание нашей современной жизни якобы не вмещается в рамки данной устаревшей формы классической поэзии» [19]. Поэт не был против национальной формы, в том числе газели, а хотел и требовал того же у своих соратников, чтобы они писали стихи по велению времени и писали на живом языке. Он не был единомышленником защитников старого порядка, а придерживался такого мнения, что они забыли одно обстоятельство, заключавшееся в том, что современный поэт не одинаков с поэтом тысячелетней давности. К тому же, кроме индивидуальных своеобразий между ними существует тысячелетний путь. Солнце и другие предметы жизни те же самые, что было раньше. Однако, это то солнце,

которое светит ему, и этот мужчина не тот. Этот мужчина или поэт не может видеть солнце теми же глазами, какими видел его Рудаки.

Мирзо Турсунзаде в национальные поэтические жанры включил то, что до определенной степени отличало его поэзию от творчества его современников и предшественников. Поэт не претендовал на превосходство и равенство своих стихов, но нет сомнения в том, что его стихи имеют другую окраску и если даже не брать во внимание восхитительность ритмики и рифмовки, то, что останется кроме них, будут поэтическим словом, которого можно назвать поэзией, которого он не заимствовал у других, а создал своими собственным талантом и мастерством. Изображение социальных содержаний в формах классической поэзии, выражение мысли отточенными и отборными словами ещё больше укрепляют национальную форму его поэзии в контексте реалий жизни таджикского народа, и предоставляют поэту возможность говорить языком жизни, показать состояние и чаяния народа.

Бесспорная истина заключается в том, что «ничто не является естественным для человека, кроме любви к родимой отчизне и среды, знакомой ему с детства. Молодой художник видит вокруг себя обычную и неблагоприятную жизнь, и его мысль пробуждается под влиянием условий окружающей среды. Из детских воспоминаний, юношеских романтических впечатлений он плетет сети из золотых и серебряных нитей: ведь ничто не может быть для нас ценным и родным как собственная память» [152, 185].

Одно из первых лирических стихов, которое Мирзо Турсунзаде написал в контексте реалий эпохи, называется «Возлюбленной» и создано оно в форме мусаммат мухаммас. Это стихотворение, написанное в 1938 году, состоит из пяти пятистрочных строф, в нём поэт изобразил внутренний и внешний облик своего лирического героя весьма изысканно. Это стихотворение интересно не только присутствием в нём включением специфических национальных атрибутов и занимательных предметов, но и изображением, являющимся своеобразным отображением национальной

формы. Манера обращения и тон речи также являются выразителями национальной формы стихотворения, взгляд на реальность, язык и поэтические эпитеты усиливают эту особенность. Более того, внутренний мир и внешний облик лирического героя – «прекрасной стройной девушки», которой идет «атласное платье», определяет национальную форму стихотворения. Индивидуальное душевное состояние лирического героя стихотворении, также имея национально-нравственную почву, опирается на определяемые временем реалии поэзии. Поэтические выражения «нозанини кадрас» («стройная красавица»), «либоси атлас» («атласное платье»), «рӯи лоларанг» («лицом багряный тюльпан») и т.д. во взаимосвязи с выражениями «дилбари шӯхи бефаранчӣ» («озорная кокетка без фаранджи»), «чононаи офтобпартав» («лучезарная красавица»), «рафику пайрав» («друг и последователь») являются выразителями конкретной культурной эпохи, свежей художественной идеи и национальной формы мусаммата мухаммаса. Это стихотворение также свободно от рамок сюжета и традиционных изобразительных средств, присущих жанру мусаммат. Поэт, переосмыслив традиционную тему и образ лирического героя, представленного женщиной, придал им новое содержание и тональность. В этом заключается также один из факторов того, что данный стих до сегодняшнего дня сохранил свою популярность как песня. Пленительная ритмика (- - v / v - - - / v - -) и рифмовка также являются фактором долговечности стиха и сохранения ею своей подлинной национальной формы

Эй духтари нозанини кадрас,
 Зебанда туро либоси атлас.
 Чононаи ман фақат туй бас,
 Чашмак зада ман ба сӯи ҳар кас.
 Доим зи паят қадам гузорам [13, 235].
 О, прекрасная стройная девушка,
 Как к лицу тебе атласное платье.
 Лишь ты любимая моя,

Даже если другой подмигну,
Все равно за тобою иду

В целом, стихотворение состоит из пяти пятистрочных строф, где характерное благоволение поэта, выражающее дух лирического героя и лирического индивида, заметно конкретизирует национальную форму стиха.

Газель «Идет смеясь» является также особой национальной формой жанра в контексте реальности культурно-исторической эпохи, которая своими свежими изображениями обстоятельств эпохи, а также духа лирического героя, становится изысканной и запоминающейся.

Для Мирзо Турсунзаде отображение жизни народа и пейзажей родины является естественным и приметным явлением. Однако, поэту «каждое растение, птица в целом представляется живой картиной, и даже дороги и путешествия достойны того, чтобы о них был написан пейзажный роман» [91, 185]. Стихотворение «Изображая портрет», написанное в 1940 году, подтверждает данное мнение. «Подлинность реального впечатления» [91, 142] превратила традиционные образы данного стихотворения в «проводника» высоких человеческих чувств [91, 142], что демонстрирует умение поэта ставить традиционное на службу нового.

Форма стиха также является мусамматом мухаммасом, в котором содержится немало традиционных поэтических образов. В данном стихотворении, являющемся любовным, «традиционные аналогии, подчиненные глубоким выразительным чувствам поэта, не являются особо заметными» [91, 143]. Если в упомянутом стихе даже и замечается такое обстоятельство, но «традиционные аналогии» не разрушают основу поэтического образа и содержание сюжета. Напротив, они пополняют друг друга, сочетаются с другими поэтическими образами.

Поэт с совершенным мастерством, с помощью традиционных поэтических образов, что является продуктом национального мышления, смог придать свежую окраску новой реальности судьбы своего лирического героя. В данном случае национальная почва изображения увеличивает

эмоциональную струю стихотворения, о чем свидетельствует нижеследующий пример:

Эй санам, акси туро бисёр зебо мекашам,
 Нусхаи хуснат зи рӯи барги гулҳо мекашам.
 Ранги рӯят дида, лаъл аз санги хоро мекашам,
 Зеби дандонат садаф аз зери дарё мекашам,
 Қомататро мисли сарви боғоро мекашам [13, 238].
 О, мой кумир, всю прелесть твою нарисую,
 Силуэт красы твоей с листьев цветов срисую.
 Цвет лица увидев твоего, рубин из гранита извлеку,
 Прелесть жемчуга зубов твоих со дна морского срисую,
 Стан твой словно кипарис, красующийся в саду, нарисую.

В этом и многих других своих стихотворениях Мирзо Турсунзаде, не следуя национальной схеме, на основе реальности и под влиянием «стиля эпохи» (Д. Лихачёв) укрепил устои национальной формы своих произведений. Литературовед Г. Ломидзе также, наблюдая за этой спецификой произведений поэта на примере поэмы «Хасан арбакеш», подчеркивает, что «национальное начало не принимается традиционно, смешавшись с жизнью и его стремлениями, служащими для выполнения функции реальных черт и их подтверждения» [91, 146]. Следовательно, в определении национальной формы поэзии Мирзо Турсунзаде мы не имеем права принимать во внимание только «собственные» факторы и аспекты. В этом контексте нам необходимо учитывать богатство лирического изображения, структуру образов (как поэтических, так и личностных), тональность, ритмику, рифмовку, редиф, а также процесс преемственности из мировой литературы.

На основании приведенных выше примеров можно добавить, что поэтический жанр в полном соответствии изображению и некоторым его особенностям играют особую роль в определении национальной формы поэзии Мирзо Турсунзаде. «Региональный и местный колорит», который

Шафеи Кадкани наблюдал в структуре поэзии поэтов Мавераннахра и Бухары, не связан только с традицией и стилем творения. Он относится также к отличительным особенностям национальной формы, что с самого начала формирования, отличало персидско-таджикскую поэзию от поэзии других стран. Наряду с этим, национальную форму стиха не определяют только его тип и общая структура. Следовательно, важную роль при определении национальной формы поэзии играют другие штрихи художественного творчества, в частности язык, лексические и грамматические особенности стиха, художественные средства изображения, признаки культуры природно-климатические особенности.

С точки зрения языка поэзия Мирзо Турсунзаде имеет характерный таджикский колорит, что является исходным элементом национальности формы его произведений. Мерилом позиции поэта в этой связи являются следующие его слова: «Писатель должен быть мастером художественного слова. Ему необходимо использовать словарный запас своего народа так искусно, чтобы читатель все больше и больше восхищался чтением его произведений. Язык создает народ, и автор должен показать народу всю мощь и красоту этого языка» [20, 109].

Кроме того, связь между языком и национальной самобытностью непосредственно относится к вопросам национальной формы произведений поэта. В этом контексте таджикский язык для поэта или писателя представляется не только средством изложения, он также является главным столпом и фактором, образующим национальную самобытность, которая должна свидетельствовать об историческом и культурном бытии этой нации. Турсунзаде практически применяет язык, относясь к нему как к первоначальному средству сохранения и укрепления национальной самобытности и территориальной целостности огромной земли наших предков. Таким образом, на практике и в поэтическом мышлении Мирзо Турсунзаде язык является переплетением социальной и национальной самобытности, что в совокупности определяет национальную форму его

произведений. Кроме того, таджикский язык, являясь продолжением таджикской самобытности в творчестве поэта, выражает и сохраняет культуру, формирующую историческое бытие нации.

Его страсть к национальному языку четко выражена им следующими словами: «В нашей жизни, в народной среде мы слышим самые красивые примеры поэтической речи, которые как по содержанию, так и манере выражения являются сильной, яркой, блистательной и многозначительной» [21, 25]. Эта интеллектуальная тенденция, несомненно, является одним из факторов заурядности, выразительности и притягательности его поэзии. Это говорит о том, что главный признак неизменности национальной формы поэт видит в языке и считает национальный язык источником любого продвижения в творчестве поэтов и писателей. Поэт, опираясь на народный и книжный язык, через свои стихи доказывает незыблемость языка как выразителя национального мышления. Язык его поэзии, выражая мировоззрение, стремления, деяния, поступки, манеру изложения и сближение с индивидами и событиями социально-культурной сферы, является также своего рода социальной коллизией.

Когда мы представляем перед взором общую картину языка как национальную форму его наследия, мы видим, что каждое слово, каждая трактовка, имея не только стилевую цель, отражает также состояние индивидов нации, их чувства, помыслы и нравственность. В данном направлении некоторыми учеными было также проведено исследования, посвященные особенностям поэтического стиля поэта. В частности, в этой связи можно упомянуть статью Р. Гаффарова «Фактор выразительности и народности языка» [64] и работу А. Абдукодирова «Язык и стиль поэзии Мирзо Турсунзаде» [25], в которых представлено весомые мысли о роли языка в обосновании национальной формы произведений поэта.

В своих стихах и поэмах поэт использует слова, отражающие состояние личностей его произведений, исходящие из контекста жизни нации. Слова используются в силу обстоятельств, демонстрирующих нрав и характерные

черты личностей произведения, часто также показывают их сословную позицию. Особенно в поэме «Хасан арбакеш» и либретто «Восстание Восе» слова отражают характер личностей и их социальную позицию. Например, в либретто «Восстание Восе» поэт устами крупного землевладельца приводит слова «пойлуч» («босый»), «бадзот» («выродок»), «гўшнапурзўр» («голодранец»), «кўрнамак» («неблагодарный») и др., которые вытекают из контекста реальной жизни народа и выражают одну из сторон трагической духовной жизни индивидов нации.

В поэме «Хасан арбакеш» для отображения своеобразного нрава и национального характера Хасана поэт мастерски и обильно использовал языковые средства. Язык в данном процессе формирует не только характер героя поэмы, но и его национальное мышление. В этом контексте полная осведомленность о лексическом фонде языка способствует достижению поэтом творческой цели и обеспечению индивидуальности образа Хасана как национальной личности. Например, словесные перепалки Хасана с «перекупщиком муки», Садаф и другими арбакешами, поэт представил весьма экспрессивными и многозначительными именно благодаря мастерскому использованию им лексического запаса народной речи познакомил читателя с моральной средой общения представителей разных сословий общества того времени:

Сафарамро мапурс, агар гўям,

То сахар намешавад охир:

Дуксиёхию нобарориҳо

Ҳама аз қисматанд, аз тақдир [125, 86].

Не спрашивай о пути, коль рассказывать начну,

И до утра завершит не смогу:

Неудача или попадание в беду

Все зависит от участи и от судьбы.

Поэт описывает социальную позицию своего героя со слов народа, что имеет корни в контексте национальных реалий.

Раззак Гаффаров, наблюдая за взаимосвязью языка и национального мышления посредством использования объяснений из поэмы «Хасан арбакеш», в частности отметил: «Поэт со всей напряженностью показывая их (арбакешов – М.Э) доверительный разговор вокруг костра как в реальной жизни, в этой связи избрал фразеологические выражения самым лучшим средством естественного изображения индивидуальной речи. Арбакеши в силу своей профессии и культурного уровня чаще применяли разговорную группу, иногда даже грубый и неприличный тип народных фразеологизмов. Как представители народа они весьма гонко реагируют на замечания и упорство друг друга, и для подтверждения претензий используют распространённые и бытующие в народе изречения. В результате ряд народных фразеологических словосочетаний, собравшись в месте, полностью выявляет природу такого социального класса, как арбакеши» [54, 110-111]. В этом случае язык выявляет признаки отдельного ответвления национальной культуры, что является также национальной формой произведения. Языковед А. Абдукодиров в своей работе «Язык и стиль поэзии Мирзо Турсунзаде», исследовав эту особенность языка произведений поэта, показывает роль языка в формировании и эволюции художественного мышления и национального видения поэта [29].

Реалии эпохи и интерес к культурно-историческому бытию нации изменили взгляд поэта на способ изображения. Его отношение к стихотворным жанрам (газель, месневи...), тематике стихотворений (любовь, женщина, мать, политическая поэзия и т.д.) и основным элементам поэтики (ритмика, рифмовка, редиф и художественные фигуры) также определяет формальную и стилистическую особенность его новоисканий в художественном творчестве и манере изложения.

Между тем, стиль сочинения представляет собой и индивидуальный облик поэта, и специфику национальной формы его поэзии. Как было указано, Мирзо Турсунзаде с начала своей творческой деятельности зависел от стержневых критериев стихотворной формы традиционной поэзии.

Впоследствии, под влиянием условий, господствующих над культурно-исторической эпохой, резко изменилось его литературное видение и отношение к традициям прошлого. Суть таких его исканий точно определяется также формированием и развитием «стиля эпохи» (Д. Лихечёв). Реальность такова, что «когда мы говорим о «стиле эпохи», в первую очередь должны осознать его внутренний и внешний смысл, представляющий также концепт художественного стиля. Литературный стиль не только выражает манеру художественной речи, но также изображает реальность, что представляет собой отображение человека, раскрытие его внутреннего и внешнего состояния, деяний, а также образ отношения к событиям общественной среды и отражение их в литературе» [87, 33]. Если с данной позиции взглянуть на формообразующие и стилеобразующие факторы, в поэзии Мирзо Турсунзаде, в первую очередь, следует учитывать социальные и культурные устои, охватывающие также историческую память, тему и географическую среду. В этом ряду нельзя исключать также психологический фактор. В данном случае, главный, основополагающий и действенный элемент, конкретизирующий и национальную форму, и манеру изложения поэта, является форма выражения, тесно связанная с реалиями культурно-исторического контекста. Данная культурно-историческая эпоха является следствием периода, сформировавшего художественное мышление поэта и национальную форму его произведений. Следовательно, когда речь идет о стиле поэта, составляющей части национальной формы его поэзии, не могут быть проигнорированы ее национальные и культурные устои. Художественное мышление Мирзо Турсунзаде и национальная форма его поэзии возникли на основе богатых традиций предшествующей литературы. Следовательно, формирование и эволюция манеры изложения Мирзо Турсунзаде связаны с объективными и субъективными факторами, включая старые и новые формообразующие элементы. В этом процессе не является исключением также духовное воздействие прошлого и художественного сознания других народов. Поскольку, по мнению Я. Е. Эльсберга «стиль

служит тем же пониманию и восприятию мира, что вдохновляет литературу» [174, 35]. С этой позиции форма произведений Мирзо Турсунзаде имеет национальную почву.

При выявлении одного из формальных элементов поэзии - метрики Мирзо Турсунзаде примечательным представляется мнение Джалалуддина Хумаи о том, что иранцы не заимствовали метрическую систему аруза у арабов, аруз является совершенствованной формой слоговой (силлабической) системы. А. Тахирджанов, развивая эту теорию, добавляет, что «поэзия, танец, музыка - направления художественной деятельности всех народов, следовательно, считать поэзию заимствованной одним народом у другого является не правильным. Аруз это музыка поэзии, следовательно, он существовал в иранской поэзии с незапамятных времен, а не перенят у арабского или других народов» [147, 205]. Другое мнение Хумаи по этому поводу, заключается в том, что основой стихотворного размера рубайи он считает мелодией аромин или авроминон, что также подтверждает и подчеркивает характерный стиль художественного мышления и национальную форму нашей поэзии и литературы, частью которой является литературная деятельность Турсунзаде.

Таким образом, относительно национальных устоев художественной формы произведений Мирзо Турсунзаде большое значение имеют упоминание следующих моментов: во-первых, в возникновении, формировании и эволюции национальной формы произведений поэта действенным оказываются факторы нрава и характера, этнической натуры автора; во-вторых значимой в данном процессе является роль социальных и культурных факторов, в частности, языка; в-третьих, тематика, цели, знания, осведомленность и занятие поэзией также в этом плане являются конструктивными факторами и, наконец, идейные цели этих произведений, которые являются устремлениями сообразно исторической эпохе и национальной потребности, не могли не повлиять на стиль художественного мышления и структуру его произведений.

В этом процессе Мирзо Турсунзаде достойное внимание уделял одному из самых важных элементов национальной формы таджикской поэзии - изображению и изобразительности.

Когда мы обращаем внимание на стихи поэта с позиции традиционной эстетики, то видим, что самым важным элементом изображения в его поэзии является ташбех (сравнение), который будучи характерной особенностью нашего национального сознания, популярен также в хорасанском стиле, требованием которого была простая и непринуждённая речь. В этом контексте первым элементом, направляющим нас к сознанию национальной формы и традиционного стиля поэзии поэта, опять же является использование простой, чистой и искренней речи. Поэт пытался сохранять коренное и национальное своеобразие своего языка изложения. Если провести обзор поэзии Мирзо Турсунзаде, с данной позиции то можно заметить, что в его поэзии отсутствует малосодержательная и непривлекательная речь. Поэт осмотрителен даже в использовании арабских заимствований. Использование простой, чистой и искренней речи в поэзии, исходя из его почитания слова и учёта им духовную потребность народа, достигло предела красноречия и определяет национальную форму его поэзии. В нижеследующем примере процитирован отрывок одного из первых стихов поэта «Весна» (1937):

Парда бикшод баҳор аз рухи зебоманзар,
 Баст сармои зимистон зи Ватан рахти сафар.
 Назар афтод маро сӯйи гулу лолаи боғ,
 Ҳама ороста дидам, ҳамаро тозаву тар.
 Қадкашӣ дораду сарсабз шуда сарви чаман,
 Ба мисоли писару духтари озода башар.
 Бӯи хуш медамаду боди сабо меорад,
 Ба машоми ман аз он накхати ҷонбахш хабар.
 Булбули маст ба шохи гули бишкуфтаи боғ,
 Месарояд зи дили шод ба хангоми сахар... [124, 27].
 Сняла весна вуаль с живописного лика,

Зимние морозы из Родной земли снарядились в путь.
 Гляжу я на садовые розы и тюльпаны,
 Вижу всех в красе, чистоте и свежести.
 Вытянув стан, на лугу засвежели кипарисы,
 Словно безупречная молодая пара.
 Нежно веет благоухание и дует зефир,
 Неся ко мне свой животворящий аромат.
 Над расцветшею розой сада хмельной соловей
 Радостно ликуя, поет утренней зарей ...

Важным обстоятельством, определяющим национальную особенность стихотворения, несомненно, является его простая эстетическая структура. Применение простых, чистых и искренних эстетических элементов оживили художественное содержание стихотворения. Язык в составе эстетической структуры данного стихотворения, являясь конструктивным элементом, не утрачивает национальный колорит художественного сознания своего носителя.

Русский ученый А. Н. Веселовский в своей книге «Три главы исторической поэтики» отметил, что «поэзии как музыке и живописи присущ характерный язык, со своеобразной лексикой, не как проза, с массой символики и аллегории, со сложными словами, оживляющими воздействие чего-либо.» [60, 348]. Ученый пытается раскрыть происхождение характерных черт данного языка. В этой связи он отмечает: «Представьте себе, что где-то, в определенном месте, не совсем большая группа людей поют простую песню со своеобразной мелодией и ритмом, тем самым воссоздается форма, которую мы называем стихотворным стилем. Такое явление произойдет и будет повторяться с различными компонентами языка. Ожидается смешивание песни с бытовыми элементами и средствами, выражающими их. Между ними будет происходить отбор по содержанию и стилю, отчетливая и экспрессивная форма будет преобладать над другими элементами. Таким образом, на первом этапе впоследствии из разных

образов песен и языковых компонентов образуется то, что в смысле стихотворного стиля мы можем назвать Койне (т.е. народный язык)» [60, 357-358].

Другой русский ученый В.В. Кожин при трактовке данного мнения А.Н. Веселовского добавляет, что «необходимо четко осознать, что здесь речь идет не о простом языке: понятие язык поэзии однозначен с понятиями язык музыки, язык танца, язык орнамента и т.д.» [80, 248].

При рассмотрении эстетической сущности поэзии Мирзо Турсунзаде с точки зрения стиля, мы замечаем, что с первых своих творческих шагов его художественным достижением являются: национальный колорит языка поэзии, метрическая и мелодичная система, рифмовка и редиф, характерная структура поэтической лексики, стиль конструирования фраз и т.д., что коренится в национальной литературе и культуре. Эту связь укрепляют содержание и идея, образы и национальный замысел, поэтичность и другие художественные особенности.

В.В. Кожин подчеркивает, что «национальный поэтический язык существует и развивается как язык музыки, танца, орнамента, живописи, архитектуры, театра, и т.д. Любой поэтический язык имеет глубокий разнообразный колорит. Кроме того, он строится на основе общих закономерностей. Таким образом, в каждом поэтическом языке мы находим характерную ритмическую и звуковую структуру: характерную систему поэтической лексики, близость средств изображения (сравнение, метафора, эпитет и т.д.), а также синтаксическое конструирование (инверсия - перемещение слов, эллипсисы - выпадение каких-либо членов предложения и т.д.)» [80, 249]. Следовательно, национальная форма поэзии, в том числе поэзии Турсунзаде, определяется применением простой, чистой и искренней речи и стройного изложения целенаправленным использованием деталей и художественных фигур, способов и методов, выбором тематики и содержания, художественных и стилистических средств.

Изображение в поэзии Турсунзаде вначале направлено на объяснение и подчеркивание, комментарий и пояснение значения что является своеобразием художественного мышления и национального видения поэта. Другой целью изображения в стихах поэта является отточка и украшение мысли, которые в совокупности определяют национальную форму стихов поэта. Мирзо Турсунзаде чаще применяет изображение для украшения мысли, что также является типичным признаком национальной сути формы его поэзии. Мирзо Турсунзаде в контекст традиционной эстетики добавляет то обстоятельство, что он считает изображение внешнего сходства сравниваемого объекта для нового времени общим явлением и средством для создания реального состояния вещей. К тому же Д. С. Лихачев определил, что «Сравнение новой эпохи (XIX-XX вв.), основываясь на многогранном впечатлении, привлекает внимание к значимым деталям и второстепенным признакам. Будто, выявив их, дарит читателям «радость их познания» и радость непосредственного их лицезрения» [88, 49]. Как известно, распространённые в классической литературе сравнения, главным образом, рассматривают внутреннюю сущность сравниваемых объектов согласно предпочтению. Поэзия Турсунзаде включила в себя эти два вида опыта, соединив национальную традицию с нововведениями поэта.

Для практического объяснения сравнения новой эпохи можно обратиться к стихотворению поэта «На книжном базаре». В нём изображается, как современный поэт несмотря на то, что является «красноречивым поэтом», «солидарным и гармонирующим со временем», удивлен и обеспокоен застоём на спрос своей поэзии и тем, что до сих пор Пушкин и Хайям пользуются популярностью и свежим воодушевлением. Идея данного стиха, прежде всего, подтверждает истинность двух граней художественного творения. Во-первых, отображена вечность наследия исполненных величием фигур прошлого, и его благотворное влияние на духовную жизнь людей. Во-вторых, подчеркнута связь современной поэзии с предшествующей, т.е. необходимость продвижения к высокой современной

поэзии посредством следования по пути великих предшественников. Аналогичное сравнение внешне скрывает художественные пороки этого стихотворения, но его повествовательная ценность остается незыблемой, и поистине дарит читателю «радость познания» и «непосредственное лицезрение», где идея сохранения национальной самобытности художественного мастерства относится к одной из его граней.

Опыт Мирзо Турсунзаде на пути сохранения и совершенствования национальной формы поэзии в новейшей таджикской литературе является беспрецедентным. Особенно в сороковые годы, т.е. с момента публикации книги «Образцы таджикской литературы» (в составлении и издании данной книги своим участием приложил усилие также сам поэт) изменилось его отношение к национальному литературно-культурному наследию.

Мирзо Турсунзаде, представив неприятное положение таджикской поэзии тридцатых годов, пришел к выводу, что «механический разлом строк стихотворения нашей таджикской поэзии, приведение ее в соответствие с современной тематикой только по внешнему виду является делом, не имеющим будущего. Современная тема проявляется в духе поэзии, в его содержании, а не во внешних подделках. Находясь в упоении тонкими образами Хафиза, попав в море раздумий о сложной поэтической речи и философской идеи Бедиля, я вновь обратился к традиционной метрике, мелодичности и системе рифмовки классической персидско-таджикской поэзии. Осознание напрасности усилия поспешных и показных «нововведений» в то же время привело меня к другому выводу: в нашей поэзии необходима внутренняя трансформация; следует старую форму поэзии, священную во многих отношениях систему ее образов приновить для выражения новых содержаний. Иными словами, старой форме стоит придать новый дух, новые современные содержания» [15, 17]. Поэт, осуществив такую воззренческую позицию с помощью своих стихов и поэм, справедливо утверждает, что «как любой другой поэт, в форме своей поэзии я должен быть национальным» [116, 344]. Его преданность национальной

форме своих произведений подтверждается всей его творческой концепцией. Этот принцип соблюдается им также в стихах, написанных на зарубежную тематику. Например, форма цикла стихов «Индийская баллада» по идейной, формальной специфике и способу изображения является полностью национальной. По наблюдениям Расула Ходизаде, проницательное видение поэта и действенное использование традиций изобразительности классической поэзии придали данному циклу стихов национальную форму. Как отмечает ученый «С первых строк стихотворный метр рамал мусамман придает стиху спокойный и весьма серьезный классический тон» [158, 260]. Важным формообразующим фактором в стихотворении «Тара Чандри» данного цикла является использование поэтических образов классической литературы. С другой стороны, содержанию стихотворения также присуща нравственная и интеллектуальная связь с судьбой таджикского народа, что также является фактором, создающим художественную форму.

Художественное мышление Мирзо Турсунзаде в изображении образа «Тара Чандри», имея культурную основу, зиждется на национальных образах. Размышления поэта на основе образа Комде (из поэмы «Комде и Мадан» Бедиля) и лирического образа газели Хафиза является выражением его национальной и общечеловеческой мыслей о реалиях прошлого и настоящего. В этой связи считаем справедливым мнение литературоведа Субхона Амиркулова, который отмечает, что образ «индийской родинки», который в газели Хафиза имеет символический характер, используется как воплощение невероятной красоты женщины-кокетки, в трактовке Мирзо Турсунзаде имеет реальную национальную специфику» [34, 115]. Для подтверждения своего мнения исследователь цитирует следующий фрагмент:

Чӣ хол аст, он ки дар токи ду абрӯят кунад бозӣ,
 Чи хол аст, ин ки Ҳофиз шуд ба ҳар қурбоние розӣ?
 Магар дар осмони ҳусн моҳи тирае дорӣ,
 Магар худ Зӯҳраву чун Муштарӣ ҳамширае дорӣ?
 Магар дар хонаи абрӯи худ ганҷе нӣхон дорӣ,

Ки мисли мор зулфони ба гирдаш посбон дорӣ?
 Марам аз дӯст чун оху, ба ман сирри дилатро гӯ,
 Тара-Чандрӣ,

Тара- Чандрӣ? Ту эй бозингари Ҳинду!''' [13, 189].

Что за родинка красуется между бровей твоих,
 Что Хафиз был готов на любую жертву за них?
 Неужто, это темная луна на небе твоей красоты,
 Возможно словно Венера сестра Юпитера ты?
 Что за сокровище скрыто в чертоге бровей твоих,
 Что кудри словно змеи, извиваясь, стерегут их?
 Не пугайся как олень, я твой друг, открой мне тайну сердца,
 Тара-Чандрӣ, Тара- Чандрӣ? О, ты, индийская танцовщица.

Объяснение изображения «индийской родинки» в газели Хафиза со стороны Мирзо Турсунзаде, во-первых, является способом выявления социальной природы традиционного символического изображения, во-вторых, посредством такого изображения поэт подчеркивает формальное и национальное родство своей и классической поэзии. В связи с изображением «индийской родинки» маститый поэт представляет типичный образ «пугливой газели», что является извечным образом возлюбленной в классическом жанре газель, и в данном случае отчётливо устанавливается внутреннее состояние традиционного образа. Поэт будто в контексте образа «индийской родинки» бейта Хафиза замечает «индийскую родинку» в облике Тары Чандри.

Другим элементом, определяющим национальную форму поэзии Мирзо Турсунзаде, является изображение и описание регионального, географического и природного своеобразия Таджикистана. Образы, сравнения и метафоры в его поэзии указывают на специфические особенности географии Таджикистана. В этом смысле, горы и реки, журавли и лани, а также подобные им образы, встречающиеся в стихотворении поэта, являются выразителями национальной формы. Без сомнения, поэт или

писатель «не может сторониться близкой ему сокровенной материальной среды. Это древняя и бесценная истина. Природные условия являются важной частью постулата, в соответствии с которым писателю следует жить и действовать» [79, 136].

Следует отметить, что природа и ее элементы с древних времен являлись частью художественного и национального мышления иранских народностей. Многие исследователи, в том числе Шафеи Кадкани, воспринимали таджикско-персидскую поэзию поэзией природы [79, 317]. Ибо природа всегда была основным элементом поэзии в любое время и в любом месте. Эта проблема может быть также связана с психологическим аспектом нрава и характера нашего народа. Так или иначе, поэзия Мирзо Турсунзаде в плане интереса к природе очень богата и привлекательна. Возможно, причина этого заключается в том, что в познании природы и реальности, поэт в некоторой степени имеет объективный и заострённый взгляд на внешний мир. Другими словами, видение Мирзо Турсунзаде больше формируется под влиянием предметов, что за завесой природы и материальными элементами бытия он интересуется менее эмоционально и редко черпает из них духовную пищу. Мы видим его как живописца, усердствующего над тщательной разрисовкой этюда своей картины. Однако, он тратит свою энергию на то, чтобы скопировать природу и элементы внешнего мира. В этой связи в его изображениях природы не часто можно найти эмоциональное состояние или интеллектуальное раздумье.

Мирзо Турсунзаде выразил своё отношение к природе следующим образом: «Вот, вы удивляетесь, что, наслаждаемся прелестями и красотами - прекрасным видом бурной и игривой реки Душанбе, таинственным и удивительным горным ландшафтом, ароматом растений, а меня не очень тянет к пейзажной лирике? У меня нет исключительно пейзажных стихов, хотя в литературе, как и в живописи, один пишет пейзаж, а другой - портрет. Но, вы знаете, иногда я и сам удивляюсь, почему я начинаю каждый цикл с реки Душанбе. Надеюсь, что этот повтор простителен. В Таджикистане

много рек, но ни одну из них я не люблю так, как реку Душанбе. Я и сам не знаю, в чем причина. Возможно, из-за того, что она иногда первой слышит мой новый стих, а может быть из-за того, что она является рекой моей столицы. Тем не менее, я думаю, что вода в Душанбе очень своеобразна для меня. Но эта не пейзажная поэзия, обращение к реке, на мой взгляд, это средство, через которое поэт проявляет своё взгляд, отношение к миру, к жизни, литературе» [17, 116-117].

Здесь поэт говорит относительно одного из своих стихов, посвященного природе, т.е. о стихотворение «Вода Душанбе», которое писал в шестидесятые годы. Вместе с тем, следует отметить, что противоречивое мнение поэта по стихам о природе на примере данного стихотворения связаны с его настроением и характером, здесь не следует исключать также влияние политики эпохи. Но этот стих и мнение поэта свидетельствуют о том, насколько поэт зависит от обычной, простой и конкретной природы, насколько он близок к ней. Эта связь и благосклонность, в первую очередь, связаны с художественным восприятием поэта, которому присуще беспокойство за человека и за человеческую судьбу. Хотя такой принцип восприятия природы не позволяет поэту, чтобы его «Я» заблестело и повело стихотворение к коренным внутренним основам, однако, такие его стихи символизируют Таджикистан, выражают судьбу и новую жизнь соотечественников поэта.

Литературовед Г. Ломидзе, исходя из стихов, которым присущ характерный национальный колорит, созданных поэтом «не для увековечивания себя, своей славы, а для увековечивания того, ради чего он живет, борется» [17, 117], приходит к следующему выводу: «Образы, аналогии и метафоры чаще выражают географическое своеобразие родины поэта. В этом контексте орлы, лани, горы и другие образы, что часто встречаются в литературе народов СССР, содержат в себе признаки национальной формы» [91, 136].

Стихотворение «Вода Душанбе», написанное в форме мусаммат мураббаъ, состоит из пяти строф. Оно включает не только географическое своеобразие уголка таджикской земли, но и отображённые в произведении образы, содержание стиха, человеческая судьба лирического героя, определяют национальную форму стихотворения. Поэтические образы непосредственно имеют индивидуальную реальную национальную основу, и даже выходят за её рамки. Однако, поэт в этом стихотворении акцентирует внимание не только на внешней вид явлений и событий. Его поэзия переполнена живыми мыслями, выражает созидательные помыслы и чистые человеческие чувства.

Аз кӯҳи баланд аст равон оби Душанбе,
Тар карда лаби ташналабон оби Душанбе.
Ҳарчанд, ки ҷорист ба сад асру замонҳо,
Бо ёди Ватан монда ҷавон оби Душанбе.

Бас модари он синаи пуршамъ ҷибол аст,
Хушкидани сарчашмаи ин об маҳол аст.
Густурда табиат ба раҳаш сабз гилеме,
Дорои замин асту замон, ҷоҳу ҷалол аст! [13, 295].
Текут с высокой горы воды Душанбе,
Утоляют жажды всех воды Душанбе.
Хотя нескончаем веками их поток,
В памяти об отчизне остаются вечно молодыми.

Покуда рождены матерью – горой, с пламенем в груди,
Не может иссякнуть источник их так легко.
Распростерла природа на их пути зеленый ковер,
Властвуют над землею и временем величаво и славно!

Глубокое и значительное восприятие реальности в стихотворении порождает то же ощущение «простора, свободы, всеобъемлющей среды и

условий», вместе с чем «в произведениях поэта не ограничивается национальный дух» [91, 137]. Если в стихотворениях поэта тридцатых годов природные ландшафты чаще использовались с целью отчетливого отображения жизненных перемен в стране, то в произведениях сороковых и последующих годов изображаются относительно совершенные природные картины, где данная тематика находит свое особое место в творчестве поэта. Как отмечает исследователь Ю. Салимов, в этот период «поэт, глубже взглянув на философию отношения человека и природы, создал конкретные и типичные природные картины при помощи художественных средств олицетворения (ташхис) и аллегии (рамз). Одинокое горделивое дерево в стихотворении «Несбыточные мечты» и гора в стихотворении «Хранителю сокровищ» являются типичными образами природы» [138, 409-410].

Природа как формообразующий элемент национальной сути стихов Мирзо Турсунзаде в его произведениях описывается двумя способами. В первом посредством беспристрастных эпитетов, где чаще описание происходит ради описания. Примером применения таких описаний является стихотворение «Песня реки».

В таких стихах, созданных из целого ряда картин природы, кроме отчетливой обрисовки природных ландшафтов, у поэта нет другого художественного замысла. Эти картины иногда возникают комбинированным способом, иногда они имеют повествовательный и описательный характер. Подобные стихи поэта, где менее заметно разнообразие, включают больше движения и жизни, что также выражает национальную форму поэзии. В частности, такая особенность характерна для стихотворения «Гиссарский хребет», нижеследующий отрывок из которого мы процитируем в качестве примера:

Дидай манзараи силсилаи кӯхи Ҳисор,
Нукрагун шаршараи силсилаи кӯхи Ҳисор.
Рӯдҳои дараи силсилаи кӯхи Ҳисор,
Акси охубараи силсилаи кӯхи Ҳисор.

Нест ин силсила монанд ба кӯхи дигаре,
 Дорад ин кӯх ба худ хос шукӯхи дигаре.
 Кӯхҳо саф зада ҳастанд ба ҳам дӯш ба дӯш,
 Як гурӯҳ аз пасу аз пеш гурӯҳи дигаре.

Бағали кӯхи Ҳисор аст пур аз чашмаву рӯд,
 Гулмаҳӣ диққати сайёд кунад чалб ба худ.
 Абрҳо мисли шутур гардани худ карда дароз,
 Об нӯшанд зи рӯди чамани сабзу кабуд [124, 293-294].
 Видел ты пейзаж Гиссарского хребта,
 Серебристый водопад Гиссарского хребта.
 Реки долины Гиссарского хребта,
 Силуэт олененка Гиссарского хребта.

Не похож он на горы другие,
 А потому имеет он своё величие.
 Горы выстроились одна за другой,
 Ряд впереди, а за ним другой.

Много рек и родников на склонах Гиссарских гор,
 Рыболова манит к себе форель.
 Облака словно верблюды, вытянув шеи,
 Напиваются из ручейка синих и зеленых лугов.

Поэт большинство подобного рода своих стихов, где природа воспевается повествовательным образом, сочинил в жанре классического мусаммата мурабба, внося изменения лишь в форму рифмовки.

В целом, такого рода зарисовки природы часто представляют описание ради описания, являясь по сути весьма простыми и зрительными, которым также свойственна определенная национальная форма.

Обстоятельное воспевание природы, существующее в поэзии Мирзо Турсунзаде, является другим способом его художественного восприятия. Поэт в таких своих стихах вне природных контекстах, т.е. в рамках изображения многих абстрактных тем или при изображении ситуаций жизни человека опять же обращается за помощью к природе и ее элементам. Другими словами, в таких стихотворениях оригинальная окраска элементов и явлений природы в поэтической зарисовке блещет ярче и оказывает на читателя более сильное эмоциональное воздействие благодаря своему своеобразному национальному колориту. Стихотворения «Чабан», «Осень», «Человек и гора», «Лоза и земля», «Радуга», «Солнцу» и т.д. являются примерами стихотворений, выражающих данную художественную концепцию поэта.

Таким образом, Мирзо Турсунзаде по мнению Рустама Ваххоба, «определил подлинное содержание тематики нашей поэзии на будущее, куда включены возвеличивание самобытности и оригинальности конкретного человека на фоне воспевания малой родины (место рождения) и её бесценных и священных символов, таких как мать, природа родного края, горы и реки, великие деятели культуры и литературы, национальные обычаи и их своеобразные элементы в контексте общечеловеческих ценностей» [58, 4]. Всё перечисленное во взаимосвязи друг с другом определило национальную форму произведения поэта. На основании изложенного мы можем сделать вывод, что природа в поэзии Мирзо Турсунзаде, являясь характерным элементом национальной формы его произведений, отображает «художественную интерпретацию природных явлений, своеобразные погодно-климатические условия Родины» [91, 246].

Красочные многозначительные явления природы отображены также в его поэмах, в частности в «Хасан арбакеш», «От Ганга до Кремля» и др. Особое место в отображении природы и ее своеобразия в творчестве поэта занимает поэма «Вечный свет». В ней поэт дважды описывает весенний вечер и сад. В особенности изображение весенней вечерней поры является

весьма выразительным, прекрасным, ярким и конкретным эпизодом. Например:

Ҳавои шаб ҳузури рӯҳу ҷон буд,
 Замин сабзу мусаффо осмон буд.
 Маҳи апрел дар иди баҳорӣ,
 Ба гул лӯълӯи тар баҳшид, оре...
 Гули гелос дар чанги ҳаво буд,
 Барои ҳамл олу ғунчаво буд.
 Бунафша дар лаби ҷӯ ноз мекард,
 Гули садбарг чашмаш боз мекард... [14, 20].
 Ночным воздухом душа напоена,
 Земля цвела, небо прозрачным было.
 Месяц апрель на весеннем празднике
 Преподнёс розе мокрые жемчуга, о, да...
 Цветением черешни обуян вес простор,
 Для опыления сливы раскрылся бутон.
 Фиалка жеманилась на краю ручья,
 Роза в упоении открывала глаза, ...

В этом отрывке из поэмы наблюдение поэта является весьма изящным и трогательным, где цветение земли, прозрачность неба, сравнение росы на листьях цветов с мокрым жемчугом, раскрытие бутонов сливы для опыления, капание капля за каплей сока виноградной лозы, биение сердца земли, жеманство фиалки и открывание глаз розы выражают своеобразное национально-художественное видение поэта во время приобщения к природе родного края.

Поэт постиг те признаки и разнообразие природы, которые доступны лишь глазам сердца, высокому поэтическому дарованию и чувствам. В изображении все образы отчётливы, имеют реальную национальную основу и отражают красочную картину природы края. В данном отрывке не только изображается картина природы, но отражается пульс жизни, ее грациозные

изменения, биение сердца каждого растения, нежные и восхитительные отзвуки дыхания природы. Эти строки, имея эмоциональную связь с духом лирического героя, т.е. лирического индивида, которым является сам поэт, раскрывают тайны его сердца. Стихи о природе, выражающие часть духа поэта, и поэт - часть природы находятся в гармонии и сочетании. Это и выражено в нижеследующем двустишии:

Ҳама монанди ман бо интизорӣ,
Ғанӣ буданд аз бодӣ баҳорӣ [14, 20].
Все, как и я в предвкушении,
Весенним ветром щедро одарены.

Картины природы в поэмах Мирзо Турсунзаде наряду с мотивацией яркого и отчетливого выражения чувств и переживаний, познания мира и сближения личностей произведений с живой реальностью, также углубляют национальное своеобразие их изображения поэтом в данном контексте. Поэт отображает природу таким образом, что подтверждается ее близость с жизнью и бытием нации.

В целом, поэзия Мирзо Турсунзаде, охватывая формальные элементы национального языка, образы, поэтические жанры, особенности выражения мысли, изображения характера, стиля, структуры стиха, описания картин природы, размеров и рифмы, отображает весьма важную и характерную сторону его творческого наследия.

Заключение

Исследование и оценка проблемы национального своеобразия таджикской литературы, в частности национального аспекта произведений отдельных поэтов и писателей, являясь велением времени, создает основу для дальнейшего формирования и эволюции самосознания и самопознания народа. К сожалению, в советской эпохе исследование этого вопроса осуществлялось с ориентацией на общечеловеческие ценности и «пролетарский интернационализм». В некоторой степени данный подход создавал также ограничения в познании своеобразия национального аспекта литературы и произведений отдельных поэтов. Кроме того, на вопросы национального эстетического взгляда, его национальных устоев, преемственности художественно-культурных традиций, а также их влияния на художественное сознание писателей и поэтов, национальные особенности формы и содержания, художественные средства, и, наконец, на национальную суть стиля не придавалось особого значения. Даже последний вопрос, согласно наблюдениям М. Шакури «в советском литературоведении не исследовался».

Хотя в таджикском литературоведении исследователи проявляли интерес к национальному аспекту литературы и произведений отдельных литераторов, однако, теоритически и практически взгляды в основном были направлены на общечеловеческую сущность и аспект этой темы, что порой препятствовало познанию своеобразия национальной литературы и произведений того или иного поэта и писателя. В частности, на сегодняшний день, исследование произведений Мирзо Турсунзаде, проводившееся на основе данного подхода, стало причиной того, что реальный национальный облик поэта и национальные особенности его произведений остались неосвещенными. Следовательно, изучение и оценка проблемы национальных аспектов творчества крупнейшего и самого популярного поэта современного Таджикистана - Мирзо Турсунзаде привел нас к следующим выводам:

1. Роль и место Мирзо Турсунзаде в истории таджикской литературы и культуры определяются не только его литературной, переводческой, научной, общественной и политической деятельностью, человеческая и художественная судьба этого великого поэта также была значительным уроком для его современников и последующих поколений. Он был личностью с человеческой и национальной самобытностью, художественные произведения которого также отражало своеобразную национальную специфику таджикской литературы и культуры. Трудолюбие, человеческая, национальная и художественная гордость были факторами, которые создали его своеобразную художественную и национальную творческую концепцию и способствовали её развитию.

2. Устод Мирзо Турсунзаде занял весьма высокое место таджикской литературе по сравнению с другими своими коллегами по перу и современниками. Его успех и особое отличие, в первую очередь, связаны с потенциалом его таланта, художественного видения и национально-патриотической позицией. На протяжении всей своей жизни он был, прежде всего, последователем, хранителем и пропагандистом высших национально-литературных ценностей. Его любовь и привязанность к родной земле, нации, ценностям её исторического, литературного и культурного наследия, сыграли значительную роль в формировании личности и национально-художественного бытия поэта. Его произведения, идеи и воззрения, выражая историческую и культурную судьбу таджиков в период крупных социально-исторических перемен, определяют его статус как талантливого представителя таджикской литературы.

3. Мирзо Турсунзаде в начале своей творческой деятельности, приветствуя новаторские подходы в литературе и художественном творчестве, использовал богатый опыт русской и мировой литературы на благо национальной литературы и культуры. С другой стороны, не довольствуясь лишь постижением и применением литературных опытов, он усовершенствовал в данном процессе своё мышление, используя самые

значимые литературные традиции предков, приступил к новаторству, сохранению и совершенствованию национальных особенностей таджикской литературы. Одним из его значительных заслуг в данном направлении является активное участие в формировании и развитии своеобразного национального художественно-литературного облика творца, тесно связанного с гуманистическими общечеловеческими идеями и идеалами его эпохи. Важным фактором, сыгравшим ключевую роль в формировании и эволюции его индивидуальной манеры и поэтического стиля, определившим и конкретизировавшим его национальный литературный облик, является постоянное стремление к глубокому познанию истории, национальных литературных и культурных ценностей, приобщению их к общечеловеческим ценностям, сохранив особый национальный колорит и блеск.

4. Из его человеческой судьбы выясняется, что и в личной жизни он был убеждён и непоколебим в высоких человеческих и национальных стремлениях, вместе с тем в своих устных и письменных дискуссиях, а также литературных и научных произведениях проявлял особый интерес к нации, ее истории и социально-нравственным проблемам, и, безусловно, в этом контексте устанавливал свою характерную национальную творческую концепцию. Эта концепция, охватывая тщательное и широкое познание судьбы нации и ее истории, определяет сущность и подлинные национальные особенности его произведений. В этом смысле проявление национальных особенностей его литературного наследия является наиболее важным литературным достижением поэта, основной целью которого было возрождение и обогащение культурно-исторической памяти нации, пробуждение национального самознания и привлечение общества и их управляющих постижению и сохранению долговечных национальных ценностей.

5. Мирзо Турсунзаде в определенный исторический период установил подлинный тематический круг современной таджикской поэзии на будущее,

включающий прославление менталитета и самобытности конкретного человека и на этой основе воспевание малой родины, ее почитаемых священных символов, таких как мать, природа родного края, его гор и рек, а также выдающихся представителей культуры и литературы, национальных обычаев и их характерных элементов в контексте общечеловеческих ценностей. В процессе творческой деятельности своеобразное национальное сознание дало ему возможность сформировать и усовершенствовать свежий и плодотворный подход к познанию исторической и культурной судьбы нации. Первоначальной точкой опоры художественного восприятия в своем творчестве он определил историческую судьбу нации, культурно-историческое бытие, цивилизацию и мотивы ее деградации и прогресса.

В связи с этим, этапы жизни и творческий путь поэта, по сути, подготавливает почву для его ориентации и преданности национальному аспекту художественного произведения на всех уровнях опирающегося на вопросы истории, языка, литературы, национального характера, традиционных обычаев таджиков. Великий поэт своей сознательной жизни был непосредственным участником процесса социально-политической и литературно-культурной эволюции своей страны. Следовательно, понимание реальности крупных перемен социально-политической жизни таджиков в тридцатые и последующие годы, направляло его на художественное отражение судьбы народа. Данный опыт, несомненно, совершенствовал его мышление и национальное видение, где всесторонний и комплексный охват истории общества и литературы таджиков является характерной чертой его деятельности в данном направлении. Большая часть его художественных и научных произведений, посвящённых судьбе нации и выдающимся представителям культуры и литературы, отображает человеческий и нравственный облик нации, ее достойных личностей. Его стихи и поэмы, прозаические произведения, статьи и доклады, содержащие кредо его жизни, способствовали формированию национального своеобразия его произведений.

6. Мирзо Турсунзаде не только создал художественное воплощение исторической и культурной судьбы нации, ее индивидов и таджикского менталитета в период удач и потерь истории таджиков, но и внес огромный вклад в поиск, раскрытие и сохранение интеллектуальных и художественных ценностей, способствовавших формированию и последующей эволюции национальной литературы, культуры и цивилизации.

С самого начала творческой деятельности Мирзо Турсунзаде определил своей человеческой и художественной целью отображение национальных интересов и национального сознания. Следовательно, начиная с первых работ национальный аспект выражался как содержания, так и в форме его произведений. Кроме того, поэзия Мирзо Турсунзаде, наряду с произведениями устода Айни, Пайрава, Лахути, Рахими, Миршакара не только способствовала социально-историческому пробуждению таджиков и установлению первых устоев национальной самобытности, но в дальнейшем была выразителем «самого высокого уровня самосознания народа» (М. Шакури).

Характерные особенности национального сознания и художественного мышления поэта наблюдались ещё в его произведениях тридцатых годов. Несмотря на политические усилия денационализации национального мышления, писатели, в том числе Мирзо Турсунзаде, в тот сложный период по мере возможности выполняли свою человеческую и национальную миссию. Мирзо Турсунзаде смог сохранить национальное содержание и форму своих произведений и постепенно довести их до совершенства.

7. Наиболее важным характерным элементом поэтических и прозаических работ Мирзо Турсунзаде данного периода была тематика жизнеописания нации, определяющая национальную форму его наследия. Поэт в контексте повседневных социальных и культурных реалий тридцатых годов, а также сравнения прошлого и настоящего, соединил социальный и национальный аспекты поэзии. Несмотря на советское идеологическое давление Мирзо Турсунзаде в некоторых случаях смог изобразить реальные

картины жизни таджиков, выразить их душевную боль, мечты и надежды. В этом смысле содержание его произведений, имея неразрывную связь с исторической и культурной судьбой нации в конкретное время, определяет национальный аспект его творений.

8. Произведения поэта тридцатых годов сформировали начальный этап и новый способ его художественного сознания и восприятия таджикского менталитета в контексте эпохи и социально-политических событий. Этот этап творчества поэта, являясь в данном случае началом его творческого становления и эволюции, отражает его характерный национальный поэтический облик. Сороковые годы можно признать вторым этапом становления и эволюции своеобразия художественного мышления и национальных устремлений поэта, ценным характерными творческими особенностями, новыми художественными идеями и особой позицией поэта относительно исторического, литературного и культурного наследия таджиков.

9. На данном этапе поэт достаточно хорошо осознал, что нации и обществу для обеспечения устойчивости своего менталитета необходимо владеть информацией и быть полностью осведомленным об истории, литературном наследии и судьбе достойных своих предшественников. Следовательно, он приступил к сбору устного творчества народа и издал книгу «Образцы таджикского фольклора». В антологии «Образцы таджикской литературы» (1940) он составил раздел о жизни и наследии Хилоли. До этого, особенно вопреки пренебрежениям советской политики к истории наций и их наследию, Мирзо Турсунзаде создал поэтическую драму «Хусрав и Ширин», музыкальную драму «Восстание Восе» в соавторстве с поэтом А. Дехоти и либретто «Тахир и Зухра», воплотившие сущность национальной самобытности. Его интерес к человеческой и художественной судьбе представителей литератур других народов также является попыткой упрочения национального менталитета через признание литературно-культурных подвигов представителей других национальностей. Его усилия

на пути защиты прав таджиков на литературное наследие также является частью его патриотической деятельности.

10. В сороковые годы двадцатого века художественному взгляду, национальным и общечеловеческим стремлениям Мирзо Турсунзаде свойственны характерные особенности. Этот этап его литературной деятельности можно назвать аналитическим. Произведения данного периода слагаются поэтом в контексте конкретной реальности, где идеи и способы изображения придают народу дух независимости и сопротивления. В отображаемых картинах поэт акцентирует внимание на реальности и проблемах, которые обретают своеобразный национальный аспект с точки зрения национальных чувств и этнического своеобразия. Таким художественным способом сознания реальности Мирзо Турсунзаде стремился видеть историческую судьбу своей нации близкой к другим нациям в контексте общечеловеческих ценностей.

К сожалению, его научное и художественное мышление в этот период, развиваясь под влиянием шаткой нормативной и заказной эстетики, за исключением письма, адресованного поэтом А. Н. Болдыреву, не представляло национальной ценности. Литературная мысль Мирзо Турсунзаде, особенно в вопросе культурных взаимоотношений таджиков и иранцев в эти годы сочетается со своего рода чувствами и предрассудками, вместе с тем масштаб национальности в его идее определяется особым отзвуком, т.е. политическими и идеологическими наклонностями. Иначе говоря, поэт в своих художественных произведениях соизмеряет национальный масштаб с мировым и общечеловеческим масштабом, осуждая националистические чувства.

11. Его творчество пятидесятых годов двадцатого века, перенявшее своеобразие его творений тридцатых годов, представляет собой обретение его поэзией философского содержания, охватывающего широкий круг традиционных ценностей классической поэзии. Эпический и лирический виды поэзии предоставили поэту возможность достичь философских

заключений в изображении внутренней и зарубежной (о Востоке) тематики. По мнению А. Сатторова (А. Сатторзода) «его дарование стало значительнее склоняться к сочинению мудрых философских стихов», и этот подход сблизил современную таджикскую поэзию с классической. Подобная эволюция, в частности заметна в его поэмах «Хасан арбакеш», «Голос Азии», «Святая девушка», «Вечный свет», «Дорогая моя», а также в стихах, что имеет своеобразную национальную почву.

12. Шестидесятые и последующие годы знаменуют новую веху и свежую творческую эволюцию поэта, этот процесс имел тенденцию к художественному философскому обобщению и в некоторой степени обретению его поэзией окраску классической назидательной мудрости, что замечательно повысило художественную и национальную ценность произведений поэта. Наряду с этим, именно на данном этапе поэзия Турсунзаде подвергается также эволюции в плане манеры изложения и украшения речи, а его произведения проникаются вдохновением традиционными стереотипами, что весьма ярко выражает своеобразный национальный колорит его произведений.

13. Поэзия Мирзо Турсунзаде в конце его жизни как никогда раньше идеально сблизилась с основательными элементами национальной культуры, в том числе языком, духовными ценностями, исторической памятью, обрядами, обычаями и моральными постулатами, что выражает таджикский менталитет и символ национальной культуры. Сущность творческих поисков поэта на завершающем этапе его творчества заключается в идеальном соотношении национальных ценностей и размаха общечеловеческих устремлений. Эти его усилия воплотились в таких его поэмах, как «Дорогая моя», «От Ганга до Кремля» и философских стихах.

Исследование, проведенное исходя из общечеловеческих вопросов и масштаба национального в произведениях поэта, привело нас к такому выводу, что в произведениях Мирзо Турсунзаде, предпринимается попытка философского осмысления соответственно национальным реалиям жизни и

современному миру, связанному с общечеловеческими проблемами, вместе с чем излагается гуманистическая и национальная позиция поэта. В творческой концепции поэта реалии истории и нравственный опыт людей находят свое отражение в национальной форме, по сути, выражают национальный опыт и общечеловеческие устремления. Выражаясь корректнее, общечеловеческий остов произведений поэта, опираясь на национальные духовные традиции, определяет сущность его национальной концепции и мировосприятия.

14. Вопрос художественного самопознания таджикской нации в творчестве Мирзо Турсунзаде, имея национальное и общечеловеческое значение, приобретает «всеобщую мировую ценность» (Д. С. Лихачев). Поэт в процессе социально-культурного изображения других народов размышляет о таджикском народе, свободе и процветании своей страны. Иными словами, его произведения, имея специфическую национальную свежесть, отображают лучшие национальные и гуманистические традиции тысячелетней таджикской литературы в иной форме и на другом уровне.

Отражение национальных проблем и поэтика их художественного изображения в творчестве поэта являются масштабными. Поэт, отражая различные эпизоды социальной, литературной и культурной жизни таджиков в историческом контексте, размышляет об улучшении жизни людей разных национальностей. В контексте реалий времени для представления четкой и реальной картины национальной самобытности поэт целенаправленно использует национальные культурные элементы. Лучшие традиции способствуют поэту в создании самобытности национального общества и отображении национальных образов. Следовательно, в поэзии Мирзо Турсунзаде читатель «в первую очередь ощущает национальные особенности, выраженные в содержании, тематике, сюжете, языке и образах произведений поэта» [84, 33]. Кроме того, язык, манера изложения, элементы культуры и национальные литературные традиции выражают характерные национальные особенности его произведений. Использование исторических источников, фольклорных и письменных произведений, сказочных и

исторических образов является одной из национальных особенностей произведений поэта. Специфическая художественная концепция воплощения образа и национальных характеров с синтезом национальных социально-психологических ценностей определяют национальную особенность произведений поэта. При таком подходе поэт имеет дело с национальным образом и характером, не совсем подвергшимися изменению, а его своеобразное видение опиралось на «тайник народной жизни» [47, 217]. Следовательно, в изображении поэта образы и характеры имеют традиционную почву, в изменении и совершенстве которых действенна также роль эпохи. Особенность и содержание художественного мышления поэта в познании и интерпретации национального образа и характера, прежде всего, определяется его классовым взглядом и социалистической ориентацией, которые имеют положительные и отрицательные аспекты. Положительные аспекты корнями уходят в традицию, а отрицательные являются заказными и востребованными господствующей идеологией. Несмотря на это, человек мечты Мирзо Турсунзаде - это не только «новый советский человек», в этой личности поэт соответственно отображает также таджикские национальные достоинства.

15. Хотя ищущий герой произведений поэта со своими социальными идеями и деятельностью больше склонен к идеалу человека советской эпохи, всё же социальная активность поэта и значимое положение его индивидуальности и конкретного национального лица, в этом процессе часто идентифицируется с обликом самого Турсунзаде. Этот творческий подход поэта способствовал сохранению и укреплению национальных особенностей образов и характеров его произведений, где основная идея - национальное содержание является подлинным и действенным фактором.

16. Характеры и типы произведений Мирзо Турсунзаде, формируются главным образом на фактической и традиционной базовой основе таджикской нравственности, и та изменчивая часть нрава и характера, которая наблюдается в действиях и поведении личностей его произведений,

является порождением исторических и социальных обстоятельств и условий периода его жизни. Эти два указанные нами типа национальных особенностей и черт характера имеют традиционную национальную и политическую заказную основы. Второй тип является «следствием заинтересованности особенной партии» (Икбал), истинная цель которой заключается в ослаблении морали, вероисповедания и характерных черт слабых наций. Такой подход можно наблюдать в творчестве Мирзо Турсунзаде в изображении образа женщины и ее характера, где выражено классовое противоречие, что в некоторой степени является фактором, ведущим к измельчению личностей. В данном случае можно упомянуть образ и характер Мамлакат («Золотая страна»).

17. Хасан, являясь еще одним образцом национального образа и характера в произведениях поэта, признан «художественным открытием талантливого исследователя жизни двадцатых и тридцатых годов» [169, 79]. Мирзо Турсунзаде в поэме «Хасан арбакеш» не только изображает важные моменты жизни таджиков того времени через образы, но показывает процесс эволюции нрава и характера личностей произведения (Хасана и Садаф), отражает также этические традиции и национальные черты характера. Образ и характер Хасана и Садаф с типичной художественной особенностью, своим социальным и национальным значением являются ярким образцом художественных образов новейшей таджикской литературы. В образе Хасана и Садаф поэт воссоздал нрав и черты характера людей эпохи больших социальных и духовных изменений. В этой поэме и других произведениях поэта образы и характеры личностей являются полностью национальными, географическая и нравственно-духовная среда изображения также имеет своеобразную национальную почву.

18. Форма и содержание поэзии Мирзо Турсунзаде по охвату формальных элементов, состоящих из языка, образов, родов и видов, манеры изложения речи, изображения характера, стиля, структуры стиха, описания портретов и пейзажей, размеров и рифмовки, представляют характерные национальные

художественные особенности его поэзии. Хотя художественная тенденция поэзии Турсунзаде подверглась изменению под воздействием политических и жизненных реалий того времени, и он значительно акцентировал внимание на идейном содержании своих произведений, что приводило к спаду их художественного уровня, однако, в целом, почва художественного мышления поэта и художественная форма его произведений, оставаясь совершенно национальными, определяют характерные национальные черты его творчества.

Список литературы

1. Айни, Садриддин. Куллиёт. Шеърҳо. Иборат аз 15 ҷилд. Ҷилди 8 (Ҳайати таҳририя: М. Осимӣ, М. Турсунзода, К. Айни, Р. Ҳошим, Ҳ. Аҳрорӣ. Муҳаррир А. Маниёзов). – Душанбе: Ирфон, 1981. – 524с.
2. Деҳотӣ, Абдусалом. Асарҳои мунтахаб. Шеърҳо, ҳикояҳои ҳаҷвӣ, драматургия, намунаи тарҷумаҳо. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1957 - 300с.
3. Нома аз Роча / Садои Ш, 1970, №9. – с. 88.
4. Ошени меҳр. Маҷмӯа. – Душанбе: Адиб, 2011 – 240с.
5. Сулаймонӣ, Пайрав. Куллиёт. Душанбе: Адиб, 2006. – 276с.
6. Турсунзода, Мирзо. Муваффақиятҳои артистони тоҷик дар Эрон / Тоҷикистони сурх, 14 – уми декабри соли 1941.
7. Турсунзода, Мирзо. Ҳаёти халқ – манбаи илҳом / Мирзо Турсунзода. Куллиёт иборат аз чор ҷилд. Ҷилди IV. – Душанбе: Ирфон, 1985. с. 120-123.
8. Турсунзода, Мирзо. Нутқ дар митинги зидди фашистии намоёндагони халқҳои Осиёи Миёна / Мирзо Турсунзода. Куллиёт. Ҷилди IV. – Душанбе: Ирфон, 1985. с. 7-11.
9. Турсунзода, Мирзо. Адабиёти тоҷик дар мубориза барои идеалҳои коммунизм / Мирзо Турсунзода. Куллиёт. Ҷилди III. – Душанбе: Ирфон, 1979. – с. 118 – 185.
10. Турсунзода, Мирзо. Шафақи субҳи Осиё / Мирзо Турсунзода. Куллиёт. Ҷилди III. – Душанбе: Ирфон, 1979. – с. 272 – 283.
11. Турсунзода, Мирзо. Куллиёт. Ҷилди I. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 327с.
12. Турсунзода, Мирзо. Куллиёт. Ҷилди II. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 135 с.
13. Турсунзода, Мирзо. Адабиёти советии тоҷик ва вазифаҳои он / Мирзо Турсунзода / Шарқи сурх, 1947. №12. –с. 11 –18 .
14. Турсунзода, Мирзо. Танқиди адабӣ – омили пешравӣ / Мирзо Турсунзода. / Куллиёт. Ҷилди III. – Душанбе: Ирфон, 1979. – с. 339 – 354.

15. Турсунзода, Мирзо. Меҳнати пурмашаққат, меҳнати роҳатбахш / Мирзо Турсунзода/. Куллийёт. Ҷилди III. – Душанбе: Ирфон, 1979. – с. 109 – 117.
16. Турсунзода, Мирзо. Маҳорат ва ҳисси масъулият / Мирзо Турсунзода/ Садои Шарк, 1972. – №4. -с. 149 – 153.
17. Турсунзода, Мирзо. Қофиласолори корвони назм / Мирзо Турсунзода/ Тоҷикистони советӣ, 15 –уми октябри соли 1958.
18. Турсунзода, Мирзо. Ҳаёт ва адабиёт / Мирзо Турсунзода / Шарки сурх, 1959. – №3. – с. 104 – 109.
19. Турсунзода, Мирзо. Оид ба вазъият ва вазифаҳои адабиёти советии тоҷик / Мирзо Турсунзода / Шарки сурх, 1954. – №9. – с. 20 – 26.
20. Турсунзода, Мирзо. Куллийёт. Ҷилди IV. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 351 с.
21. “Шеърҳои ман – тарҷумаи ҳоли ман. Мусоҳибаи рӯзноманигор О. Латифӣ бо Мирзо Турсунзода. / Комсомоли Тоҷикистон, 6 –уми августи соли 1977.

Теоретическая научная литература

22. Абдуллоҳ, М. Устод Муҳаммадҷон Шакурӣ ва андешаи миллӣ /М. Абдуллоев Абармарди илму фарҳанг (Маҷмӯаи мақолаҳо, ёддошт ва меҳномаҳо бахшида ба 80-солагии академик М. Шакурӣ). - Душанбе: Дониш, 2006. - с. 258-270.
23. Абдуллоҳ, М. Устод Айнӣ ва ҳудӯғҳои миллӣ / М. Абдуллоев “Садои Шарк”, 1996, №5-8. - с. 82-84.
24. Абдуллоев, М Таджикское публицистика и национальная идентичность (поел. четвeртъ XIX – первая полови́ни XX ееков). /Масрур Абдуллоев. Душанбе 2014 - 309с.
25. Абдукодиров, А. Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода. /А. Абдукодиров. -Душанбе: нашриёти “Дониш”, 1988 -125с.
26. Акбаров, Ю. Талаби ҳаёт ва қисмати адабиёт. /Ю. Акбаров. -Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1977. -128с.

27. Акбаров, Ю. Қисмати инсон ва қисмати шеър. /Ю. Акбаров. -Душанбе: нашриёти “Дониш”, 1980. -197с.
28. Акбарзода, Ю. Шеъри Мирзо Турсунзода аз биниши имрӯз. /Ю. Акбарзода. Суханвари мумтоз. Маҷмӯаи мақолаҳо ба ифтихори 100 солагии Шоири халқии Тоҷикистон, Қаҳрамони Тоҷикистон Мирзо Турсунзода. – Хуҷанд: “Нури маърифат”, 2011. -с. 66-75.
29. Акбарзода, Ю. Нубуғи шоир ва булуғи шеър. /Ю. Акбарзода. -Хуҷанд, 2003. – 219с.
30. Амиркулов, С. Қуллаи баланди шеъри сода /С. Амиркулов. Садои Шарқ, 1985. - №12. -с. 113-117.
31. Айтматов, Ч. Шахсияти беназир. /Ч. Айтматов. Турсунзода дар ёдҳо (ёдбуд, хотира ва шеър). -Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2011. -с. 24-34.
32. Армуғон (аз дӯстон ба Мирзо Турсунзода - Шоири халқии Тоҷикистон). -Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1971. -112с.
33. Асозода, Х. Суханварони ҳамдил /Х. Асозода. Адабиёт ва санъат, 7-уми майи соли 1990.
34. Афсаҳзод, А. Корвони сухан. /А. Афсаҳзод. -Душанбе: нашриёти “Адиб”, 1994. -160с.
35. Аъзамзод, С. Мирзо Турсунзода ва мероси адабии тоҷикон. - /С. Аъзамзод. Суханвари мумтоз. -Хуҷанд: нашриёти “Нури маърифат”, 2011. – с.225-244.
36. Бақозода, Ҷ. Устод Мирзо Турсунзода ва масъулияти санъаткор. /Ҷ. Бақозода. Андеша ва чехраҳои адабӣ. – Душанбе: “Адиб”, 2005. –с.21-29.
37. Бароҳанӣ, З. Дар шеър ва шоирӣ /З. Бароҳанӣ. Омӯзгор, 16-уми апрели 1991. –с. 8-9.
- Баҳриев, Ф. Образи бадеии кӯдакону наврасон дар ашъори шоир. /Ф. Баҳриев. Суханвари мумтоз. Маҷмӯаи мақолаҳо... -Хуҷанд, “Нури маърифат”, 2011. –с.304-309.

38. Бахтин, М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. /М.М. Бахтин. Литературно критические статьи. – Москва: “Художественная литература”, 1986. –с. 26-89.
39. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч, т-6 /В.Г. Белинский. - Москва, 1956. – 474с.
40. Бобоев, Ю. Сипахсолори назм. /Ю. Бобоев. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1971. – 287с.
41. Брагинский, И. С. О национальном и интернациональном в творчестве С. Айни. /И.С.Брагинский. История таджикской и персидской литературы. – Москва: из-во “Наука”, 1972. –с. 461-477.
42. Брагинский, И. С. Поэт – интернационалист (Мирзо Турсунзаде). –/И. С. Брагинский. Исследования по таджикской культуре. – Москва: из-во “Наука”, 1977. –с. 245-249.
43. Брагинский, И. С. Сухан дар бораи дӯсти содик, фаромӯшнашаванда. /И. С.Брагинский, Ошёни меҳр: – Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2001. – с. 165-171.
44. Бушмин, А. С. Наука о литературе: Проблемы. Суждения. Споры. /А.С.Бушмин. Москва: Современник, 1980. –334с.
45. Васлгари дилхо (Хотирахо дар бораи Мирзо Турсунзода). / Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1981. -216с.
46. Ваҳҳоб, Р. Андешаи истиқлоли миллии тоҷикон дар осори устод Мирзо Турсунзода /Р. Ваҳҳоб. Адабиёт ва санъат, 25-уми июли соли 1991.
47. Ваҳҳоб, Р. Арзиши бадеии осори Мирзо Турсунзода. /Р. Ваҳҳоб. Адабиёт ва фарҳанги миллий. – Душанбе: Адиб, 2011. – с. 139 – 147.
48. Ваҳҳоб, Р. Арзиши бадеии осори устод Турсунзода /Р. Ваҳҳоб. Адабиёт ва санъат, 16-уми юни соли 2011.
49. Ваҳҳоб, Р. Худшиносии миллий дар ашъори Лоик Шералӣ /Р. Вҳҳоб. Садои Шарқ, 2011, №9. –с. 134-139.
50. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика. /Веселовский А.Н. – Ленинград: Госиздат, 1940. –с. 348-358.

51. Гинзбург, Л. О лирике. /Гинзбург. – Ленинград: сов. пис, 1974. –260с.
52. Гулмуродов, П. Матбуот ва камолоти эҷодии устод Мирзо Турсунзода. – / П. Гулмурод. Мирзо Турсунзода ва масоили назарии фарҳанги навини тоҷикон. – Душанбе, 2011. –с. 368-391.
53. Ғаффоров, Р. Нависанда ва замон. /Р. Ғаффуров. – Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1977. –208с.
54. Давлатова, М. Мо ҳама фарзанди айёми худем /М. Давлатова. Адабиёт ва санъат, 13-уми сентябри соли 1990.
55. Давронов, А. Поэт космических встреч. /А. Давронов. Суханвари мумтоз. Маҷмӯаи мақолаҳо ба ифтихори 100-солагии Шоири халқии Тоҷикистон, Қаҳрамони Тоҷикистон Мирзо Турсунзода. – Хучанд: “Нури маърифат”, 2011. –с. 127-152.
56. Дар ошёни дилҳо. /Маҷмӯаи мақолот. – Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1981. –112с.
57. Додхудоева, Л. Тасвири бадеии қаҳрамонони шоир: масоил ва усули тасвирии осори Мирзо Турсунзода. – /Л. Додхудоева. Мирзо Турсунзода ва масоили назарии фарҳанги навини тоҷикон. – Душанбе, 2011. –с. 392-402.
58. Достиев, А. Вассофи ваҳдати халқи ҷаҳон. /А. Достиев. Ошёни меҳр: – Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2001. –с. 49-63.
59. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение. /В. М. Жирмунский. – Ленинград: “Наука”, 1979. –493с.
60. Зоиров, Х. Аҳамияти адабӣ ва тарҷумаиҳолии номаҳо. /Х. Зоиров. Суханвари мумтоз. Маҷмӯаи мақолаҳо. – Хучанд: “Нури маърифат”, 2011. – с. 208-244.
61. Икромӣ, Ҷ. Мирзо Турсунзода, Бокӣ Раҳимзода ва ман. /Ҷ. Икромӣ. Бо мавҷи зиндагӣ. – Душанбе: нашриёти “Адиб”, 1989. –с. 3-18.
62. Икромӣ, Ҷ. Тафсили як сафари аҷоиб. /Ҷ. Икромӣ. Турсунзода дар ёдҳо. -Душанбе, нашриёти “Адиб”, 2011. –с. 138-148.

63. Ишмухаммедова, З. А. Категория содержания и национальной формы духовной культуры. / З. Ишмухаммедова. Казанский государственный Университет 1961. “Учёные записки”, т. 221, книга I. –с. 210-219.
64. Кадканӣ, Ш. Сувари хаёл. /Ш. Кадканӣ. – Техрон, 1986. –732с.
- Кожин, В. В. Художественная речь как формы искусства слова. / В. В. Кожин. – Москва: из-ва “Наука”, 1965. –с. 234-316.
65. Коптяева, А. Ба тан чони ту. / А. Коптяева А. Турсунзода дар ёдхо. – Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2011. –с. 98-114.
66. Куницын, Г. И. Общечеловеческие в литературе. / Г. И. Куницын. – Москва: “Советский писатель”, 1980. –565с.
67. Куприянова, Е. Н. Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. / Е.Н. Куприянова, Г.П. Макогоненко. – Ленинград, 1976. –384с.
68. Кучаров, А. Турсунзода. Маҳорат ва садоқат. / А. Кучаров. – Душанбе, 2011. –191с.
69. Қазва, А. Хуршедҳои гумшуда / А. Қазва. Адабиёт ва санъат, 11-уми март соли 1999.
70. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. / Д. С. Лихачев. Избранные работы в трех томах, Т-1. – Ленинград: “Художественная литература”, 1987. –с. 24-260.
71. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. / Д. С. Лихачев. – Ленинград, 1967. –260с.
72. “Литература и жизнь”, 17 июля 1960. –с. 12-21.
73. Лихачев, Д. С. Заметки о русской. / Д. С. Лихачев. Избранные работа в трех томах, Т-2. –Ленинград: “Художественная литература”, 1987. –с. 418-494.
74. Лихачев, Д. С. Прошлое-будущему. Статьи и очерки. / Д. С. Лихачев. – Ленинград: “Наука”, 1985. –575с.
75. Ломидзе, Г.И. В поисках нового. / Г. И. Ломидзе. – Москва: “Советский писатель”, 1963. –350с.

76. Ломидзе, Г. И. Ленинизм и судьбы национальных литератур. / Г. И. Ломидзе. – Москва: Современник, 1982. –288с.
77. Ломидзе, Г. И. О социалистическом содержании и национальной форме литературы народов СССР. / Г. И. Ломидзе. Москва: Знание, 1952. – 31с.
78. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста, / Ю. М. Лотман. - Ленинград: Просвещение, 1972. –238с.
79. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова. / Ю. М. Лотман. – Москва: Просвещение, 1988. –240с.
80. Маъсумӣ, Н. Достони табадуллоти ҳаёт. / Н. Маъсумӣ. Ҷаҳонбинӣ ва маҳорат. Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1966. –с.58-72.
81. Масъумӣ, Н. Таронасарои ғояҳои коммунизм. / Н. Маъсумӣ. Ҷаҳонбинӣ ва маҳорат. –Душанбе, нашриёти “Ирфон”, 1966. –с. 73-83.
82. Маъсумӣ, Н. Устои назми дилрабо. / Н. Маъсумӣ. Мирзо Турсунзода. Кулӣёт иборат аз шаш ҷилд, ҷ. I. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1971. –с. 316-323.
83. Маҳмадаминов, А “Намунаи адабиёти тоҷик” -и Садриддин Айни аз назари Мирзо Турсунзода. / А. Маҳмадаминов. Суханвари мумтоз. Маҷмӯаи мақолаҳо. –Хучанд: “Нури маърифат”, 2011. - с. 153-160.
84. Маъсумӣ, Н. Ҷавонӣ ва камолоти мусаввири хусну дил. / Н. Маъсумӣ. Ҷашнномаи Мирзо Турсунзода. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1970. –с. 5-23.
85. Мил Ҷон, Устворд. Ҳукумат ва масоили миллӣ /Мил Ҷон Устворд. Сухан, 1364, N3-6 -с.857-883.
86. Мирзозода, Х. Дар бораи достони “Ҷароғи абадӣ”. / Х. Мирзозода. Адабиёт аз нуқтаи назари ҳаёт – Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1973. –с. 257-271.
- Мирзоюнус, М. Таҳаввули шеърӣ сиёсӣ дар ашъори Мирзо Турсунзода. / М. Мирзоюнус. Адабиёти миллӣ ва муколамаи фарҳангҳо. – Хучанд: Нашриёти “Ношир”, 2016. – с. 197 - 208.

- Мирзоюнус М. Тасвир ва аносири тасвиреч дар ашъори Мирзо Турсунзода / М. Мирзоюнус. Адабиёти миллӣ ва муколамаи фарҳангҳо. – Хучанд: Нашриёти “Ношир”, 2016. – с. 208 - 213.

87. Мирсаидов, Б. Тасвирпардозӣ дар ашъори Мирзо Турсунзода. / Б. Мирсаидов. Суханвари мумтоз. Маҷмӯи мақолаҳо. –Хучанд: “Нури маърифат”, 2011. –с.245-251.

88. Муайиди Шерозӣ, Ҷ. Шеърӣ форсӣ аз машрутият то имрӯз ҳамроҳ бо нақди соҳибназарон ва мабоҳиси шеърӣ муосир. / Ҷ. Муайиди Шерозӣ. – Техрон, Маркази нашри “Сипехр”, 1357. –340с.

89. Муллоаҳмад, М. Шарқи хориҷӣ аз нигоҳи Мирзо Турсунзода. / М. Муллоаҳмадов. Мирзо Турсунзода ва масоили назарии фарҳанги навини тоҷикон. -Душанбе, 2011. -с. 168-184.

90. Мусулмонкулов, Р. Рӯзгор дигар-дигар аст /Р. Мусулмонкулов. Адабиёт ва санъат. 11-уми март соли 1990.

91. Мусулмонкулов, Р. Фурӯғи шеърӣ ҷонпарвар. / Р. Мусулмонкулов. – Душанбе, нашриёти “Ирфон”, 1984. –224с.

92. Мутаҳаррӣ, М. Хадамоти мутақобили ислом ва Эрон. / М. Мутаҳаррӣ. –Душанбе: Ройзании фарҳангии Ҷумҳурии исломии Ирон дар Тоҷикистон, 1999. –550с.

93. Муҳибов, Х. Доир ба таҳрири достони “Ҳасани аробакаш” ва сабаби он. / Х. Муҳибов. Маҳорати эҷодии Мирзо Турсунзода. –Душанбе, 1981. –с. 57-64.

94. Набавӣ, А. Мурабӣ ва устоди ғамхори ҷавонон. / А. Набавӣ. Ҷусторҳо ва ибтикорот дар наср. –Душанбе, нашриёти “Адиб”, 2009. –с.71-82.

95. Набиев, А (Набавӣ). Таърихи ташаккули иттифоқи нависандагони Тоҷикистон. / А. Набавӣ. –Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2004. –80с.

96. Набиев, А. Бозсозӣ ва таърихи адабиёти советии тоҷик. / А. Набавӣ. “Садои Шарқ”, 1989, -с.130-134.

97. Насриддинов, А. Маърифат ва шарҳи адабиёт. / А. Насриддинов. – Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1991. –187с.
- 97^{“а”}. Нодирпур, Н. Мехрнома. / Н. Нодирпур. “Садои Шарқ. 1980, №12. –с.138.
98. Одинов, В. Г. Художественно-исторический опыт в поэтике русских писателей. / В. Т. Одинов. –Новосибирск: “Наука”, Сибирское отделение. 1990. –208с.
99. Ориёнфар, Ш. Назаре ба санъатҳои бадеии шеърӣ устод Мирзо Турсунзода. / Ш. Ориёнфар. Мирзо Турсунзода ва масоили назарии фарҳанг навини тоҷикон. –Душанбе, 2011. –с.311-316.
100. Отахонова, Х. Аз рӯи меҳр-меҳр. / Х. Отахонова. –Душанбе, нашриёти “Ирфон”, 1979. –96с.
- 100^{“а”} Отахонова, Х. Мусаввири моҳири симои зан / Х. Отахонова. Занони Тоҷикистон. 1981, №9. –с.8-9.
101. Пулодова, Ш. Мирзо Турсунзода ва Файз Аҳмади Файз. / Ш. Пулодова. Турсунзода дар ёдҳо. –Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2011. –с. 368-373.
102. Раҳимов, С. Рӯди ман, олам дигар шуд. / С. Раҳимов. Мирзо Турсунзода ва масоили назарии фарҳанги навини тоҷикон. –Душанбе, 2011. – с. 403-426.
103. Раҳмонӣ, Р. Мирзо Турсунзода ва фолклор. / Р. Раҳмонӣ. Мирзо Турсунзода ва масоили назарии фарҳанги навини тоҷикон. – Душанбе, 2011. –с.279-287.
104. Раҷабӣ, М. Таърихи танқид ва адабиётшиносӣ. / М. Раҷабӣ. – Душанбе, нашриёти “Адиб”, 1997. –207с.
105. Раҷабов, Э. Баъзе масоили шинохт ва шиносоии осори Мирзо Турсунзода. / Э. Раҷабов. Суханвари мумтоз. Маҷмӯаи мақолаҳо. –Хуҷанд, “Нури маърифат”, 2011. –с.310-315.
106. Саидзода, Ҷ. Шеърӣ Турсунзодаву ин обшорон зинда бод. / Ҷ. Саидзода. –Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2010. –160с.

107. Саидзода, Ҷ. Назаре бо шохкорихои Мирзо Турсунзода / Ҷ. Саидзода. Адабиёт ва санъат. 20-уми апрели соли 2006.
108. Саидов, С. Шўхрати Мирзо Турсунзода дар Афғонистон. / С. Саидов. Мирзо Турсунзода ва масоили фарҳанги навини тоҷикон. –Душанбе, 2011. – с.224-236.
109. Сайфуллоев, А. Мирзо Турсунзода ва давраҳои эҷодиёти ӯ. / А. Сайфуллоев. Мирзо Турсунзода ва масоили фарҳанги навини тоҷикон. – Душанбе, 2011. –с.59-98.
110. Сайфуллоев, А. Мирзо Турсунзода. / А. Сайфуллоев. –Хучанд, 2004. – 432с.
111. Сайфуллоев, А. Роҳи эҷодии шоири мубориз. / А. Сайфуллоев. Тафаккур ва образ. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1968. –с.3-55.
112. Сайфуллоев, А. Таронаи ишқ. / А. Сайфуллоев. Ҷашнномаи Мирзо Турсунзода. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1970. –с.51-70.
113. Сайфуллоев, А. Бузургтарин шоири даврони мо. / А. Сайфуллоев. Суханвари мумтоз. – Хучанд, “Нури маърифат”, 2011. –с.22-65.
114. Салимов, Н. Осори Мирзо Турсунзода ва таҷдиди назар ба адабиёти навини тоҷик. / Н. Салимов. Суханвари мумтоз. Маҷмӯаи мақолаҳо. – Хучанд, “Нури маърифат”, 2011. –с.15-21.
115. Салимов, Ю. Мусаввири табиат. / Ю. Салимов. Ёдгори умр. Ҷилди I. –Хучанд, “Нури маърифат”, 2003. –с.406-421.
116. Самад, А. Ифтихори миллат. / А. Самад. Турсунзода дар ёдҳо. – Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2011. –с. 224-236.
117. Сатторзода, А. Шеърҳои Турсунзода ва асолати шеър. /А. Сатторзода. Кӯҳна ва нав. –Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2004. –с.55-57.
118. Сатторов, А. Қайдҳо дар хошияи куллии шоир. / А. Сатторзода. Нуқтаи пайванд. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1982. –с. 16-36.
119. Табаров, С. Як саҳифаи ҳаёти Мирзо Турсунзода. / С. Табаров. Ошони меҳр. –Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2011. –с.212-219.

120. Табаров, С. Баъзе кайдхо дар бораи услуби дostonнависи Мирзо Турсунзода ва дostonи “Ҳасани аробакаш” -и ӯ. / С. Табаров. Ҳаёт, адабиёт, реализм. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1966. –с. 193-219.
121. Табаров, С. Ягонагии чанбаҳои таърихӣ ва адабӣ-бадеии як дoston. / С. Табаров. Маҳорати эҷодии Мирзо Турсунзода. –Душанбе, 1981. –с.5-30.
122. Тихонов, Н. Мирзо Турсунзода. / Н. Тихонов. Турсунзода дар ёдхо. – Душанбе: нашриёти “Адиб”, 2011. –с. 62-68.
123. Тоҳирҷонов, А. Рӯдакӣ. Рӯзгор ва осор. Таърихи таҳқиқ. / А. Тоҳирҷонов. –Душанбе, 2009. –с. 226.
124. Турсунзода М. Куллият, ҷилди I. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1971. –327с.
125. Турсунзода М. Куллият, ҷилди II. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1971. – 335с.
126. Турсунзода, М. / М. Турсунзода. Куллият, ҷилди IV. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1985. –351с.
127. Хемлин, Г. Местный колорит в искусстве. / Г. Хемлен. Писатели США о литературе. – Москва: Прогресс, 1982. –с. 182-186.
128. Храпченко, М.Б. Горизонти художественного образа. / М.Б. Храпченко. –Москва, “Художественная литература”, 1986. –440с.
129. Храпченко, М. Б. О прогрессе в литературе. / М. Б. Храпченко. Творческая индивидуальность писателя и развития литературы. –Москва: “Художественная литература”, 1977. –с. 303-363.
130. Худойдодов, Б. Шоир ва айёми мо. / Б. Худойдодов. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1976. –192с.
131. Ҳаким, А. Бозтоби муфради ғиноӣ (дар ашъори нимаи дуюми садаи бисти - Мирзо Турсунзода). / А. Ҳаким Мирзо Турсунзода ва масоили назарии фарҳанги тоҷикон. Душанбе, 2011. –с. 123-147.
132. Ҳакимов, А. Шеър ва замон. Масъалаҳои инкишофи шеъри муосири тоҷик. / А. Ҳаким. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1978. –252с.

133. Ҳодизода, Р. Муносибати эҷодии Мирзо Турсунзода ба назми классикӣ. / Р. Ҳодизода. Аз Рӯдакӣ то имрӯз. –Душанбе: нашриёти “Адиб”, 1988. –с. 253-265.
134. Шакурии Бухорӣ, М. Як нигоҳи умумӣ ба адабиёти тоҷикии садаи бист. / М. Шакурии Бухорӣ. Нигоҳе ба адабиёти тоҷикии садаи бист. – Душанбе, 2006. –с. 399-433.
135. Шакурии Бухорӣ, М. Аз пайи фаҳмиши нав. / М. Шакурии Бухорӣ. Нигоҳе ба адабиёти тоҷикии садаи бист. –Душанбе, 2006. –с.11-32.
136. Шакурии Бухорӣ, М. Падари миллат. / М. Шакурии Бухорӣ. Нигоҳе ба адабиёти тоҷикии садаи бист. –Душанбе, 2006. – с.211- 283.
137. Шакурии Бухорӣ, М. Диди эстетикӣ халқ ва насри реалистӣ. / М. Шакурии Бухорӣ. –Хучанд: “Нури маърифат”, 2006. –192с.
138. Шамисо, С. Анвои адабӣ. Чопи даҳум. / С. Шамисо. –Техрон: Фирдавсӣ, 1381. –376с.
139. Шарифов, Х. Сухан аз адабиёти миллӣ. Маҷмӯаи мақолаҳо. / Х. Шарифов. –Душанбе, 2009. –476с.
140. Шарифов, Х. Бунёди гуманистии шеърӣ Мирзо Турсунзода. / Х. Шарифов. Суннатҳои адабӣ. –Душанбе, 2007. –с.108-124.
141. Шестой съезд писателей СССР. Стенографический отчет. –Москва, “Советский писатель”, 1978. Баргирифта аз китоби: А. Сайфуллоев. Мирзо Турсунзода. –Хучанд, 2004.
142. Шеърдӯст, А. Нигоҳе ба ашъори устод Мирзо Турсунзода / А. Шеърдӯст. Адабиёт ва санъат, 13-уми октябри соли 2011.
143. Шеърдӯст, А. Мирзо Турсунзода сухансарои навоар. / А. Шеърдӯст. Мирзо Турсунзода ва мсоили назарии фарҳанги навини тоҷикон. –Душанбе, 2011. –с. 148-167.
144. Шодикулов, Ҳ. Хусусиятҳои миллӣ ва умумииinsonии назми Турсунзода. / Ҳ. Шодикулов. Ҷашнномаи Мирзо Турсунзода. –Душанбе: нашриёти “Ирфон”, 1970. –с. 71-91.

145. Шукуров, М. Анъана, халқият ва маҳорат. / М. Шукуров. –Душанбе: нашриёти давлатии Тоҷиистон, 1964. –160с.
146. Шучоъ, Ш. Бозтоби анъана дар эҷодиёти Мирзо Турсунзода. / Ш. Шучоъ. –Душанбе: “Дониш”, 2011. –170с.
147. Чалил, Р. Дӯсти ман. / Р.Чалил. Ёди шоири маҳбуб. –Ленинобод, 1981. –с. 3-6.
148. Чалил, Р. Маҳбуби халқ. / Р. Чалил. Шарқи сурх, 1961, №11. –с. 90-102.
149. Элеберг, Я. Е. Индивидуальные стили и вопроса их историко-теоретического изучения. / Я.Е. Элеберг. Теория литературы. –Москва: Издательства “Наука”, 1965. –с.34-59.